

Казан-мазан

Елена Шубенкина

Елена Шубенкина

Казан-мазан

«Автор»

2024

Шубенкина Е.

Казан-мазан / Е. Шубенкина — «Автор», 2024

Автор тринадцать лет прожила в Туркмении времён развитого социализма 80-90-х годов прошлого века. Воспоминания о жизни в городе Ташаузе и о работе на территории самого большого Туркменского заповедника, Капланкырского, представляют из себя сборник рассказов, которые перемежаются письмами другу от увлеченного биолога-полевика. Книга будет интересна рожденным в СССР, тем, кто жил и работал в среднеазиатских республиках, в том числе и по распределению вузов. Любители природы увидят уникальные снимки флоры и фауны пустыни и прочтут о наших интересных пустынных находках. Все фото выполнены автором из семейного архива.

© Шубенкина Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Как мы летели в отпуск с кучей змей	6
Начало начал	8
Жильё молодых специалистов	11
Научный отдел с азиатским колоритом	14
Как мы первый раз в пустыню ездили	17
Болезнь Боткина и бесплатная туркменская медицина	22
Как я уезжала в пустыню	26
Жизнь в пустыне и встречи с волками	31
Как о нас писали книжку и фотохроника первого сезона	38
На передовой туркменской науки	58
Первый отпуск и: в нашем полку прибыло	60
О семейной жизни биологов	66
Научные конференции как способ посмотреть мир	71
Осенние выезды в пустыню: недолгие, но запоминающиеся	77
Наш крылатый сосед Жорка	82
Самолетные истории	92
Корабли пустыни и наши встречи с ними	103
Как мы прославились в передаче "В мире животных"	111
Приколы нашего городка: наш быт	115
Приколы нашего городка: наземный транспорт	119
Новая жизнь	127
Водные проблемы Средней Азии и наша жизнь	130
Про землетрясение, которое спасло жизнь мужу	138
Как мы спасались от жары	142
Двое в пустыне не считая мотоцикла	144
Коварство пустыни	148
Сокол балобан, арабские шейхи и мы меж ними	151
Пещеры в пустыне: хранители жизни и истории	159
Наши дети – дети пустыни	169
Недетские истории в пустыне	178
Вместе весело шагать по просторам	190
Как детские учреждения в Туркмении вмещают столько детей?!	213
Национальный вопрос и наши будни в Ташаузе	220
На пороге школы, последние полевые по правильному графику	223
О средней школе и высшем образовании	236
Как меняется жизнь после получения учёной степени	240
Эпилог	244

Елена Шубенкина

Казан-мазан

Предисловие

Всё, что изложено ниже – реальные события из нашей жизни в Туркмении в 80-90-е годы. Не удивляйтесь, мы – биологи, и этим всё сказано. В 1981 году мы уехали в Туркмению работать в пустынном заповеднике на границе Кара-Кумов и Южного Устюрта сразу после окончания Уральского госуниверситета им. Горького в Свердловске. После распада СССР мы вернулись на родину, но Южный Устюрт и Каракумы навсегда останутся в наших сердцах. Потом мы ещё несколько раз возвращались по отпускам в пустыню, пока Туркмения совсем не стала закрытой страной.

Идея воспоминаний давно обсуждалась в нашем тесном научном коллективе Каплан-кырского заповедника, который в большинстве и состоял из выпускников биофака УрГУ. Но никто не решался начать. Лишь волшебный пинок моей подруги однокурсницы сдвинул дело с мёртвой точки. Однажды я получила от неё по почте целую пачку писем, которые аккуратно хранились более сорока лет. Это мои письма ей из Туркмении. Постепенно пробираясь по листочкам через свой молодой почерк, я и начала...

Почему казан-мазан? Кто жил в Туркмении знают эту присказку. Но мы в первый выезд в пустыню, когда начальник попросил выгрузить казан-мазан, тщетно искали в кузове ГАЗ-66 ещё и мазан. А это не что иное, как всё, что прилагается к казану. И у всякого хозяина это приложение разное: от крышки до съедобного наполнения казана и хорошего настроения от вкушения пищи. Моя книга – как большой казан, который два года наполнялся воспоминаниями о нашей туркменской молодости. Помимо моих рассказов в книге присутствуют письма для лучшей подруги. Не было раньше ни смартфонов, ни электронной почты, и общались мы в 80-х на расстоянии посредством простых писем на бумаге. В них – дух того времени, нашего оптимизма и азиатского колорита

А для начала – смешной случай с нашим научным коллективом.

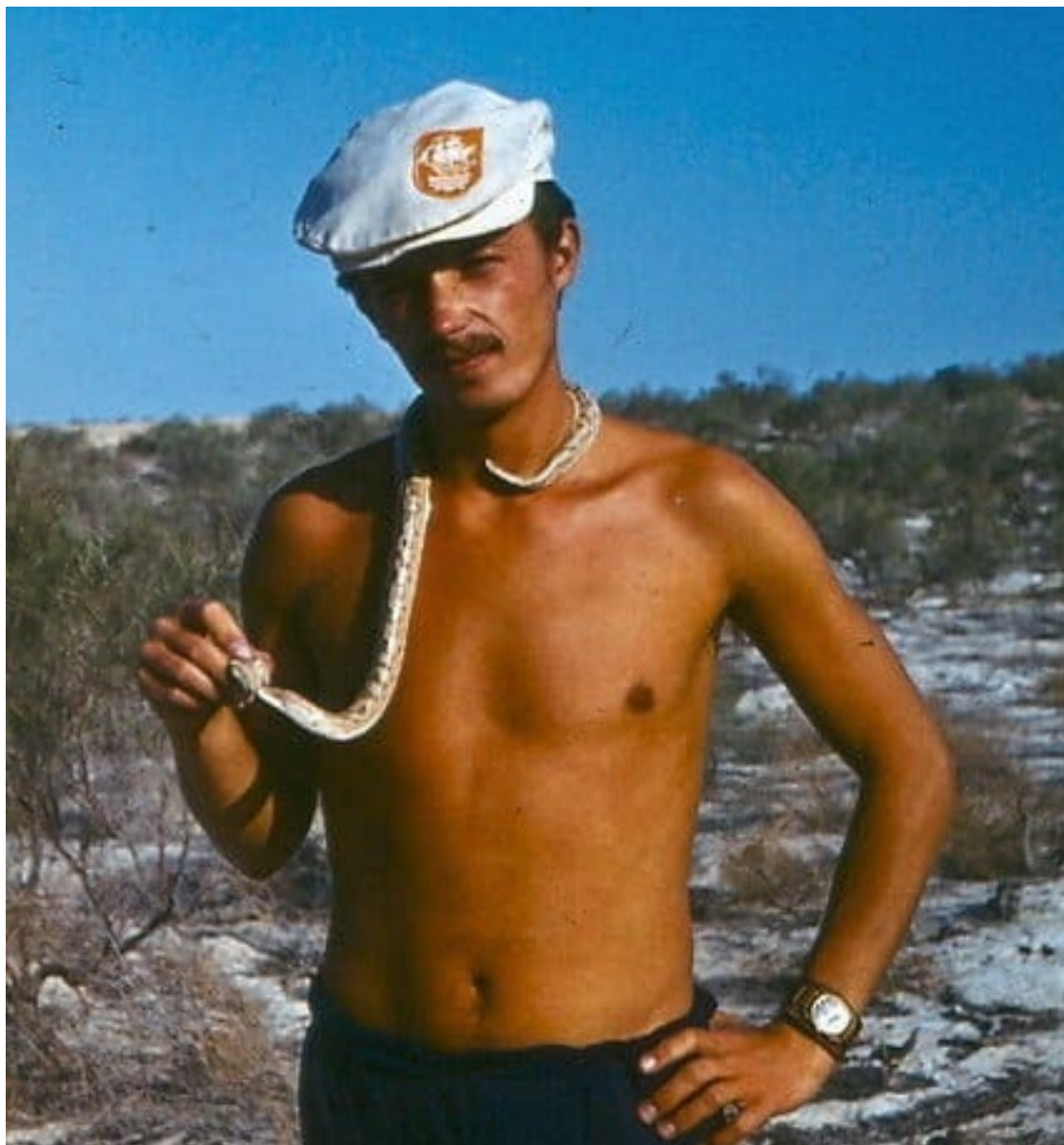
Как мы летели в отпуск с кучей змей

Когда в июле в пустыне устанавливается жара за +40, живность там впадает в спячку. Работа у нас в это время останавливалась. Поэтому каждое лето руководство заповедника отправляло нас в отпуск. И летели мы на родину, на Урал. Почти все мы были из Свердловска. Прямых рейсов из Ташауза не было, и в Уфе надо было делать пересадку.

Под ферулой. Наши дети в пустыне

Кто берет в отпуск своих детей, а герпетолог Андрей Затока взял и своих питомцев: кобру, варана и несколько удавчиков и сцинков. Он не нашёл в городе человека, который бы ухаживал за ними на время отпуска. Безвыходная ситуация была. Гады были упакованы надёжно по мешкам и мешочкам. Но ждать следующего самолета в Уфимском аэропорту надо было часов пять. И тут Андрей решил своих зверей покормить и напоить. Прямо в зале ожидания. Нас было четверо взрослых и четверо детей от 2 до 4 лет. Ещё куча багажа, места с трудом нашли, и то не всем хватило. И вдруг я замечаю, что рядом со мной освобождается местечко, сажу туда дочку. С другой стороны тоже место опустело вдруг. Ну классно, муж отдохнёт. Но скоро в секции, где мы сидели и стояли, не стало никого. Только одна женщина сидела и печальными глазами смотрела на Затоку. Ну а что? Андрей занимался привычным делом: доставал по очереди из кармана курточки удавчиков и поил их. Мы то знаем, что это неядовитые змеи, сами сколько раз с ними фотографировались. Но у пассажиров явно была паника.

Восточный удавчик не может удавить, даже забравшись на шею. Фото автора

Жена Затоки Женя пожалела обездвиженную женщину, сидевшую напротив Андрея, и подошла к ней, чтобы успокоить. И та сказала, что ушла бы, но ноги онемели. А в это время малышня наперебой просила подержать красивых удавчиков. Так весело и в комфорте мы провели оставшееся время до рейса на Свердловск.

Перед досмотром на посадку все удавчики были аккуратно уложены по карманам болоньевой курточки Андрея под молнии. Варан засунут в мешок и в рукав этой курточки. А вот кобру пришлось нести Жене в детском горшке. На досмотре тогда сканировали только чемоданы. А про горшок было сказано, что там детская неожиданность. Открывать крышку горшка никто не стал.

Во время отпуска в Свердловске мы зашли в гости к Затокам. Андрей выгуливал в заросшем палисаднике среди хрущёвок своего варана. Как всегда в полном одиночестве.

Начало начал

1 октября 1981 года, аэропорт Кольцово, Свердловск. "Одумайтесь, куда ж вы попёрлись. Это не Узбекистан, не Казахстан, и даже не Таджикистан. Это же Туркмения..." Такими словами провожал меня на рейс Свердловск-Ашхабад мой научный руководитель и самый лучший декан биофака УрГУ Сергей Васильевич Комов. Случайно столкнулись в зале ожидания аэропорта. Нашу группу поддержки трудно было не заметить. Кроме родственников с десятков знакомых лиц: биофаковцев, которые приехали проводить наш первый туркменский заповедный десант. Втроём мы уезжали поднимать заповедное дело в отдельно взятой советской республике.

В 1981 году я закончила биологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького в городе Свердловске Свердловской области. Это столица Урала, кто не в курсе, и называется ныне Екатеринбург.

Во времена СССР было распределение выпускников ВУЗов. Всех после учёбы трудоустроивали. Наш биофак лояльно относился к этому процессу, обязательки не было. Если ты сам находил себе место будущей работы, то с радостью туда и направляли. А уж если не находил, то путь лежал в среднюю школу учителем.

Поскольку я с первого курса работала в Дружине по охране природы (ДОП) и обучалась на кафедре "Биогеоценологии и Охраны Природы", то искала место себе в заповеднике. А тут как раз в Туркмении открывался новый заповедник, Капланкырский, с десятком ставок научных сотрудников. Обещали не только работу, но и жильё. А в двадцать с небольшим лет очень интересно пожить самостоятельно, посмотреть на другой мир, другую природу. И по сути неважно, где охранять и изучать природу, в лесах, тундре или пустыне. Ну вот мы и собрались в пустыню. Я конечно была не одна. Согласились поехать в далёкий край ещё два орнитолога с нашего курса: Сергей Антипов и Владимир Шубенкин. А в самой Туркмении была надёжная поддержка московских ДОПовцев во главе со Святославом Забелиным. Они уже жили и работали в Сянт-Хасардагском заповеднике на самом юге республики. А мы ехали на самый север, где Туркмения граничит одновременно с Казахстаном и Узбекистаном.

Письмо от 02 октября 1981 г.

"Здравствуй, моя милая Вакуоля! Телеграмму ты небось уж получила. Я отсылала её в Ашхабаде, а теперь мы в Ташаузе. Думаем, нас встретят на машине, а потом накормят бараниной, но фигу с маслом. Директор с окружением умотал в заповедник (200 км от города).

Сиюю я теперь в номере единственной в Ташаузе гостиницы и пишу тебе. Только что мы набузгались (как говорит Серёжа Антипов). Помнишь, как мы с тобой ели фрукты в Евпатории, так и здесь. Но по сравнению с тобой ребятам слабо съесть 2 кг винограда и дыньку (кг 7-8) за один присест. Теперь они ушли в свой номер спать, а остатки лежат предо мной на столе (смотреть на них не могу). Ваш Пух действительно пухнет. И штаны, подаренные вами и рассчитанные на усыхание, придется видимо натягивать с мылом.

Теперь, как в любой светской беседе, о погоде. В Ашхабаде было +25-27, я бегала в белом костюмчике (боже, сразу вспомнила проводины, тортик "3-й друг", всех вас, мюмзики...) В Ташаузе светит солнце, но не греет, всего +15 и ветер. Но замечателен тот факт, что за 5 дней мы не видели ни тучки. Наш Гутлы прикатит только в воскресенье или понедельник. So мы знакомимся с городом. Побывали сегодня в торговом центре и восточном базаре. Везде и всюду одни местные...

Универмаг здесь большой, много хороших импортных тряпок, обувь – исключительно из соц. стран, лежит польская косметика (крем, молочко), французская тушь и болгарский лак. Много импортных детских игрушек, очень красивые – прямо глаз радуется. Если тебе и Наташке что-либо необходимо, то пишите подробно, что. Так просто это нельзя оставлять.

Ну, есть ещё вещи более солидные, как то сервизы, мебельные гарнитуры, хрусталь и ковры. Но это интересует большие, по-моему, людей с тысячами в кармане. Наташке передай, что здесь из кассетных магнитофонов есть "Тоника-310 стерео" и "Протон". Наташа, дай характеристику этим вещам.

Но нет в этом городе стирального порошка, шампуня (хотя импорт. немецкое мыло есть в Ашхабаде), и единственная баня закрыта на ремонт. Да, нет тут ещё уютюгов и электронагревателей. Мороз придёт, чай, хана нам будет. Через 2 дня нас пнут из гостиницы. Хотя, конечно не жалко такой жилплощади, но где жить без прописки – не ясно.

В Ташаузе есть русские. Они на нас и мы на них смотрим, как на диковинку, т.к. количество -1-2%.

Оля, банку кофе растворимого я тебе выслала, только не индийского, а советского, т.к. иностранное уже – йёк. А чай чёрный – теперь есть, местные берут всё зелёный.

Соображаем тут, на чём можно сделать бизнес в этих краях. Серёжа предлагает закупить партию меховых мужских ушанок, они, местные, в этих уборах даже летом ходят, а в магазинах их нет. Также неплохо завезти сюда контейнер картошки(на рынке она по рублю), а обратно отправить его с дынями (шутка).

Мне так хочется, чтобы вы все оказались тут хоть на денёк и наелись фруктов – их тут изобилие! Мы ещё не привыкли к этому, и глаза разбегаются. Правда, всё это на рынке, но не такое уж дорогое, в пределах наших гос. цен и дешевле. Жалко, что персики уже отошли.

Ну вот и всё. Крепко всех вас обнимаю и целую. Привет всем-всем.

Ваши Пух! Пишите! P.S. Могу выслать финские Mallboro, они тут лежат...

Туркменская семья в посёлке Казанлы Ташаузской области, куда мы уехали

Пишите пока на казенный адрес: 746300 Туркменская ССР, г. Ташауз, ул. Ильялинская, д.29, Каплан-Кырский заповедник, Самаркиной Елене Юрьевне"

Жильё молодых специалистов

Когда мы прилетели из Ашхабада в Ташауз, то прибыв в контору к месту распределения обнаружили, что директора заповедника нет. А именно он обещал мне и Володе Шубенкину жилплощадь, когда мы ездили сюда на разведку в феврале. Бухгалтер предложил нам пожить в гостинице, пока директор не вернется из поездки на территорию заповедника. Естественно оплата гостиницы за счет предприятия.

Но прошла неделя, и счета за проживание в двух номерах выросли в неприличную сумму. Директор всё же решил искать нам жильё. И оно нашлось. Заместитель по научной работе, узбек по национальности, привёз нас в частный дом в узбекскую семью. Со словами: "Пока тут поживите, а когда квартиры будут распределять, мы вам выделим".

Честно говоря, такой вариант мы ожидали. Так что возмущаться не стали. Комнаты были большие, дом теплый, с газовыми голландскими печками. Разве что удобства на улице. Но и зиму мы ожидали южную. По незнанию.

Дом был четырехкомнатный, кухня в большом коридоре, соединяющим комнаты. Хозяйка дома Тазыгуль, примерно сорока лет, работала на железнодорожной станции и растила одна пятерых детей. С замом по науке они были то ли родственники, то ли хорошие знакомые. Поэтому оплата квартирантов стала дополнительным доходом семьи.

И комнаты нам выделили самые просторные. Я жила в комнате около 25 кв.метров, а у ребят комната была проходная (в мою) ещё больше, метров тридцать. А вот печка была одна, только у ребят. И стол был только один, там же. Из конторы мы привезли три стула. Так что завтракали, ужинали и писали письма вот за этим единственным столом.

В моей комнате была высокая железная старинная кровать. А на ней ворох матрасиков, почти до потолка. Когда в доме собираются гости, то вокруг скатерти с яствами на полу раскладывают эти вот матрасики, примерно 2-3 см толщиной. Чтобы гостям было удобно сидеть на полу. Мне разрешили убрать эту грудку с кровати. И ещё в комнате был буфет из 60-х годов. Там хранились чайники и пиалушки в невероятном количестве. Видно большие застолья были раньше в этой семье или так положено.

А вот ребятам пришлось спать на полу. Правда и матрасы им привезли нормальные, толстые ватные, в качестве экспедиционного снаряжения. И ещё спальники выдали какие-то военного образца. Зато подушек у них в комнате было много. Полы в доме все были покрыты настоящими туркменскими коврами. Это мы потом узнали, что в Чарджоу есть ковровая фабрика, и ковры там делают шерстяные, а не синтетику.

На кухне стояла газовая четырехконфорочная плита с духовкой. Нам разрешили готовить на ней в любое время дня и ночи. Сами хозяйка ужинали почти в темноте. Хоть у Тазыгуль и было три дочери, но чаще готовила она сама, а с работы возвращалась поздно.

Письмо от 20 октября 1981 г.

"Здравствуй, забывенная Вакуоля. Как же я по тебе соскучилась! Сижу я сейчас в комнате полной узбекских ребятишек. Это Володя изучает узбекский язык. Сначала он долго пытался выговорить: я тебя не понимаю (естественно по-ихнему). Но так и не смог (я, кстати, тоже не могла). Детишки веселились от души. Потом они предложили ему поиграть в рулетку. Это такая игра, выпускаемая в Таллине. Вообще-то она детская. Но вполне можно играть на деньги. Но мы до этого ещё не докатились. Сейчас Вова объясняет им (детям), что такое чётные, а что такое нечётные числа.

Ну что ж. Ему можно простить такие шалости. Мы сегодня под мухой... сегодня мы пили пшеничную водку. Естественно такую гадость – только из уважения к хозяину дома, где мы опять заправлялись на обеде, как верблюды. Подавали на пол плов, виноград, арбуз, дыню. Но в таки-и-и-х количествах. Точно, тут живут (вернее жуют, едят) по принципу верблюда.

Только вместо горба откладывается на пузе и во втором подбородке. Где откладывается у меня, ещё не разобрала, то ли на корме, то ли на шее. Штанишки из вьетнамского хлопка пока лезут (представь, даже без мыла). Сегодня я в них собирала хлопок. – Сельхозработы!

Мешок хлопка наполнили. Слева стоит м.н.с. с сумкой для сбора хлопка. Такие выдавали всем.

У нас морковь и др. овощи, а тут – хлопок. Посадили нас на автобус и отвезли на поле. Норма – 10 кг на душу. Хотя колхозники собирают по 80-120 кг. Весь день на солнце и ветру. Лицо теперь горит... Счас буду мазаться кремами. Да, приобщились, как говорится. Растёт этот хлопок, как наша картошка, длинными рядами на огромных полях. Но тут рабочая психология иная, чем у нас на Урале. У нас всё делают на ура!. Убрал – и гуляй Вася. А тут коробочки раскрываются в течение месяца. Вот и утюжат это поле десять раз (и более) по принципу тише едешь, дальше будешь; что не собрал сегодня, соберут завтра... Короче, сбор хлопка выливается в культурно-массовое мероприятие. С обедом у сотрудника, живущего в этом колхозе...

Сбор хлопка проходит весело. Слева направо: бухгалтер, с.н.с., егерь. Фото из семейного архива

*Скоро ночь. Опять на небе включит аллах луну. Опять будет выть под окном собака на куче сорго. И я опять засыпая вспомню всех вас, Сергу...
Спокойной ночи. Целую тебя крепко-крепко. Всегда твой Пух."*

Научный отдел с азиатским колоритом

Ну мы конечно знали, на что шли. Вернее, ехали в туркменский город Ташауз, чтобы работать в научном отделе Капланкырского заповедника.

К нашему приезду заповеднику было уже два года. Там был полный штат. И даже был научный отдел в лице одного начальника. Не хватало только научных сотрудников. Тех, кто будет собственно и работать, исследовать территорию, вести учеты, создавать ежегодную Летопись природы заповедника. Постепенно мы познакомились со всеми сотрудниками, но первые месяцы в основном общались с заместителем директора по научной работе. Это был узбек с обычными узбекскими ФИО: Атамурадов Сабур Атамурадович. Он не имел биологического образования. Да и высшего образования не имел. Но он был коммунистом. И возглавлял партийную организацию заповедника.

Научный отдел в 1982 году в пустыне. Начальник в форменной фуражке. Я – справа от него.

Поскольку в Министерстве охраны природы в Ашхабаде в наш приезд работали и даже руководили отделом заповедников европейцы с научными степенями, то с нашего заповедника требовали отчёт о проделанной работе. Главным отчетом была Летопись природы. И мы даже получили в руки летопись за прошлый год. Целый рабочий день мы веселились в конторе, читая про китообразных в пустынном заповеднике и другие плюшки. Это был переписанный учебник зоологии для шестого класса. Видно у Сабура Атамурадовича был школьник подходящего возраста из его многочисленных детей.

Чтобы расположить к себе человека, в Средней Азии приглашают в свой дом, кормят пловом, угощают чаем с лепёшкой и конфетами. Понятно дело, наш начальник представлял, что ничего научного он не сотворит, в поле не поедет работать, но начальником надо остаться. Поэтому как-то раз пригласил в гости. Мы сидели на полу веранды на кошмах, а из дверей дома то и дело выбегали ребятишки, и их было не меньше десятка разного возраста. Атамурадов

щедро раздавал детям конфеты. Тогда Володя спросил: "Сабур Атамуратович, это всё Ваши дети?" . Тот ответил: "Тут и мои, и старшего сына." "А как вы их не путаете, ведь их так много". "Я их знаю, вот этот мой, этот тоже мой, этот старшего сына, а этот... А! Жена знает".

Перед подачей плова Сабур-ага всегда выставлял руки вперёд ладонями вверх и делал вид, что молится. Потом махал рукой и восклицал: "Ай, так сойдёт!" И приглашал всех к поеданию плова. Порой он оправдывался перед нами: "Вы не подумайте, я коммунист, но у нас так положено".

Плов подавали всегда после чая. Поскольку плов готовится часа полтора, то мы полтора часа заполняли желудки жидкостью. Чай в Средней Азии обычно пьют зелёный, каждому гостю выдавали маленький заварочный чайник примерно на 300 мл и пиалу. Во время чаепития положено разговоры разговаривать. Так наш начальник узнал, кто на какие должности рассчитывает и не покушается ли на его пост. Мы не претендовали. Главное, чтобы нас вовремя и с оборудованием и обмундированием вывозили в пустыню. Мы согласны даже на младших научных сотрудников. Сабур Атамуратович успокоился и заверил, что машины всегда в нашем распоряжении. А к полевому сезону к весне он организует нам вагончик и цистерну для воды.

Ну и ещё мы договорились, что в ближайшие дни он отвезёт нас на территорию заповедника для поиска места для полевого стационара.

Письмо от 15 ноября 1981 г.

"Здравствуй, милый дружочек! Здравствуй, родная Вакулька!

Как ты думаешь, откуда я шлю тебе это послание? Из аэропорта г. Ашхабада. До самолета целый час. Я только что зашла в магазин, запаслась мясом (в виде сосисок и окорока), благо оно здесь есть. А то у нас в Ташаузе одна картонная колбаса. Ну, это ладно.

А в Ашхабад мы летали по делу. Дела были в Министерстве, дела были в Копетдагском заповеднике, дела были в библиотеке АН. А дней было мало. Всего пять. Вообще-то тем людям, которые не сачкуют, времени хватило. Я успела всё и даже больше, чем намечала. Познакомилась с товарищами из Института ботаники и Института пустынь. Милые люди. Отзывчивые. (Сделаю сноску: русские).

В библиотеке переборошила кучу книг и журналов. Узнала о территории заповедника всё, что было возможно. За последнее время, впервые после написания диплома, испытываю некое моральное удовлетворение. Узнала, вернее познала, много нового и интересного про Каракумы, про их мужественных исследователей.

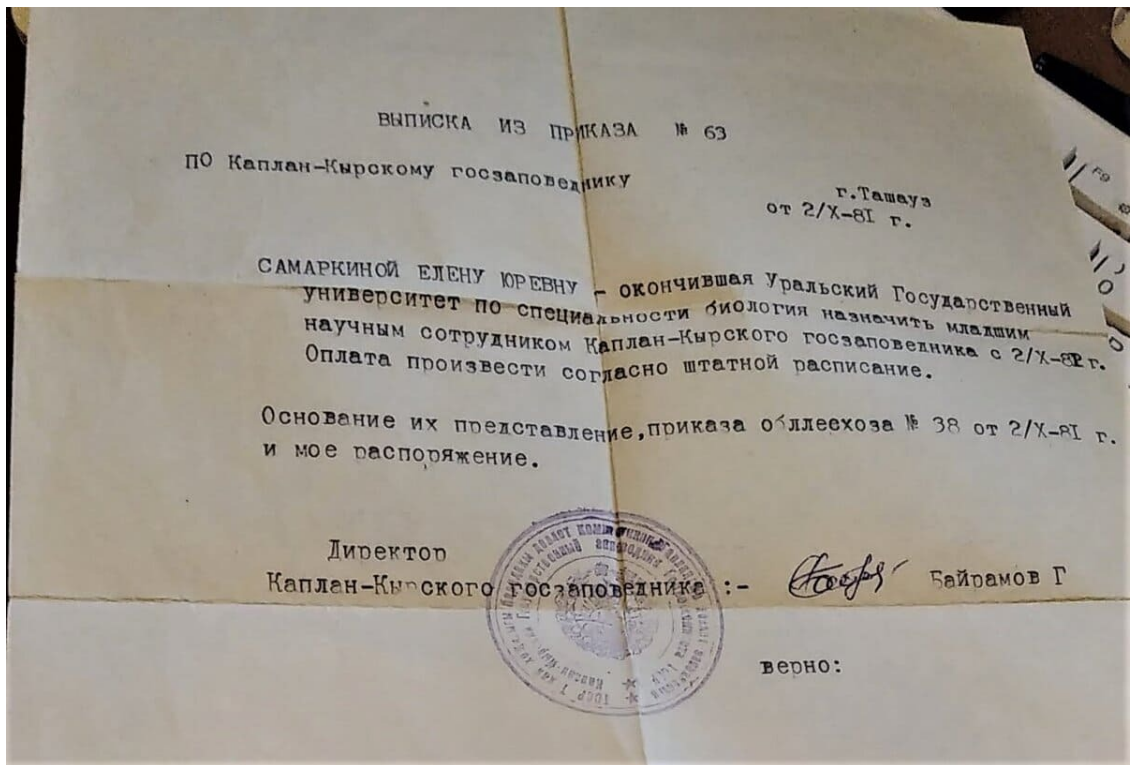
Жалко только, что не смогла поговорить (с глазу на глаз) с работниками из Управления заповедников. Эти дела проворачивали ребята. Я бы не постеснялась сказать им прямо, что пока у руководства в заповеднике будут те, кто есть, заповедника как научного серьёзного учреждения не будет.

Сегодня утром позвонила Наталье, – настроение поднялось до небес!... Ну вот, краткое послание на сём кончаю заверениями в том, что скоро прилечу к вам, мои мюмзики. Держите хвост пистолетом. А я иду на регистрацию и посадку в АН-24. Целую тебя крепко! Пух!"

Письмо от 17 ноября 1981 г.

Письмо составлено после неудачного похода в горисполком по поводу выделения нам отдельных квартир, как было и обещано директором заповедника при распределении. Эти попытки мы предпринимали периодически целый год...

"Здравствуй, милая Вакуоля! Спецш отослать тебе ещё один экспонат в коллекцию "Восточный вариант". Это не шутка, это вполне серьёзный документ, который сообщает (горисполкому), что мы работаем, а не дурака валяем. Кстати, и вы теперь можете быть осведомлены об этом официально (смотри подпись и печать). Весьма недурственно было бы после фамилии Байрамов поставить дефис...Но не стала портить документ.

Справка о месте работы в горисполком

Весь смак в том, что печатный вариант полностью соответствует рукописному черновику, составленному директором. Вот в такой обстановке мы живём и работаем. Ты уж не сетуй на проскальзывающие в письмах признаки моей дегенерации. Лучшие как друг укажи мне на них. Буду по мере возможности исправляться.

Да, тут нам необходим трезвый мудрый взгляд со стороны.. Не то сами не заметим, как станем такими же болванами. Возможно мы и болваны, оттого, что до сих пор ещё не уехали отсюда.

Ну ладно, всё. Жду ваших писем. А ещё больше жду встречи в декабре (1-4).

Ваши непутёвый Пух!"

Как мы первый раз в пустыню ездили

Горячая пора в пустынном заповеднике – это весна. И наш немногочисленный научный отдел на совещании принял решение отправиться на полевые даже немного пораньше: в феврале. Чтобы оценить обстановку с ландшафтами, заложить маршруты для учета численности, определиться с видовым составом и возможно застать пролёт птиц. А место для стационара надо было выбрать осенью. Поэтому мы поехали на территорию заповедника в октябре. Что-то уже стерлось в памяти от этой первой поездки, но некоторые моменты отпечатались, как фотографии, местами черно-белые, местами – цветные.

Надо отметить, что штат лесной охраны в заповеднике был укомплектован полностью. Лесников было не менее двадцати. И они выезжали на овечий стан Едихауз регулярно, используя три машины ГАЗ-66. Директор одну машину передал научному отделу. И вот погожим октябрьским деньком мы загрузили в кузов спальники, матрасы и одеяла, которые зам. по науке Сабур Атамурадович приобрел для своих подчиненных. Также в кузов поместились 30-литровые фляги с водой, пара казанов, печка, кумганы и несколько кошм. Собственно такое снаряжение было и у лесников. Кроме нас, троих молодых специалистов, в пустыню поехал наш начальник научного отдела и два лесника, чтобы показывать дорогу.

Помню водителя по имени Овез. Я время от времени ехала с ним в кабине, потому что дама. Он рассказывал мне про быт туркменских сёл. И про тюрьму, из которой недавно вышел. А сидел он там за то, что попал в аварию, в которой погибла его мать, сидевшая на пассажирском сидении. И что-то мне расхотелось ехать в кабине после этого рассказа. Я поменялась местами с начальником, чему он был очень рад.

Ещё помню, как мы перекусывали по дороге около рыбожарки. Да, именно такое было придорожное заведение, помимо известной чайханы. Рыбу лесники нам доставили прямо в кузов ГАЗ-66. Она была горячая, ароматная и очень вкусная. И удивительно, в ней не было костей. Позже, познакомившись с местной ихтиофауной, я поняла, что это был судак.

От Ташауза до границы Капланкырского заповедника путь не близкий: 300 км. И в пути мы пару раз останавливались у родни и знакомых наших сопровождающих. В каждом доме нас поили чаем и кормили лепешками. Плов не делали. Долго это, да и мы не настаивали. В сёлах жили бедно: мясо ели только по праздникам. А разве это праздник: приезд каких-то русских? Первую ночевку мы запланировали у колодца Чаршли. Но подъезжали к месту уже в темноте и немного заблудились. Так что решили ночевать, где придется. Лесники расстелили кошмы на песке, развели костёр из саксаула, вскипятили воду в кумганах. Саксаул горит долго и дает много тепла. Видно так всю ночь наши провожатые у костра и просидели. Водитель спал в кабине, а мы вполне уютно устроились в кузове.

Около колодцев Чарили. Их тут целый комплекс, так как поят овец на выпасе

На следующее утро этот колодец всё же отыскали. Осмотрелись: кругом однообразные пески, а заповедник-то создавался именно с целью изучения переходной зоны от глинистых пустынь Устюрта к пескам Каракумов. Поэтому место в песках совсем не подходило для полевого стационара. Но раз уж мы оказались в центре Каракумов, то решили доехать до знаменитого русла Узбой. Это древнее русло, по которому периодически текла река Аму-Дарья с востока на запад, соединяя озеро Сарыкамыш с Каспийским морем.

Это было моё первое и единственно посещение Узбоя. Больше я сюда никогда не попадала. Потому что это южная часть территории заповедника, а мы организовали стационар в северной. Но до сих пор стоит перед глазами глубооченный длинный котлован с водой на дне. А подойти к обрывистому берегу страшно, настолько далеко дно. Упадёшь туда, – и не выбраться.

Ещё запомнилось морозное утро. Даже иней был. Насолько было холодно, что зуб на зуб не попадал. Один из лесников даже шубу свою мне дал. Но как только поднялось солнышко, опять стало жарко. Вот это и есть резко континентальный климат пустыни.

Мне дали погреться в шубе. Готовлю завтрак и обед одновременно

В советское время в пустыне чаще попадались не биологи, а геологи. Они искали и полезные ископаемые, и воду. Их брошенные стоянки и даже многолетние стационары попадались нам много раз за годы работы. И вот на первом выезде в пустыню мы увидели живых геологов. Вернее, одного русского парня, грязного и всклокоченного. Он суетно бегал вокруг костра с кастрюлей и приговаривал, как сумасшедший: "макароны по-флотски, макароны по-флот-

ски..." Мы переглянулись: как бы и нам такими не стать после нескольких месяцев полевых работ. Посмеялись и поехали дальше.

Так мы и не выбрали место для стационара в эту первую поездку. Но со второго захода всё получилось. Только об этом чуть позже.

Письмо от 18 ноября 1981 г.,

написано в болезненном состоянии и в ожидании двух событий. 1. Приезда следующей партии специалистов (будущих) для знакомства. 2. И моего отъезда в Свердловск на свадьбу близкой биофаковской подруги.

"Здравствуй, моя милая Вакуоля! Огромное тебе спасибо за хлопоты по хоззамам. Обязательно воспользуемся предоставленной информацией. Хотя с такими дубинами, как тут сидят, будет трудно. Но что сетовать, знали, на что шли.

Компания Иванова and К всё ещё не приехала. Устала уж ждать. Сама заказала билет на 1-е в Свердловск. Завтра пойду выкупать. Серёжа тоже собирается, правда думает, а не совсем ли уехать?.. Так как дела тут продвигаются крайне медленно. Каждый день сталкиваешься с глупостью непролазной, с огромным нежеланием что-либо делать. Короче, условий для работы нам не дают. Но пока ничего и не спрашивают. Мы тут нужны только сами себе. Хотя и из этого можно что-то выудить, работая исключительно на себя. А заповедник только тогда станет заповедником (в прямом смысле этого слова), когда сменят тут директора, зама по науке (какая ирония: бывшего начальника лесхоза!). А сейчас тут – круговая порука и рука руку моет. И никакой науки тут не надо никому. Так что не ругай себя предателем. Всё так, как надо. Время подводить итоги не пришло.

Рисунок сделан Шубенкиным В.П., октябрь 1981

Это мысли и замечания по твоему письму... За поздравление – большое спасибо! И от ребят тоже. И ащо – огромное спасибо за последний пришедший шедевр эпистолярного жанра! Бедняга, писала до 3х ночи... Как мне отблагодарить тебя, родной мюмзик, за такой подвиг? Разве что подарить тебе точно такой же ответ... Но, увы, меня пожалуй на столько не хватит. Потому как в последние дни, по прибытию из Ашхабада, здоровье моё расстроилось. (Маме конечно не говори). Всё – переадаптации. Пяти дней хватило, чтобы сломать норм. реакцию желудка на солёную воду Ташауза. Сейчас опять страдаю. К тому же холодно

стало, осень настала. В Ашхабаде была теплынь, а прилетели сюда – сразу прохватило. Так что силы оставляют толстого и неунывающего Пуха.

Ну что ж, перейдём к быту. Он налаживается. Готовлю я, на газовой плите, не слишком хитрые блюда. Картошку сегодня на ужин почистил и сварил Серёжа. Я только порезала зелень. Ну ничего, ты права, стоит только начать...

А с продуктами тут значительно легче. Только мои кулинарные способности невелики. Вот уже третий день устраиваем праздник живота, в основном во время ужина (потом долго ворочаемся). Отъедаемся после командировки. Хозяйка устраивает нам второй ужин. Обычно после нашего ужина в 7 часов она в 8-9 преподносит нам ащо чего-то.

В кинотеатре у нас тут спасают конкорд и переживают 33 несчастья. Поскольку мы сами тут с кучей несчастий, то на эти фильмы не пошли. Ждём "Тегеран-43". У вас небось уже прошёл.

На счёт интеллектуального голода, получая информацию от многих, включая нас 3-их, делаю вывод: это неизбежная болезнь молодых специалистов. Мы из неё нашли выход в написании первого тома Летописи природы (за тем и ездили в Ашхабад помимо прочего).

В отличие от тебя, про работу писать, именно про коллектив, не хочется. Раньше над глупостью смеялись, а теперь это раздражает. Так что общаемся в своём (во всяком случае, я) тесном кругу. Журналисты что-то слишком заняты. Не звонят. Мы тоже. Правда и времени нет: 5 дней в песках, 3 дня оклемались +3 дня праздники, 5 дней в Ашхабаде. И теперь "помирам поманеньку". Как же неохота завтра в такой холод идти в контору, по сути идти незачем. У меня тут дома вся работа. 5 томов определителей флоры ТурССР и карта зон растительности. Надо составить список видов. Для начала.

А я ещё тебе не похвасталась. Володя купил сегодня стихи Бунина. Небольшой такой сборничек. Чудно! чудно.

Ладно дружок, прости, но закругляюсь. Т.к. сижу за столом в комнате ребят. Серёжа уже спит. Да и Володя молчит только из приличия. Я скоро прилечу. Дней на 7-8. Я думаю, мы соберёмся нашим тройственным союзом... И вообще, может даже выберемся в лес. Ура!

До встречи. Целую тебя, твой до гроба Пух! 18 . XI. 1981

P.S По приезде собираюсь проявить 2 плёнки и напечатать. Просьба: закупить реактивы: УПК (5 шт) и закрепитель (на 2 литра) или аналогичные заменяющие. У меня дома – пусто."

Болезнь Боткина и бесплатная туркменская медицина

В начале декабря 1981 года я летала в Свердловск, где мы выдали замуж нашу любимую подругу. А после приезда в Туркмению заболела. Забыла написать, что я уже прописалась в Ташаузе. Даже улицу помню: Дурды-Клыча. Ну и пошла я в местную поликлинику. Туркменка в белом халате поспрашивала, что со мной, велела принести анализы в баночках. Ну а мне уже и так было понятно, у меня желтуха. Однако врач не могла без направления на анализы и их результатов назначить дальнейшее лечение. Я прошла через эту процедуру и получила "путёвку" в инфекционную областную больницу. Хорошо, что не в городскую. Областная находилась в двухэтажном здании с паровым отоплением, санузлами и горячей водой из-под крана. Ну прям цивилизация, как на Урале. А дело было уже в середине декабря. Так что пошла греться в больничку.

Проходя через почту, позвонила маме, предупредив, чтобы не теряли. Так как раз в неделю я звонила домой. Да и письма вряд ли бы удалось отправить из инфекционки.

Женская палата была на втором этаже в очень теплой комнате около 20 квадратных метров. Там стояло 6 или 7 кроватей. Тесно было, но зато был нормальный санузел. Поскольку в доме, где мы жили, да и по всему Ташаузу обычным явлением были "сортиры типа очко", это даже меня обрадовало.

Надо сказать, что стрижка у меня была короткая, под мальчика. Поэтому женщины сильно возмутились, когда меня завели туда в балахонистом сером халате. Но потом познакомились. У меня единственной из больничной компании не было детей, поэтому обо мне заботились. Даже успокаивали, когда я ревела от тоски и больничных уколов витаминов.

Гепатит А – это эндемичная болезнь Средней Азии. Наверно в условиях уличных сортиров и недостатка воды там болеют все. Вот и я подцепила. Видимо, когда мотались по сёлам во время первого посещения территории заповедника. Ну и иммунитет ослаб после простуды. Ребята как-то держались. Или просто не говорили. В сущности всё лечение сводится к строгой диете и витаминам группы "В". Главное – не заразить окружающих.

В советское время врачей и учителей для Туркмении учили в основном в Ленинграде. И в больницах кадры были неплохие. А медсестер готовили в медучилище в Ташаузе. Но мне ни разу не попала криворукая. Капельницы первые дни ставили часто, но обходилось без синяков.

Кормили в больнице овсянкой во всех видах и даже отварным фаршем. Женщинам домашние приносили плов и маркапчу (острая корейская морковь). Всё это поднималось на веревке на второй этаж через окно в туалете. Там оно открывалось, а в палате – нет. Я сообщила, что это вредно, но милые больничные спутницы тосковали по привычной жизни, угощали меня и удивлялись, что я не люблю ни плов, ни корейскую морковь.

А мама всё же прилетела в Ташауз. И даже один раз переночевала в моей комнате. Потом ей хозяйка выделила комнату с печкой. И слава богу, она не простыла и не заболела тоже. Мама же приносила мне под окно всё, что нужно: протертые овощные супчики и паровые фрикадельки. Ну и конечно письма от подруг и друзей. Только поддержка близких и вселяла в меня надежду на освобождение из больничного плена. Новый 1982 год пришлось встречать в казенных стенах.

Меня выписали как и положено, после хороших анализов в середине января. Прописали диету и минимальные физические нагрузки. Мама через пару дней улетела обратно в Свердловск. Потом я узнала, чтобы купить билеты на самолёт, она продала свои золотые украшения. И любимое колечко, только камушек остался в серванте. На зарплату секретаря-машинистки не разбежишься, а единственную дочь надо было спасать. Слово "желтуха" на Урале звучало страшно.

Полтора года спустя, когда наш научный коллектив увеличился, желтухой в явной форме переболели ещё трое. И позже мои дети в детсаду подцепили этот вирус. Хорошо, что у нас были в Ташаузе старшие товарищи, зоологи из Ленинграда с противочумной станции. Они нас просветили и успокоили: желтуха – обычное дело в Средней Азии. Вот холера, – это хуже. И даже как-то мы делали прививки от холеры, когда была плохая эпидемиологическая обстановка в области.

Вот такая история со мной приключилась в первый год жизни на чужбине. Но оптимизма это не убавило. Впереди была весна и полевой сезон.

Письмо от 15 января 1982 г.

Письмо написано после выхода из местной инфекционной больницы после лечения желтухи (гепатита-А).

"Приветствую тебя, моя милая Вакуоля!

Сначала хочу сказать (вернее отписать) тебе огромнейшее спасибо за заботу о болящем и немощном Пухе. Два письма твоих, кои я получила в больницу, читала и перечитывала, тем и жила. Честное слово! Я бы там издохла, т.к. кроме физической болезни на меня напала и душевная. Если бы не приехала мама, если бы не весточки с родины, то больница для меня оказалась бы жёлтым домом, во всех смыслах этого сочетания.

Но теперь я за стенами этого богоугодного учреждения. И живу эти дни как у Христа за пазухой. Ничего не делаю, плюю в потолок. Но скоро это кончится. Мама уезжает в субботу (16/1), с ней и передам это письмо.

Тут в магазинах появилось биоогуречное молочко той же фирмы. Я тебе купила флакон, но с мамой не передам, ей и так много тащить.

Меня переселили в комнату с печкой и дают теперь каждый день по литру молока от коровы, что стоит и жуёт солому у меня под окном. Стало тепло и сытно, словом, неплохо, если бы не "эдики", которые живут за печкой. А там их умещается несчётное количество.

Пока я валялась в больнице, ребята опять собирали справки. На сей раз для получения ружей. Своими глазами видела у них бумажки из медвытрезвителя и психдиспансера. А сейчас они по вечерам плетут сети для лучков. Вчера я получила и отдала долг в 300 рублей. С ноября жила в долг, – это ж надо же!

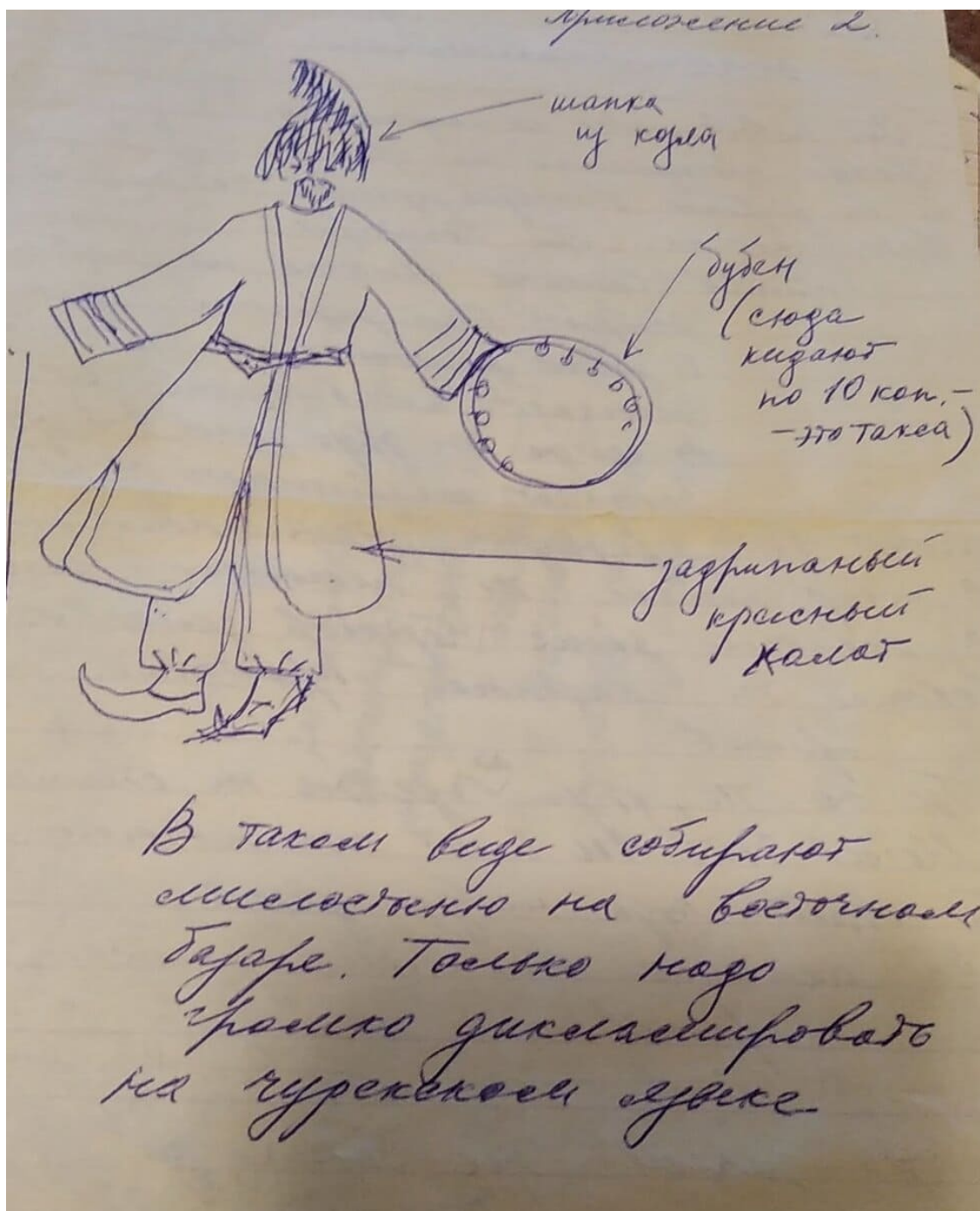

Рисунок автора. В описании специальная игра букв...

Несбывшаяся поездка в зимний лес берedit мою душу. Очень хочу поэтому домой. Но – подальше от соблазнов! Полгода мне предписано вести дворянский образ жизни, т.е. без физической (какой бы то ни было) работы. Правомерность и обязательность этого условия уже сейчас чувствую. Совершенно не могу ходить долго, только 1,5-2 км, а потом – начинается светопредставление. Боже мой! Вот такая я теперь дряхлая, кому я теперь такая неспособная нужна! Разве что маме. Я конечно не хотела, чтобы она ехала сюда, с её-то личными болячками. Но сейчас понимаю, что без неё мне бы оставалось одно, лезть в петлю. Как ни крути, а существо я слабое (теперь и физически).

К нам пришли новогодние поздравления от Глеба, от Шурки Трунова, от Балеевских. Но я ответить не могла. Вышла из жёлтого дома 9/1 – ровно месяц, как мы с с тобой расстались (и ты говорила, что у меня глаза жёлтые). По приходу сразу же прочла Скворцова. Классная книжка! Спасибо тебе, друг! И за Вышивкина и остальных. Их (авторов) я буду искать в библиотеке АН. В феврале туда поедем, в Ашхабад.

Заодно деловой вопрос. Я писала уже об этом, но может, ты не получила письма. Спроси пожалуйста у геоботаников, откуда они получают информацию о конференциях, съездах и пр. по их профилю и данные о вновь выходящей г/б литературе. Может, существует некий геоботанический комитет (или общество), как у орнитологов. Ребята уже наладили с ними (с комитетом) связь. Об экологии видов уточню позже.

Пиши мне, дружок! Не рви нить, которая связывает меня и с "бандой", и с тройственным союзом. Твои послания я жду больше всего...

Ну вот и всё, крепко тебя обнимаю. Хотя как на счёт вирусов? Будь здорова!

Всегда твой, Пух! 15/1, 82"

Как я уезжала в пустыню

А уезжала я туда долго. Вернее сборы были неспешные, благодаря нескольким обстоятельствам.

Ребята, двое орнитологов, Володя и Серёжа, отбыли 22 февраля 1982 г. Им непременно надо было наблюдать пролёт птиц. Поэтому поехали аж зимой. А мне конечно после болезни в холода было нельзя, да и что делать ботанику зимой в поле... Решили, что как почки начнут распускаться, так и поеду. А тут ещё к Сергею собралась приехать в гости жена Галя. Логично было её дожидаться, встретить и отвезти к мужу, так сказать, непосредственно на место работы.

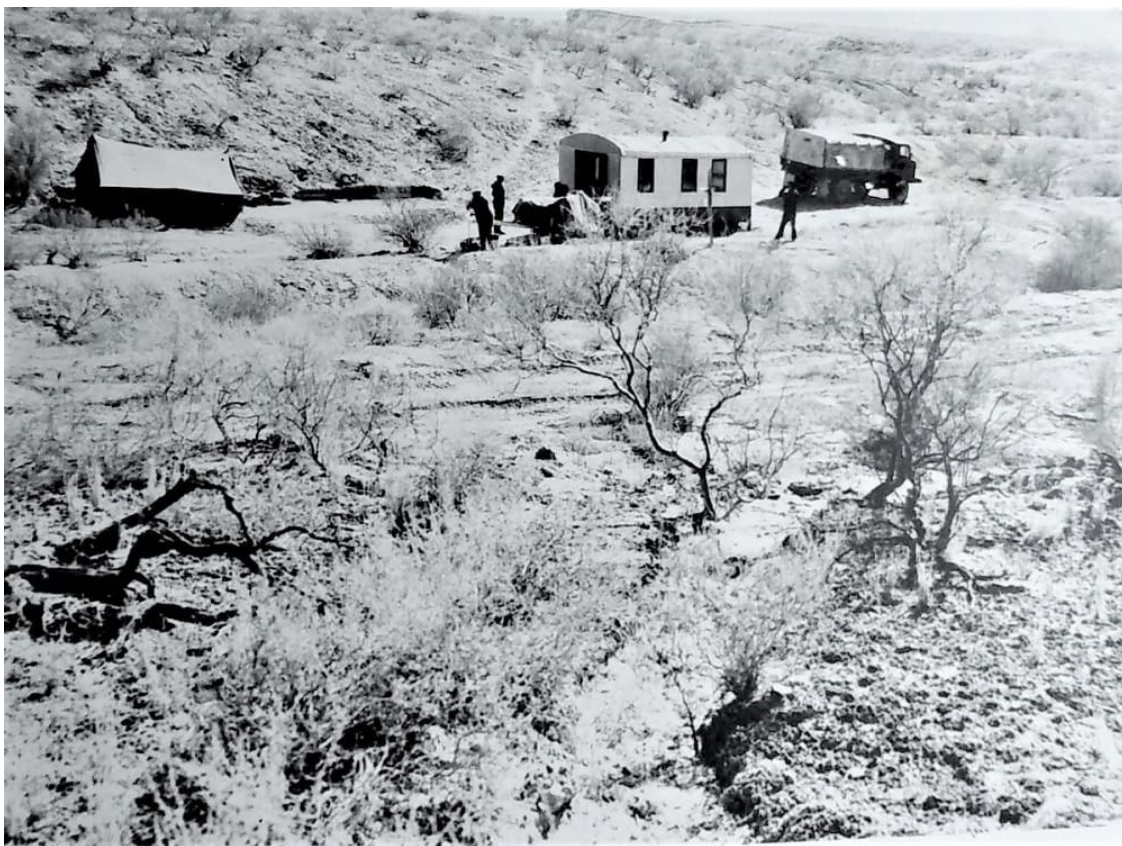
Но самым главным препятствием к отъезду в мою первую пустынную экспедицию стала азиатская неспешность и пофигизм. Ещё с января во дворе конторы стоял вагончик-бытовка на колёсах. Новенький, с четырьмя спальными местами, с кухонькой, такие газовикам и геологам поставляли. Ну и нам купили. Вот его-то и надо было переправить на стационар в 300 км от города, на самую дальнюю северо-западную точку Ташаузской области, да и Туркмении. Понятно, что дороги трудно было назвать дорогами, – направления. И не могли найти водителя, который бы согласился увезти наш дом в пустыню. Поэтому ребята уехали с палаткой и печкой. Володя несколько сезонов на севере в экспедиции в палатке провёл, поэтому его не смущал такой выбор. Но за холодом февральского Устюрта наступает весенняя жара. И палатка не спасёт от неё. Так что вагончик и его транспортировка на стационар легли на мои плечи.

Весна в 1982 году наступила как-то внезапно, уже в десятых числах марта начали распускаться почки на деревьях, полезла трава на газонах и пустырях. И я пошла поговорить со своим непосредственным начальником, заместителем по науке. А у того – свои проблемы, огород, хозяйство и запой. Вот этого я не ожидала совсем.

Пару дней ловила на рабочем месте директора заповедника. Должность директора по туркменским обычаям не обязывала его постоянно присутствовать в конторе. И виделись мы чрезвычайно редко. И где он отсутствовал, было понятно всем: не в чайниках и заботах о заповеднике, а на своем хозяйстве. Самыми дисциплинированными в конторе были секретарша и бухгалтер. Они были всегда на месте и даже могли подсказать, когда я смогу увидеть руководство. В общем, руководство заповедника не спешило отправлять меня с вагончиком в пустыню. А уже приехала Галя, жена Сергея. И тоже не чаяла встречи с мужем, как и я со своими объектами наблюдений: пустынными растениями.

Но самое главное, мужики были в 300 км от цивилизации без связи, без ружей, без транспорта уже почти месяц. И никто даже не собирался проведать их за это время.

Тут я вспомнила свою комсомольскую молодость, и пошла по инстанциям "бить кулаком по столу". Первым пунктом был начальник лесхоза. Вторым – горисполком или облисполком, ещё не решила. Но и слава аллаху, решать не пришлось, так как первый визит к Пириеву Тату Пириевичу (о! до сих пор помню с благодарностью) дал результаты. Бедного директора заповедника мгновенно доставили "тёпленького" и испуганного в домашних галошах на ковёр к начальству. И через два дня мы с Галкой уже "мчались" вместе с вагончиком на наш пустынный стационар.

Наш первый стационар. Перед вагоном стоит бочка на 1 т воды, покрытая тентом

А место, куда мы ехали было по рассказам ребят очень интересное. Карстовый район Южного Устюрта, граничащий с песками Каракумов, впечатлил их с первого раза. Тут и глинистые равнины, и песчаные барханы, и провалы с воронками, из которых зимой шёл пар. Несколько пещер с водой, куда на водопой приходили архары. Древнее кладбище над пещерой и следы волков. И чёткие следы прошлой цивилизации в виде построенных водотоков. Это место, где когда-то разливалось озеро Сарыкамыш. Всё это они увидели в январскую поездку в заповедник, и решили, что лучше места для стационара и искать не надо.

Карстовый провал Южного Устюрта недалеко от нашего стационара. Скан слайда 1982 года

Так начиналась моя научная работа и новая жизнь. Встречи с медоедом и волками, каракалом и джейраном, новые находки краснокнижных видов растений и птиц, всё было впереди.

Письмо от 26 января 1982 г.

"Здравствуй, милая Вакуоля! Сегодня изъехала с почты два твоих письма... Спасибо тебе! И не передать на бумаге все чувства, которые я вкладываю в это "спасибо". Ты одна пишешь мне из Свердловска. А всем остальным не нужен немощный Пух. Да, у всех свои заботы. Я понимаю... И всё же. А, может, я избалована письмами. Просто-напросто. Но как же я тогда вообще буду жить? И ещё трудно жить без веры... А живу я исключительно надеждами и верой: в следующий день, в следующий месяц, в ближайшую весну, в лето.

Верю, что поправлюсь, – и весной буду в поле; а летом – на Урале. А осенью, верю, придут Иванова and К. – И все мелкие неприятности (холода, печень, тараканы за печкой, замалкаш) кажутся шелухой. Есть и маленькие радости. Сегодня вот книгу из читалки на дом дали, на три дня. Спасибо тебе за список литературы (книжка-то из него). А Вышивкина кончай конспектировать (в смысле прекращай) и высылай, что есть. Потому что скоро едем в Ашхабад. А я уже здоровая и не хочу наглеть дальше. Занимайся своим делом.

Кстати о деле. Ребята из пустыни привезли мне сувенир: камушек с лишайниками! И говорят, что в том месте (а в этом месте вероятно и будет стационар) их (и камней, и лишайников) – полно. Вот так, нежданно-негаданно появилась возможность заняться Lichens... Слышая их рассказ о дырах в земле, из которых идёт пар, о провалах до 40 м (как на Серге), о старом кладбище, о стойбище скотоводов, я тихо подвывала от зависти.

Провал на Южном Устюрте. Высота кустов саксаула наверху около метра

А вообще, внутр. отношения держатся на дружбе и доверии. Живём мы теперь в изолированных комнатах и ходим по вечерам пить чай друг к другу. Это стало вечерним ритуалом, основанным на необходимости (причем, уже рефлекторной) общения.

В отношении культурных ценностей. Для нас остаются только книги. А со звуковой аппаратурой дело заглохло. Поскольку – ещё не коммунизм. И за все вещи надо платить налич-

ными (коих нет). Так что мою пластиночку (какова нахалка! а!) занеси домой, маме. Но слушать её на моём проигрывателе не стоит, там уже очень паршивая игла, которая зараз всё исцарапает. И после всех указаний прими мою благодарность за такой роскошный! подарок. Когда только услышу?

Уехать домой, гляжу вперёд, трудно, почти невозможно. Хоть комплекс причин придумывают для отговорок, но тут – действительно: и деньги, и здоровье, и полевые, и командировка в Ашхабад... Так что день рож-я буду отмечать в мужицком окружении с кефиром на столе. Но ничего. Шубенкин отмечал свой – вообще один (8 декабря, в роковой день отлёта). Сижусь сейчас с 3-мя рублями. Благо продукты, закупленные мамой, ещё не кончились.

Ещё раз хочу сказать: всегда и очень жду твоих писем. И благодарна тебе за всё. А у меня на сей раз – вся информация и умозаключения. Целую крепко! Пух.

26/1,82

P.S. "Быть человеком, значит быть борцом" Гёте"

Немножко пояснений: *Lichens* – это лишайники. Автор защищал диплом по экологии лишайников, поэтому относится к ним с нежностью

Жизнь в пустыне и встречи с волками

Вот и начался наш первый полевой сезон в пустыне. У ребят-орнитологов с 22 февраля 1982 года, а у меня с 24 марта. Поскольку я прибыла к месту работы на месяц позже, то меня начали инструктировать, куда ходить надо, куда не стоит, а куда и вовсе не соваться. Потому что место стационара было не только привлекательно для биологов, но и очень нравилось волкам.

В трёх километрах от нашего лагеря находился сорокаметровый провал с водой на дне. Вода в пустыне, даже очень солёная,— водопой для животных. А хищники обычно и подкарауливают жертву на водопое. Так вот в этом провале ребята обнаружили множество волчьих следов и их лёжек. А в километре от провала Володя нашёл волчье логово в овраге. Это была огромная нора, куда мог бы пролезть и человек. К норе вела заметная тропа, хотя почва была щебнистая.

Ещё, куда не стоило мне ходить, было древнее кладбище в полукилометре от лагеря. Оно располагалось над пещерой. Именно там в этой пещере с высоким сводом Сергей встретил первого волка живьём. Волк лежал на куче хвороста в 20 метрах от входа. Сначала Сергей услышал рычание, а потом приглядевшись, увидел взъерошенный загривок волка и его глаза. Ну что делают истинные исследователи природы: бегут в лагерь за фототехникой, чтобы запечатлеть живой объект. Вот и Сергей побежал. Вместе с Володей, фотоаппаратом с чувствительной фотоплёнкой и лопатой для обороны они быстро вернулись обратно. Но волка уже не было на месте. А ветки остались, наверно человек ночевал тут когда-то, может быть даже басмач какой-нибудь в 20-ые годы...

Пещера с лежбищем волка. Скан слайда автора. Апрель, 1982

И ещё волки были встречены на плакоре (почти плоская равнина между оврагом и обрывами Сарыкамышской впадины). На плакоре с его низкой полукустарничковой растительно-

стью гнездились несколько видов жаворонков и каменки. Сергей заложил там маршрут на несколько километров для учёта птиц. Может быть он занял волчью тропу, а может протоптал так свою, что волк увидел в нём конкурента. Но однажды они встретились. Орнитолог обычно смотрит в небо, поэтому Сергей только краем глаза обнаружил волка в 100 метрах от себя. Надо сказать, что наш товарищ был штангистом и весил немало, поэтому самонадеянно решил, что с мелким пустынным волком справится, и пошёл дальше по маршруту. А волк не отставал, делал обходные манёвры и явно загонял жертву. Вот тогда Сергей решил прервать учёт и повернул назад в лагерь за каким-нибудь оружием. Причём делал это очень быстро: бегом. На соседнем плакоре Володя в бинокль увидел бегущего товарища и решил, что надо помочь. Но Серёжа взял нож и пошёл делать учёт дальше, не пропадать же погожему утру...

В первый год работы единственным транспортом у нас был велосипед. По пескам не поехать, но по глинистым почвам и дорогам на возвышенных равнинах вполне можно было сократить время в пути. Однажды Володя поехал в дальний поход под чинк(обрыв) Устюрта. Спустившись вниз он обнаружил пески, поэтому пришлось идти уже пешком, а велосипед вести рядом. И тут впереди в 50 метрах появилось облако пыли. В бинокль стало видно, что это волк раскапывает нору длиннопалого суслика. Увлёкшись наблюдением за процессом охоты Володя лишь боковым зрением увидел, что кто-то шевелится в пяти-шести метрах от него. Пока он наблюдал за одним волком, второй волк стоял рядом и разглядывал невиданного двуногого зверя. Ведь до ближайшего человеческого жилья 300 км, и даже отары овец сюда не гоняют. Тут Володя испугался: двое волков – уже стая. И направил велосипед на серого. То ли бряканье механизмов, то ли блестящий руль напугали хищника: он убежал. Последовал за ним и второй, который всё таки отрыл и съел суслика.

У ребят были охотничьи ножи. А у меня всё равно сил мало, чтобы справиться с волком. Поэтому где-то с месяц я ходила с красной тряпкой на поясе, которая, по идее, должна была отпугнуть волков. Это был вымпел "Бригаде коммунистического труда", который приехал вместе с вагончиком.

Автор на фоне чинка (обрыва), сверху находится плакор (плоская равнина), снизу обычные пески, заросшие саксаулом и другими кустарниками. Я действительно таскала вымпел на поясе. Это не шутка. Март, 1982

Первое время я не уходила далеко от лагеря, да и ребята за мной в бинокль приглядывали. Это потом, когда стало тепло, а еды для волков – предостаточно, мне позволили уходить от лагеря на 5-6 км.

Лично я волка живьём в тот год близко не видела. Только позже с самолета мне показали бегущего по пустыне хищника.

Письмо от 4 апреля 1982 г.

уже из пустыни. Написанное впопыхах, чтобы успеть отправить с машиной, которая приехала на одну ночь.

"Милая Вакуолька! Здравствуй, мой драгоценный мюмзик! Я бесконечно виновата перед тобой. Во-первых не ответила на твои письма. Ты наверное в обиде. Не дуйся, дружок. Я помню о тебе, я люблю тебя. Только мне не хочется отвечать тебе впопыхах, так же, как пишу эту шпаргалку. Ты сама знаешь, что в поле час, день письма бывает редко. В нерабочую погоду. А она здесь у нас – отменная. И всё кручусь, кручусь, кручусь.

Роголепестник горбатый. Моё первое удивительное открытие в пустыне. Скан со слайда, апрель 1982

И всё таки я счастлива, что я здесь! Честное слово. И очень жалею, что нет вас со мною рядом, что не возродятся и ваши души. Даже как-то неловко от того, что мне так много перепало: нового, интересного, всякого (хорошего и плохого).

Машина уезжает. А приехала вчера вечером, т.е. была у нас меньше суток. Обещаю написать подробней. Но придёт это послание вам только в мае. Очень интересно, как вы там? Что нового новою весной? Какие новые интриги и пр., и пр. У меня же всё – прекрасно! Замечательно! Удивительно хорошо! Прости, друг, за такое неприличное повизгивание. Но это – так: лето, солнце, безоблачное небо, хорошие коллеги (и это важно). Живём мы дружно. Так что всё okay. Ребята тоже на взводе: вот что значит поле для полевика-биолога, люди меняются до неузнаваемости, причём в приятную сторону.

А как интересно всё тут,....какое всё новое... Не хочу кратко описывать всё. Лучшие подождите... Через тебя илю привет всем-всем-всем друзьям и знакомым Пуха.

Как ты сама? Желаю тебе искренне излечения души, такого же, какое произошло у меня. Милый мой друг, езжай в поле!

Ну всё, крепко тебя лобызаю и громко чмокаю! Твой до гроба Пух!

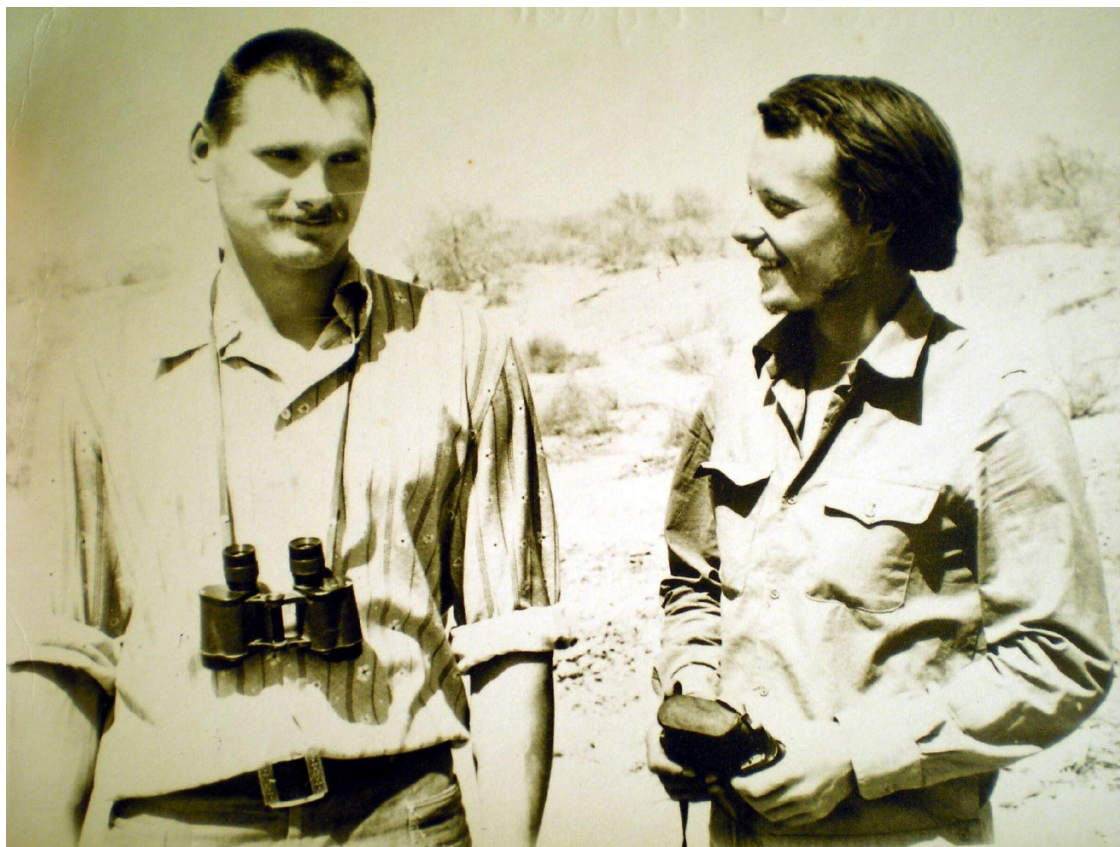
*P.S. Вместо фото шлю первые опыты по рисованию. Этот цветок – роголепестник (в натуральную величину). Зацвёл у нас 2 апреля.
Пиши на заповедник!"*

Мой рисунок акварелью. Апрель 1982

Как о нас писали книжку и фотохроника первого сезона

Когда ребята уехали в пустыню в феврале 1982 года, и целый месяц их никто не посещал, мне казалось, что никому мы не нужны кроме науки и родных.

Первые поселенцы стационара Бурчибурун: Сергей Антипов и Володя Шубенкин. Фото 1982 г.

Но всё дело оказывается было в погоде. Как только потеплело, мимо нашего стационара началась такая движуха, что мы только и успевали, что встретить-проводить. Порой и на маршрут не получалось выйти. Ведь по туркменской традиции гостей бросить нельзя.

Первыми приезжими были спелеологи-археологи из Москвы. Обследовали карстовые пещеры и пещеры, в которых селились люди в древности. Благодаря их снаряжению удалось спуститься в пещеру с очень узким и крутым спуском. И там на дне оказалось зеркало воды. Это была единственная недоступная для нас пещера в окрестностях.

Потом периодически заезжал на чай к нам верблюдовоз Боря. Как сейчас бы сказали: дальнобойщик. Он перевозил верблюдов на продажу из Красноводска в Ташауз.

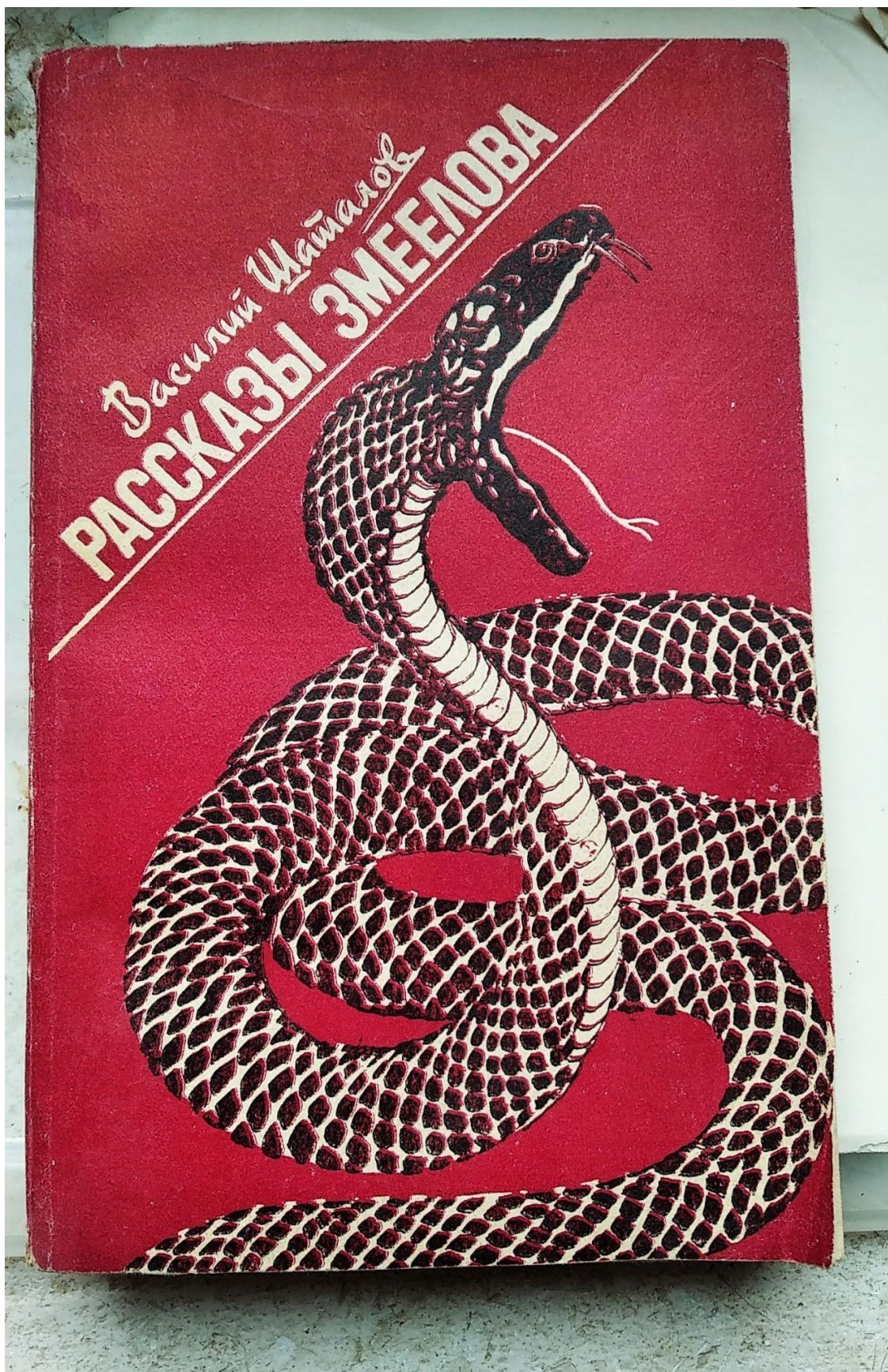
Из Алма-Аты прилетал ученый по фамилии Ёлкин. За его счёт ребятам удалось сделать авиаучет джейранов и гнёзд хищников в заповеднике. Володя на этом кукурузнике слетал и в Красноводск, и к Аральскому морю.

Но однажды к нам приехал десант пишущей братии. Это были журналист с фотокорреспондентом из Ташаузской правды и известный ашхабадский писатель Василий Шаталов. На память от местной газеты у нас остались фото весны 1982 года.

Наш научный отдел и усатый водитель. Сидит зам. по науке с научной аппаратурой

А от писателя осталась на память глава в его книге "Рассказы змеелова". Глава называется "Тигровое плато". Так почему-то он перевёл название оконечности Южного Устьярта, где мы работали: Каплан-Кыр. Каплан – это кошка на тюркских языках. Мы считали, что это гепард. До конца 50-х годов он обитал в Ташаузской области, где была кормовая база из стад джейранов. С развитием овцеводства и охоты на машинах поголовье джейранов катастрофически сократилось, и гепарды исчезли. Но в принципе тут мог обитать и туранский тигр, когда Сарыкамьш разливался и его побережье заболачивалось и зарастало тугайной растительностью, а люди занимались земледелием на орошаемых землях. Но было это очень давно, в 13-14 веке. С тех пор остался след недалеко от нашего вагончика: кладбище с сохранившимися надгробиями, датированными учеными именно этим временем.

Фото книги из нашей библиотеки

Василий Иванович долго беседовал с каждым из троих, что-то писал в блокноте. А изданную книжку с автографом нам так и не прислал. Случайно обнаружили её в книжном магазине Ташауза и купили.

Ниже я выложу дорогие сердцу фотографии. О каждой можно составить рассказ, только это скорее личные заметки. Но по фото можно судить, в каком необычном и красивом месте мы оказались, как много было впечатлений и открытий.

Я и маленький черепашинок в черносаксаульнике

Володя с зайчатами зайца-толя

летучих мышей было много, это ушан

Гнездо филина в процессе вылупления птенцов. Рядом запасы еды из песчанок и туш-канчиков для голодных детей

Володя со слётками пустельги

На чинке Капланкыра

Агама степная

Домовый сыч и автор

Письмо от 22 апреля 1982 г.

Это письмо адресовано не только моей подруге, а всем друзьям, в основном биологам, оставшимся на Урале. Иногда приходилось разделять послания, ведь про очень личное всем не расскажешь. В общем, письмо для тех, кто помнил. Все фото и слайды ниже сделаны мною в 1982 году. Хорошо, что сейчас есть возможность даже слайды отсканировать, получаются цветные фотографии. Любуйтесь!

"Здравствуйте, мои дорогие!

Вот и села я наконец-то за длинное письмо. О нашем житье-бытье. В пустыне. Через 3 дня будет месяц как я тут. А ведь будто позавчера прибыла сюда. Быстро и интересно пролетело это время. Я уже писала: я счастлива, что тут работаю, в дикой, неисследованной, безлюдной пустыне (хм-хм, безлюдной...) Но периодически цивилизация напоминает о себе, это приезды Атамурдова с толпой лесников. Они за день тратят наш десятидневный запас воды и уходят в Ташауз получать деньги за командировку. Но когда они уезжают, с новой силой думаешь, до чего же прекрасна жизнь!

Заросли чёрного саксаула в апреле на нашем стационаре Бурчи

Живём мы троём дружно. Не весело, но дружно. Веселимся временами, по поводу жары настоящей и будущей, обсасываем варианты спасения. Пока же жить можно, и даже не плохо: загораем, как хотим... на сотню км – нет живой души. Температура днём за прошедший период не поднималась выше +34 и не опускалась ниже +12. Но последние десять дней вспоминаю разгар нашего лета – июль (+26+33). И это в тени вагона. У нас уже тут зацвели саксаулы. Это изумительное событие: очень красиво! Будто всё окутано зеленоватой паутиной, а аромат не уступает нашим липам. Может я так всё это возношу, потому что таю от счастья... Но это действительно – удивительно!

Сейчас ещё мне и жить стало веселее, в смысле работы. Вылезают и расцветают все новые травки. Каждый день не обходится без новой находки. Даже удаётся (получается) определять. Благо есть определители (Слава женскому обаянию и щедрости корифеев!).

Апрель в пустыне

О том, что по приезду сюда выпал снег, я уже писала. Это был последний снег, и вообще последний осадок с неба. Два дня назад правда был у нас дождик – но это смех! Полдня собирались тучи, дул ветер, было душно – и всё это вылилось в дождь ровно в 3 минуты, на руке остались следы от капель. А грязь мы давно уже не смываем, а стряхиваем, смахиваем, сдуваем. Ведь вода привозная, дефицит.

Работа моя такая: хожу через день по фено маршруту, делаю дела по продуктивности синузий эфемероидов (на песках), заложила экопрофиль. Я конечно знаю, это мало. Но я ещё собираю гербарий. Сборы из нашего места – это событие. Ведь никто тут не работал. Да, не были. А место исключительно интересное. Это – карстовый район! Соответственно здесь куча пещер, провалов, воронок. Красоты неопиcуемой (так что не буду и пытаться, у меня есть 3 слайдовые плёнки).

Небольшой карстовый провал на равнине

В одной из пещер Серёжа видел волка, а мы с Володей тоже в пещере нашли следы и иглы дикобраза. А простой мелочи(зайцев, сусликов...) тут, как грязи. В гнезде у филина сидят 5 птенцов, уже пучеглазые, соображают что к чему.

Да, тут у нас тоже можно открывать цирк! Два актёра уже есть. Ну я-то давно метила. А Володя неожиданно оказался замечательным акробатом-эквилибристом на подвесной лестнице. А ходили мы к 30-метровому провалу, там на отвесной стенке, в нише – гнездо филина. Сначала мы стояли по разные стороны провала, и я, чтобы не спугнуть птицу, всяко разню, как клоун, жестами указывала, где же это гнездо находится. Затем Володя прикрепил канатную лестницу и полез вниз. Потеряла ценные кадры (увы, был вечер, солнце садилось). Но, думаю, случай ещё представится.

Обследование гнезда на отвесной скале. Это другое гнездо: беркута. Но лестница та же

Ну что, мои милые. Пока всё. Машину уже завели. Большое вам спасибо за все поздравления и подарки к моему дню рождения! Получила всё это – и второй раз отметила праздник! Как вы все добры... Пишите о летних планах, я жду. Ещё пишите всё. Я конечно же скучаю, хоть и хорошо тут. Но как без родины!?. Ну всё, здоровье моё в порядке. Всем доповцам огромный привет! А всю банду крепко целую.

Ваши всегда Пух. 22 апреля 1982"

Примечание: 1. доповицы – участники Дружины Охраны Природы на нашем биофаке (сокращённо ДОП). 2. банда – шестеро студентов биофака, подружившихся на первой "картошке" и пронесших дружбу до сегодняшних дней, и я среди них.

Письмо от 20 мая 1982 г.

Письмо из пустыни о потерях и находках. Краснокнижные животные окружили нас, и я в восторге от такой ситуации.

"Приветствую тебя, моя Вакуоля!"

Наша жизнь катится понемногу. Опять буду пудрить мозги всякой ерундой. А возможности пообщаться с тобой нет. Так как уже месяц не показывается на глаза наш начальник и не везёт писем. А твоих писем я жду больше всего.

Вчера у нас дул южный обжигающий ветер и температура в вагоне была +40. А под вагоном +38. Так вот, вчера я пела новый вариант небезызвестной тебе песни ... "А сидю под вагоном, и снова сидю". Под вагоном единственно можно было читать Полевую геоботанику. Я её выписала по МБА. Дали мне её на 2 недели. А в пустыне я уже 1 месяц и 25 дней. Какая кара меня ждёт!..

Сегодня всего +37. Это хоть на 1 градус меньше, но уже нормально. Тем более, что ветер – западный. В вагон теперь мы возвращаемся с полей в 11-12 часов. Сегодня до обеда, который у нас в 2, Серёжа начал обмеряться, взявши у меня сантиметровую ленту. Ну, естественно, его возгласы на счёт усыхания разожгли любопытство и у остальных. Все мы тут усохли. А Серёжа больше всех.

Я же усохла до того, что позавчера, гуляя по равнине (делая геоботаническое описание), потеряла штаны. Мои любимые вьетнамские, синие с заклёпками – подарок друзей. Горю Пуха не было конца. Когда я вернулась в вагон, мужики уже сидели там. Они всё поняли. Два оставшихся часа до обеда я так жалостливо ныла про потерю, что вечером они взявши бинокли пошли искать штаны.

Ну конечно под моим руководством. Штаны мы благополучно нашли. (А искать их было – что иголку в стоге сена. Ты ведь знаешь безбрежные пространства тундры. Так и у нас, только солянка тут растёт 30-40 см высотой). Они стали уже поговаривать про 25%, но тут я сама заметила пропажу под кустом солянки. Володя сказал, что никогда не видел таких счастливых лиц.

В бодром духе мы пошли обратно. И тут увидели медоедов! Парочка этих краснокнижных кунных шла деловито прямо на нас. Слепошарые, они приблизились на 15 метров. Даже без бинокля было отлично видно их озабоченные мордашки. Правда, нам повезло, ветер дул в нашу сторону. Но самец, хитрый, обошёл нас, понюхал воздух и дал дёру. Подлец, кинул жену. А она, видимо с медоедятами в пузе, так медленно бежала, что мужики её догнали. Не знаю, найдёшь ли ты картинку этих зверюг. А они – красивые, черные снизу и седые со спины (у водных животных такая контрастная окраска).

А Серёжа в тот же день утром наблюдал за парой двух симпатичных кисок: каракальчиков. Кричат только они дюже противно (Ну как наши мартовские коты, штук 5 хором). И всё это в радиусе не более километра от вагона! Хвастаюсь, да? Ну, не обижайся, дружище, просто я делюсь с тобой радостью, – ведь это здорово, увидеть, жить рядом с такими зверьми.

А ещё тут было одно весёлое занятие. Мы ходили в Вовой кольцевать филинят. Пришли как обычно к гнезду. Потихоньку. Стоим на краю плиты – и вдруг видим: трое пучеглазых сидят внизу в 2 метрах от нас и недовольно взирают. Шустряги выползли из гнезда уже. А в гнезде остались двое самых маленьких. Самое замечательное у них – это ноги. Толстые и мохнатые, как под избушкой на курьих ножках. А ходят они презабавно. Но сейчас они все расползлись по оврагу. И я уже с ними попрощалась. Скоро придется распроститься и с беркутёнком. Он уже стал бурым (из белого), как и родители. Скоро слетит.

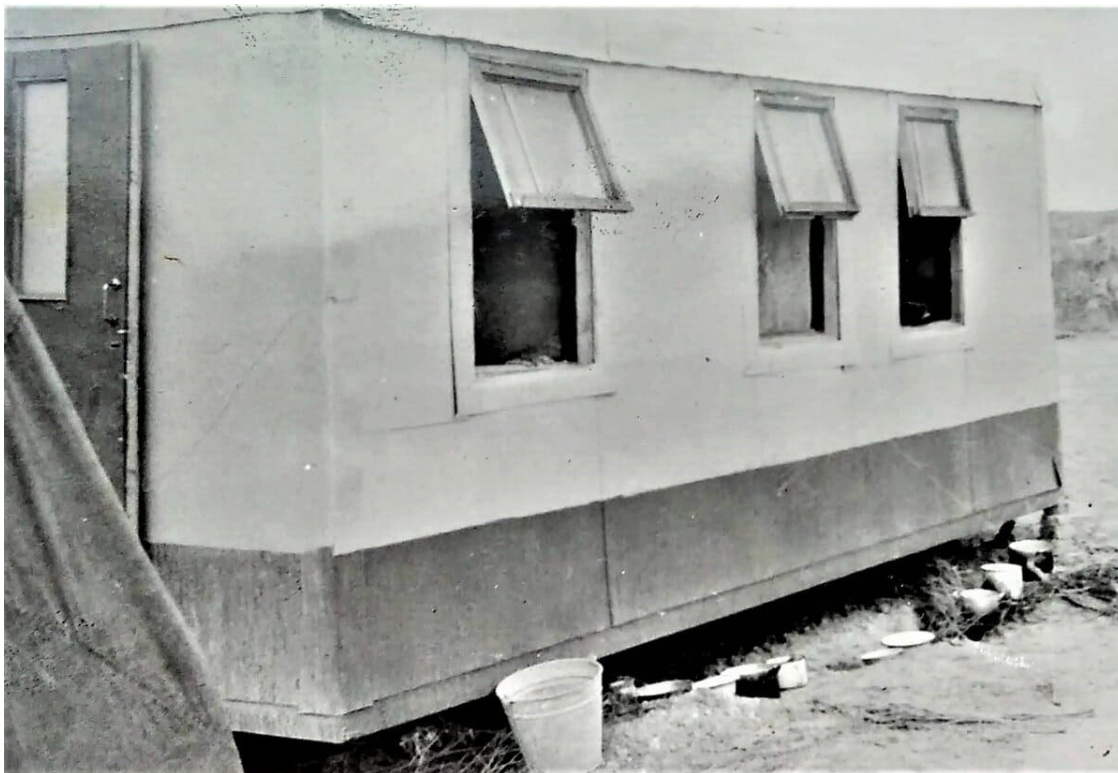
Каперсы колючие на Южном Устюрте, около нашего стационара, 1982 г

Из жизни растений. Замечательно цветут каперсы – жемчужина Устюрта. Цветут ромашки. Только они тут вонючие и жёлтые. Гребарий мой видимо не превысит 80 видов в этом райончике."

Письмо от 21 мая 1982 г.

Поскольку машина к нам на стационар приезжала не чаще раза в месяц, то письма у меня были "многосерийные."

"Добрый день, мюзик! Два дня назад я кончила лист 1. А сейчас у нас идёт дождь. Вот. Вся посуда, в которую может стекать вода, начиная кружкой и кончая сковородкой, стоит на улице. Дополнительно в ямке лежит полиэтилен. У нас осталось 5 фляг воды. Это на 7 дней. А Атамурадов не едет. И неизвестно."

Идёт дождик. Собираем воду как можем

У нас один с.н.с. (хотя он и есть единственный) увольняется. Эту весть привёз нам шофёр 9 мая с 15 булками хлеба и зарплатой. Сказал, что на днях придет и начальник. Но дни эти тянутся уже две недели. На градуснике сейчас +18. Дождь кончился. Последние капли булькают по кастрюлям. Наверное дня два не будет солнца. Небо заволкло. А ещё утром я ушла на профиль загораю. Поутру мы все разбредаемся в разные стороны. Я хожу в рубахе, это папина рубашка (7 на 8, 8 на 7). Она мне как халат, только очень короткий...

Ну что ещё было за эти два дня? Вечером после написания писем, когда солнце чуть заволкло тучкой, мы с Вовой пошли копать ямки... Это почвенные разрезы на профиле, кой я сделала в 8 км. Только мы прошли первые 800 метров, солнце как ни в чём ни бывало высунилось из-за туч и стало поджаривать. Было 6 часов. Но когда к 10 мы пришли в вагон, небо озарялось беспрестанно молниями, пошёл дождик. Но что эта россыпь воды... так было не раз, шуму много, а дождя – чуть. Только ночью я проснулась в кошмаре (кстати, можно это нарисовать, а?). Казалось, что на крышу вагона сыплются бомбы, и он сейчас развалится. А светло было от молний, как днём. Я закрыла глаза и приготовилась отходить в мир иной...

Но проснувшись утром, увидела солнце, чистое небо. Всё встало на свои места. Только необычными были лужицы воды кое-где на дороге. Да и те к полудню исчезли. Впервые почва промокла на 2,5 см. Все прежние дожди смачивали её не более чем на 2 мм. Денёк был исключительный. Пришедши после маршрута домой обнаружила Вову, сидящего за столом с кружкой чая. На столе лежал, вернее шевелился мешок из-под сухарей. Ты догадываешься? Это была змея. Полуметровый разноцветный полоз. О нём можешь прочесть в определителе. Ну конечно до обеда все с этой гадиной фотографировались то так, то этак. Съёмка на этом не закончилась.

Вечером мы пошли снимать кладку беркута. Т.е. не фотографировать, а изымать. Беркуты бросили гнездо уже неделю назад. У их собратьев в другой яме уже давно птенец вырос, а эти видимо заморозили яйца. Гнездо находится на вертикальном обрыве (10 м) посередине.

Володя полез туда по верёвочной лестнице. И достал 2 яйца. Ты видела гусиные яйца? Вот у беркута одно было точно таким, а другое в крапинку.

Вернулись домой, поужинали и легли спать. Вот так прошёл ещё один день пустынных странников."

Письмо от 22 мая 1982 г.

Это моё последнее послание из пустыни-82. Все письма мы переправляли с машиной, которая нас навещала примерно раз в месяц. Следующая, июньская, увезла нас в город. Итак, лист третий многосерийного письма в мае:

"Сегодня я твёрдо решила позагорать кверху пузом. Но увы, не удалось... Проснулась я в 5 утра. Спать не дали тугайные соловьи (чудесные птицы, только поют не вовремя). Разбудила Вову. Он был дежурный. И уже в 7 часов мы с ним завтракали. (Серёжа, железный, спал). Ну и раз так рано поднялись, надо сделать какое-нибудь грандиозное дело! Вот я и пошла. Как ещё меня ноги таскают... А пошла на свой профиль, решив позагорать после обеда. Но увы и ах! Дождик! Вот он и сейчас стучит по полиэтилену.

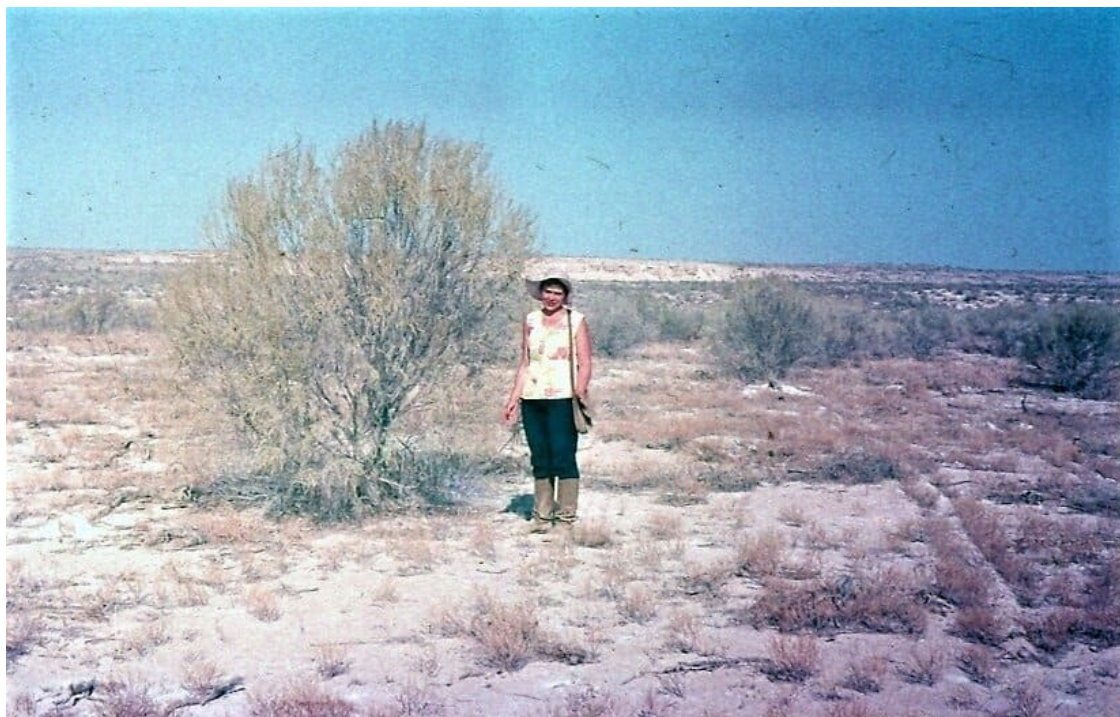
Припомнилась Серга дождливою весною. Как раз те дни, те же. Сейчас цветёт черёмуха наверно. Два года назад цвела. И неделю шли дожди. Но река была уже в русле, её можно было перейти пешком. Ах! "Можно вспомнить опять. Ах, зачем вспоминать..." Помнишь, у Окуджавы?

Автор весной 1982 года

Серёжа сейчас сидит считает. Он у нас главный считальщик. Выясняет методы подсчёта пустынных птиц, а заодно считает и жаворонков. Вова спит, набегался бедолага за своими подопечными на площадке в 20 га. Я тоже хочу спать. Но Серёжа считает, а мне предстоит разобрать кустик полыни по слоям и взвесить. Я тут занимаюсь множеством дел, в т.ч. и выяснением структуры и продуктивности местных сообществ. Ещё я картирую (в день приходится ходить 15-20 км) местность, конечно геоботанически! Занимаюсь фенологией. Составляю фитоценотеку, т.е. описываю все растительные сообщества этого рай-

она, Вова посчитал его площадь, примерно 90 кв. км. Увы немного, но для двух ног хватает. Ну а про гербарий и профиль я тебе уже сообщала.

Я и чёрный саксаул, весна 1982 года

Ты должна понять меня и простить за столь редкие письма. Да я и пишу только регулярно тебе да домой. Шапокляки небось обижены? Ты уж извещай всех. Особенно Наталью; нашего тройственного союза никак разрушать нельзя. Часто напеваю про плавленый сырок. Бывая сама в состоянии сего продукта. Ну ты представь +35 и на солнце.

Ребята поговаривают о командировках на июнь. Если что выгорит, то приеду в июне, где-нибудь в конце, домой. Но если выгорит. А вообще живём мы тут хорошо. Можно было бы сказать отлично, если бы всегда была почта (регулярно) и не было б заботы о дефиците воды.

Ну всё, дружок, крепко тебя целую и обнимаю. Скучаю и жду встречи. Хочу с тобой на Сергу. Будь здорова. Как сможешь. Твой до гроба. Пух!

22 мая, 82"

Хочу сделать несколько пояснений по ненаучным терминам. Шапокляки- так прозвали нашу дружную компанию из шести девчонок на курсе во время учёбы с 1976 по 1981 гг. Серга – река в Свердловской области, место, где сейчас находится нац. парк "Оленьи Ручьи". Мы как раз и выполняли изыскания по его организации в конце 70-х. Плавленый сырок – продукт из песни "Третий друг", поищите послушать по поиску...

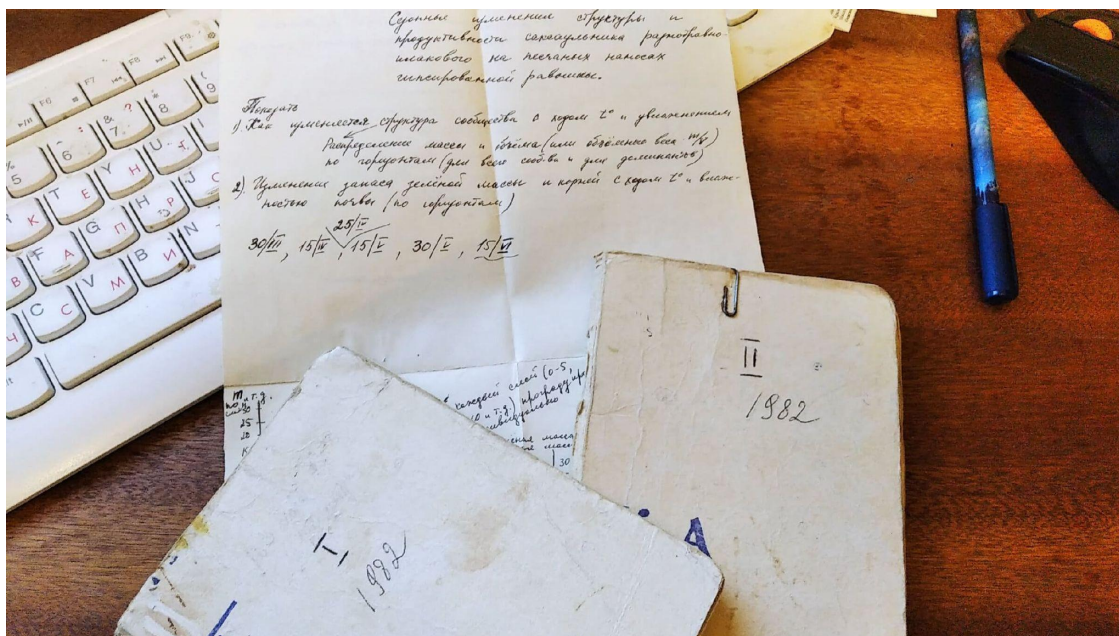
Все фото в публикации из нашего семейного архива. Кое-то ч/б, а кое что удалось снять на слайды, которые потом сканировали в цифру.

На передовой туркменской науки

В 1982 году я пробыла в поле, то есть на территории Капланкырского заповедника с конца марта и по конец июня. Три непростых месяца и по климатическим условиям, и по бытовым. Для чего всё это было нужно, расскажу.

Наш небольшой научный коллектив закладывал основы слежения за природой заповедника. Собранные в полевой сезон данные по разнообразию и численности растений и животных стали отправной точкой для этого. До нас тут никто не исследовал природу в динамике. Разве что редкие экспедиции натуралистов, которые были проездом в конце 19-го и в середине 20-го веков, собирали отрывочные сведения о живом мире в переходной зоне Каракумов и Южного Устюрта.

Уезжая в пустыню, мы чётко представляли, что итогом работы должна стать Летопись природы – 1982. Это основной отчёт научного отдела всех заповедников СССР с чёткой структурой и требованиями. Но на месте я поняла, что материала настолько много, и он настолько интересен, что в рамки отчёта точно не влезет. Уже в пустыне я набросала тезисы двух статей которые планировала опубликовать в журналах АН Туркмении.

Мои полевые дневники и тезисы, 1982 год. Сохранились в семейном архиве

Та же ситуация была и у ребят с птицами. Сергей развивал математические методы, а Володя начал сбор материала по экологии видов птиц, переменного гнездящихся в условиях пустыни.

В июле мы поехали в Ашхабад в Академию наук на консультации со специалистами. Я же ещё повезла большой чемодан с гербарием на определение. В Ботаническом институте был хороший Гербарий, в котором не возбранялось трудиться. Это целое подразделение института с небольшим персоналом и, главное, с большим хранилищем. Пока я работала там, мне попадались гербарные листы, собранные в начале 20-го столетия. И свои гербарные листы я оставила там на хранение. Всё же район мало посещаемый, а уж свежих сборов и подавно нет. И меня считали там героем, даже приходили посмотреть на девушку, которая у черта на куличках три месяца провела.

Уже не помню, но две или три недели июля мы провели в Ашхабаде. И это хорошо. Так как в учреждениях этой южной столицы работали исправно кондиционеры. А в Ташаузе в нашем доме в этот самый жаркий месяц было душно и невыносимо.

Поселились мы тогда у знакомых на усадьбе Копетдагского заповедника в посёлке Берзенги недалеко от Ашхабада. Каждое утро приезжали в город на рейсовом автобусе. Иногда ходили на русский базар за продуктами. Был такой в Ашхабаде в те времена. Был и русский драматический театр имени Пушкина, были и русские школы. А в кинотеатрах крутили такие же фильмы, что и по всей стране.

Один раз мы с Володей даже съездили на Кара-Кумский канал. Туда ходил рейсовый автобус до зоны отдыха. В этом месте был обустроенный песчаный пляж, зонтики, люди загорали и купались. И мы искупнулись в водах знаменитого среднеазиатского канала. Хотя приятного было мало. Вода была мутная и почти горячая, точно выше 30 градусов.

Тогда-то мы и поняли, почему горные ущелья с речками пользуются большой популярностью у местного населения в выходные дни. Именно в районе Берзенгов и было такое местечко, и автобусы туда в выходные были переполнены.

Вернувшись в Ташауз, в душный частный дом, где мы проживали, стали побыстрее собираться на Урал в отпуск. Впереди были встречи с однокурсниками, обмен впечатлениями после первого года самостоятельной жизни и работы. А ещё мы ждали пополнения нашего научного отдела новыми сотрудниками, выпускниками нашего биологического факультета. Теми, кто был младше нас на курс. И их было пятеро!

Первый отпуск и: в нашем полку прибыло

В августе 1982 года мы уезжали в свой первый трудовой отпуск. Поскольку багажа было много, а денег мало, решили все втроем ехать на поезде через Оренбург. Среднеазиатские поезда тех лет сейчас вспоминаются, как военные. Тьма народу, сидят и лежат в проходах, на третьих полках. Не важно, какой у тебя билет, ты будешь сидеть там, где свободно. И не дай бог выйти в туалет, потом будешь долго стоять и ждать, когда кто-то тоже отлучится, чтобы занять его место.

Но самым ярким впечатлением был арбуз. Арбуз, брошенный в окно, когда поезд проходил мимо какого-то пустынного казахского посёлка. Тяжёлый арбузище разбил стекло и упал на боковушку, где спал Сергей. Он в ужасе соскочил, стряхивая с себя осколки стекла и ярко-красные куски мякоти. Мне тогда показалось, что ему расшибли голову вплоть до мозгов. Но к счастью остались лишь царапины, которые тут же замазали йодом.

В Оренбурге мы пересели в другой поезд, уже нормальный. И ещё помню, как в Орске во время стоянки вагон заполнился ароматом спелых яблок. Человек десять пробежали по вагону с ведрами и сумками наливных летних яблочек. Только на последнем я сообразила купить их за три рубля ведро, не устояла перед запахом и ещё увеличила вес своего багажа. Как домой всё дотащила, так и не поняла. Такси тогда не пользовались, наш научный отдел разъезжался по домам на общественном транспорте: Серёжа на автобусе, Володя на электричке в Нижний Тагил, а я на троллейбусе на Уралмаш.

Хоть многие и считали, что мы как-то странно сорвались в Туркмению, а поработать можно было и поближе к родному Свердловску, но у нас появились последователи! Следующий после нас курс биологов широкого профиля (так записано у всех в дипломах 80-х годов выпуска) пополнил ряды научного отдела Капланкырского заповедника. Если нас было трое, то новая партия насчитывала пять человек. Это были две молодые семьи биофаковцев: Черновы Володя и Лена, Затоки Андрей и Женя, и Таня Иванова, геоботаник с моей кафедры, давняя соратница по работе в Дружине охраны природы (ДОП) и по походам по Уралу. Хотя и остальные участники свежего туркменского десанта активно работали в ДОПе. Где как не в заповеднике трудоустроиваться охранникам природы?

И вот мы собрались в дальнюю дорогу. И снова на поезде. Мне честно говоря было страшно после летней поездки. Но за компанию поехала. И время в пути до Оренбурга пролетело незаметно. И хорошо, что в осеннем среднеазиатском поезде было немногочленно. Кроме пяти выпускников Уральского госуниверситета имени Горького к нам присоединилась ещё одна выпускница биофака из Ижевска, Люда Митрошина, по специальности энтомолог. Так что научный отдел у нас увеличился солидно: с трёх до девяти человек.

Для начальства Заповедника такое увеличение штата было очередной головной болью. Но сначала мы шокировали нашу хозяйку Тазигуль, когда ввалились на ночь глядя в её дом. Перед этим мы напугали в округе всех собак, пока вдвоятером пешком шли с ж/д вокзала по частным кварталам на нашу незабвенную улицу Дурды-Клыча.

Ну и как водится руководство заповедника отправило приехавшую молодёжь в городскую гостиницу. Но в этот раз гостиница была дорогая, народу много, а руководство в Ашхабаде бдительно. И вот у конторы заповедника на улице Ильяхинской поставили вагончик-бытовку на шесть спальных мест. По мне так это выглядело издевательством. Но ребята были рады хоть и такому, но собственному жилью.

Наш научный отдел на демонстрации 7 ноября 1982 года. В чёрном костюме директор Гутлы. В шляпе начальник областного лесхоза. На фото нет Серёжи, а Володя фотографирует.

Тут Володя, как самый старший по возрасту, а к тому времени и старший научный сотрудник, решил действовать. Напечатал ходатайство в облисполком от имени директора, поставил печать и получил росчерк нашего директора Гутлы. На наше счастье тогда у власти был русский товарищ с такой хорошей фамилией Папин. И он взял нас под своё крыло. Через день нам выдали ключи от общежития в новом благоустроенном доме. Это была 4-х комнатная квартира, в Ташаузе это не редкость. Семьи в Туркмении большие, поэтому застройщики возводили в основном квартиры в 3 и 4 комнаты. Жители предпочитали селиться на нижних этажах, так как на последних были проблемы с водой. Вот наверно нам и досталась так быстро квартира, кто-то видно отказался брать жильё на четвёртом, последнем, этаже. Кстати, с водой, сколько мы там ни жили, было всё хорошо.

Так что ребята прожили в вагончике всего несколько дней. А потом был их первый выезд в пустыню. А кое-кто остался, чтобы осуществить побыстрее переезд. Но об этом позже.

Письмо от 20 октября 1982 г.

"Здравствуй, моя Вакуоля! "Мой первый друг, мой друг бесценный..." Получила от тебя подробное послание. За что премного благодарна. А наша жизнь, матушка, катится себе потихоньку по ухабистой дороге. Эту дорогу всё ещё не покрыли асфальтом, несмотря на 20-й век. Да и вряд ли она будет гладкой и многие столетия спустя... Весьма рада Вашим приобретениям и спешу обрадовать, что плёнку, кою Вы заказывали, купила. И в скором времени отошлю вместе с постельными принадлежностями как для матушки Наталки, так и для Вас. Денежку (35 рубчикув) в скорости выручу у нашего почтмейстера. А покамест у него ревизия, не даёт...

Не удивляйся, дружок, что на штемпеле значится Оренбург. Пишу тебе с вокзала сего премерзкого городишки. Занесло меня сюда по делам пренеприятным. Пока не буду писать о них. Это неприятности деловые, как говорят о них, – "мелочи жизни"; с моим здоровьем и счастьем не связанные. И знать об этом больше никому не стоит.

А расскажу я лучше тебе, что творилось после нашего отъезда. Сейчас такая обстановка: никуда спешить не надо. Поверь, в Ташаузе жизнь так закрутилась, что нет времени и сесть за письмо. Даже планирование дня не помогает.

Итак, когда все мы заскочили на ходу в поезд Свердловск-Оренбург, начался наш путь к новым приключениям. Всю дорогу мы усиленно поглощали запасы пищи, кои припасли наши родители. Первая часть пути была счастливая и радужная. Неприятности начались в Оренбурге. Сначала оказалось, что нет билетов на нужный нам (единственный) Самаркандский поезд. Потом всю ночь мне было плохо: печень взбунтовалась. Потом – опоздание поезда на 6 часов. Потом – потеря моего рюкзака. (Увы, проговорилась. Это и есть то дело, за которым я приехала в Оренбург. Но рюкзак, как выяснилось, пропал бесследно. Но я так и думала. Чудес не бывает).

Приехали в Ташауз ночью. Напугали хозяйских детишек, всей оравой завалившись спать на Дурды-Клыча. Но с утра началась волна приятных событий. Детей поселили в новой гостинице. Справка: этот отель строили 11 лет и посадили 15 человек. Соответственно отделка его – смесь шика и забавных недоделок, что всех нас веселило. Затока сразу же приступил к поискам контактов с н.к.. В результате чего все 4 дня, кои они жили в фешенебельных номерах, туда как мухи на мёд, "слетались" всевозможные Курбаны, Шамики, Джумы, Аннамеды и пр.. Пошиковав (по 2-30 за сутки) дети решили переехать в вагон. Вагон, который стоит у конторы, который Атамуратов "достал" во время нашего отпуска, в котором 6 нар, который теперь будет научным отделом. (Всё!).

И вот в день нашей славной конституции, которая гарантирует много всяких прав, они и вселились в этот курятник. Не знаю, как они не перессорились ещё. Перенаселение было жуткое. Было пишу потому, что теперь мы получили 4-х комнатную квартиру. Впрочем, на девять душ. Может, и тут перенаселение будет...

А квартирка ничего себе. Благоустроенная: свет, газ, вода, канализация, только горячая вода через газовую колонку. Но это ерунда. Главное – чистота! Так славно всё это, что счастья, как говорит Валентина, – полные штаны...

Вообще, детям страшно везёт. Во-первых, новая гостиница, потом сразу, буквально неделю после приезда, – новая квартира. А ещё также: 11 октября приехал Бляхер, а 14-го – министр. Со всеми они сразу же увиделись, поговорили, сразу встали в колею. Не то что мы год назад. Но теперь вряд ли они познают те трудности, кои достались нам. И в заповедник-то теперь будем летать на самолёте, а не трястись в машине. Приезд Бляхера – хорошее подспорье. Сразу же организовал выезд в заповедник. Из стариков взяли только Вову. Я бы тоже поехала, но у меня – другой маршрут"

Возвращение молодёжи из первой поездки в пустыню. Заехали на бахчу

Некоторые пояснения:

Дурды-Клыча – название улицы, где мы квартировали

Затока – Андрей Затока, герпетолог, один из пополнения

Атамурадов – наш начальник, зам. по науке

Бляхер – Михаил Бляхер, начальник отдела заповедников в Министерстве лесного Хозяйства и охраны природы ТурССР в 1982 г.

Дети – так мы называли новое пополнение научного отдела заповедника

н.к. – нацкадры, местное население

О семейной жизни биологов

По мере развития событий мне нужно конечно написать историю нашей семьи. То, что она биологическая, не редкость. На нашем курсе, численность которого была всего 50 человек, образовалось за пять лет учёбы семь семей однокурсников. А ещё с десяток – с биофаковцами других курсов, младше или старше. Да и в наш заповедник новое пополнение в 1982 году прибыло уже с двумя такими же семьями.

Феномен семейственности витал на нашем факультете уже с самого первого курса. Камерность биофака УрГУ (всего две группы по 25 человек на курсе) создавала атмосферу уюта и взаимопомощи. А преподаватели были нам как родители. Тем более, что большинство абитуры приехало в Свердловск из других городов и посёлков. Они жили в общежитии, не очень благоустроенном, что тоже способствовало не только сплочению курса, но взаимоподдержке и взаимопониманию. И безусловно нас всех объединяло трепетное отношение к живому, любовь к природе и жизни.

Надо сказать, что мы как студенты не только ездили на картошку в сентябре с первого по четвёртый курс. У нас было ещё одно неформальное и более интересное мероприятие: полевая практика. Нас увозили на Биостанцию под Сысерть на целый месяц после сдачи летней сессии первые два года. А после третьего курса уже ездили по выбору: заповедники, известные научные лаборатории и институты, научные экспедиции в зависимости от того, кто на какой кафедре учился. И тоже небольшими компаниями: на каждой кафедре было по 7-10 человек.

Полевые условия, не самые комфортные, а даже скорее экстремальные, раскрывают характер и душевную организацию человека как нельзя лучше. Вот и в первый год нашей работы в пустыне мы с Володей поняли, что нам интересно вдвоём. А забота друг о друге – первое непреложное правило в поле. Пошёл на маршрут, – сообщи куда и на сколько. Если задерживаешься, тебя пойдут спасать. Ну или по крайней мере будут просматривать в бинокль окрестности. Я была в этом плане совершенная раздолбайка, уходила без предупреждения и часто получала выговор от Вовы. Он волновался за мою жизнь. Вообще-то никто не делал этого кроме моих родителей раньше...

Как-то мы вместе возвращались с маршрутов, довольные результатами, живо обсуждая новые находки. Сергей в это время был около вагона, заряжал свой плёночный фотоаппарат. Увидев нас, сказал: "Ну что, вставайте, сделаю вам сейчас свадебную фотографию". Слова его были пророческими. Вот это незабываемое фото: Южный Устюрт, стационар Бурчли-бурун, июнь, 35 градусов жары.

Наше первое семейное фото, июнь 1982

После отпуска по приезду обратно в Ташауз мы стали жить вместе. И нам в общежитии заповедника, 4-х комнатной квартире, выделили комнату как семейным. Но официально мы зарегистрировались в ЗАГСе летом 1983-го.

А в 1984 году к Сергею приехала жена, тоже выпускница биофака. Так что у нас в коллективе заповедника стали работать четыре биологических семьи.

Письмо от 20 ноября 1982 г.

"Приветствую тебя, моя незабвенная Вакуоля! Прости, что долго мучаю тебя молчанием. Но поверь, я помню о тебе. "Мой первый друг, мой друг бесценный". Я понимаю, что это свинство не отвечать на твои письма. Не только моя семейная жизнь тому причиной. Просто это моя несобранность, расслабленность. Времени не хватает. Потому что дел много, а за какое ухватиться в первую очередь, не знаешь.

Вчера мы прописались по новому адресу. Сегодня Володя пошёл относить домовую книгу на Дурды-Клыча (мы ведь ещё и выписывались). А я сижу сейчас одна, написала письмо домой (со вторника собиралась).

Я ведь давно тебе не писала. И теперь новости – не новости. Но то, что мы живём в новой обители, ты знаешь. Живём пока дружно.

Ташаузская застройка 80-х годов. Скан со слайда

За месяц я была в заповеднике дважды. Один раз на машине, другой, – неделю назад, на самолёте (АН-2). Приходили к нам в общагу брать интервью с местного радио. Таня с Людой познакомились с газонептяником из Москвы. Затоки принесли сегодня из вивария противочумной станции двух морских свинок и семь белых мышат. Ташаузский зоопарк растёт...

Кстати, в этой конторе мы сделали прививки от чумы. Ещё новая прививка! Следующая – от холеры. Замечательные люди работают в этой противочумке. Вера Петровна Сосновцева работает там 20 лет. Она окончила Ленинградский Универ. Думаю, наше знакомство будет крепнуть и развиваться.

В среду у нас был снегопад. Все ходили по улицам как деды морозы. Но сегодня тротуары уже высохли. И на дворе +5+10. Тепло ещё...

22-го мы летим в Алма-Ату на семинар. А там, говорят, снежок лежит.

О новостях в галантерейных магазинах: появилось молочко (апельсиновое и огуречное) той же фирмы. А "тракторов" нет: ботиночков под вельветовые брюки пока не попадалось. Увы, не густо.

Как прошёл в Свердловске всенародный траур? напиши пожалуйста. Наверно и юбилей отпраздновали в эти "скорбные для всей страны дни". А у нас это мировой важности событие прошло вяло и почти без шума. Если не считать гудков в момент погребения. В тот же день директор вечером привёз телеграмму срочную. У Тани умер папа. Во вторник она улетела. И видимо насовсем. Но время покажет.

Оля! Вот уже месяц нет писем из Свердловска. Что такое? Обиделись на меня, что молчу? Или нет времени? Напиши хоть самое основное. Как у тебя дела? Что с лабораторией?

Получила письмо от Валентины. Просила купить сапоги. Сапоги купила. Услала. Прости, что тебе лишние хлопоты, но твоё постельное в ящике с этими самыми сапогами. Придётся тебе сходить на Синяева...

Получила открытку от Галки. В ней – обещание длинного письма. Но только обещание. Так что я в неведении, что у вас творится. Наталье написала письмо, выслала посылку. А она – ни слова. Видимо что-то не так?

А у меня, у нас – всё окей! Никогда не было так хорошо. Осталось только войти в колею, настроиться на рабочий лад. Ну ничего, съездим в Алма-Ату, а там посмотрим.

Не серчай, родная. Голова клонится, глаза закрываются. А завтра – на хлопок. До свидания! Крепко тебя лобызаю Пух!

20.11.82"

Научные конференции как способ посмотреть мир

Ну, про мир образно сказано. Дальше СССР мы не уезжали. Но доброе руководство заповедника никогда не препятствовало нашему участию в выездных научных мероприятиях с осени по весну.

Москва, Ленинград, Киев, Минск, Уфа, Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ата и плюсом все заповедники Туркмении, вот неполный перечень тех точек, где побывали научные сотрудники нашего заповедника. Наверняка что-то забыла, с ходу вспомнила орнитологические и ботанические выезды.

После первого полевого сезона нас пригласили на научную конференцию по вопросам развития заповедников Средней Азии в Алма-Ату. Во время нашей пустынной эпопеи к нам из этой столицы Казахстана прилетал научный сотрудник по фамилии Ёлкин. Он-то и выслал нам приглашение на пять персон: с проживанием в комфортабельной гостинице и полным пансионом на неделю. От таких предложений не отказываются. Да и сказать уже было чего. Я и Володя приготовили доклады по своим темам. Сергей отказался ехать. Вместо него поехал наш герпетолог из свежего пополнения Андрей Затока. А вместо зама по науке энтомолог Митрошина Люда, которая тоже начала свою трудовую деятельность в заповеднике с осени. Директор наш не отказался, ему нельзя было, так как в Алма-Ату прибыло и руководство из Министерства.

На научном семинаре в Ташаузе. 1992 год

Заседания были необременительны. На интересные, связанные с Кара-Кумами и Устюртом, мы ходили. А свободное время проводили в городе.

В декабре 1982 года отдел заповедников направил троих "старичков" на повышение квалификации в Ташкент. Хотя у нас и было образование престижного ВУЗа, но послушать лекции преподавателей Ташкентского университета не мешало. Также нам обещали провести практические занятия с научными сотрудниками гербария и ботсада. Интересно было конечно познакомиться и с ребятами, которые так же как и мы, совсем недавно приехали работать в заповедники Средней Азии.

Наш научный отдел (не весь), смотрим фотографии. Сзади всех стоит мой папа. 1987 г.

Вот здесь график занятий был очень напряжённый. Мы даже Ташкент толком не посмотрели. Но зато мы познакомились с новыми друзьями и замечательными учёными. Потом нам выдали удостоверения, на основании которых присвоили статус старших научных сотрудников и повысили зарплату. Аж на 20 рублей.

Занятия в Ташкенте заканчивались в конце декабря. А большинство участников были из России родом, кто из Ленинграда, кто из Москвы, кто из Казани. И мы уговорили преподавателей отпустить нас пораньше, чтобы встретить Новый год в родном доме.

И вот из Ташкента мы улетели в Свердловск. И не зря. Мы повидали не только родных, но и встретились курсом на праздновании Нового года. Мы и во время учёбы три раза встречали новый год с однокурсниками, как правило у кого-то дома. А эта встреча была очень эмоциональной. Все делились впечатлениями о своей работе. И нам было что рассказать.

Вот так прошёл очередной календарный год, 1982-ой. Сожалею, что про Туркмению в этой главе не было почти ничего. Но из песни слова не выкинешь... Ездили мы по стране немало.

Письмо от 5 декабря 1982 г.

"Здравствуй моя Вакуоля! Получила намедни твои два письма, в том числе с описанием именин. Странное дело, но в этот год (эту осень) я чувствую себя совсем иначе, думая о празднествах там у вас, без меня. Нет той безысходной тоски. Думается: у них всё хорошо, ну и слава богу... Хотя увидеть вас, облобызать, поболтать – это непреодолимое желание не пропадает. Очень хочу в Свердловск на Новый год. Что только выйдет из этой затеи неизвестно.

Житуха наша идёт своим чередом. Продолжаем осваивать общежитскую форму сосуществования. Пока без эксцессов. Скорее смешно, чем грустно. (Хотя может другим кажется и наоборот).

Благополучно съездили в Алма-Ату. Семинар был так себе. Но гостиница Алатау и люди, с которыми познакомились, – слов нет, великолепно! Прожили в феиенебельных номерах и отведали ресторанской кухни: целых 6 дней. Праздник живота! Бродили по городу, были в зоопарке, на Медео, посетили театр. И всё это произвело очень хорошее впечатление.

В Алма-Ате два вечера подряд шёл пушистый снегопад. А мы так соскучились по зиме (Хотя вы, судя по письмам, тоже). Театр – сплочённый творческий коллектив актёров и (о, чудо!) благодарные зрители (не бегущие при последних фразах к вешалке).

Медео меня поразил: огромные горы, огромные ели, огромный каток и огромная жёлтая луна, встающая из-за вершин гор. Мы были там вечером и видели "смешение света и тьмы" (помнишь?)

Ну и зоопарк – череда забавных встреч. Год мы проработали в пустыне и только тут увидели архара и гепарда. Архары прямо ручные, мы даже погладили их по спинке. А какие тут розовые фламинго! С нетерпением ждущие весны, поездки на Сарыкамьши, там эти птицы бывают пролётом.

Познакомились на семинаре с Залетаевым В.С. Чудный приветливый старикашка, интеллигент (в самом глубоком смысле этого слова). Может, знаешь его монографию "Жизнь в пустыне"? Вообще он орнитолог (в душе), поэтому болтал больше с Вовой (знает Данилова, Большакова). Но и мне перепало. В последнее время он занимается биогеоценозами, связями между живыми и неживыми объектами. Очень интересный разносторонний человек. Не буду останавливаться на других знакомствах, только в блокноте появились 6 новых адресов.

Оль! Если тебя интересуют заповедники по-прежнему. В Чаткальский зап-к нужен ботаник. Также в Узбекистане создаётся геологический заповедник, где тоже требуется ботаник. Это горные леса.

Ездили мы на семинар следующим составом: я, Вова, Люда, Затока А. и директор, бедняга всю поездку откровенно скучал. С Людой мы жили в одном номере.

Пишу тебе, стоя на почте и ожидая заказного разговора из Свердловска (мама заказала). Живу от аврала до аврала.

На счёт лекарства (Лив-52): поиски пока не кончила. Сообщу телеграммой. Письмо сама знаешь, идёт неделю. Кстати, писать можно на домашний адрес, ящик закрывается, письма носят. Сегодня получила письмо от мамы.

Таня Иванова приехала. Она решила поработать тут полевой сезон (а там посмотрит). Я тебе писала, у неё умер отец, она ездила в Челябинск на 2 недели.

Серёжа совсем оборзел. Работать не хочет и совращает молодёжь. Единственным стойким и целеустремлённым человеком остаётся Женька. Слава богу, есть такие люди на земле.

Вова ратует за выступления в газете. Сам сейчас пишет статью о джеке. Я ж вчера наговорила 3 минуты в микрофон для последних известий про заповедник. Опять к нам вчера приходили радио репортёры ("радиопартнёры").

Большой-большой привет всем! А тебя крепко целую и обнимаю. Не горюй! Всё будет хорошо.

Твой, как всегда. Пух. 5 декабря 1982

Господи – а ведь скоро Новый год! Время-то всё ещё летит!"

Осенние выезды в пустыню: недолгие, но запоминающиеся

В первый год нашей работы в Капланкырском заповеднике мы один раз были в пустыне осенью. Это было вообще первое знакомство с тем краем и людьми, где нам предстояло работать. И впечатления были поэтому самые незабываемые.

А уже во вторую осень мы посещали пустыню с вновь прибывшим пополнением нашего научного отдела. Теперь у них были восторги и восхищения. А мы как уже опытные пустытники показывали, рассказывали и подкалывали новичков. Как без этого? Юмор нам строить и жить помогает.

В октябрьский (15.10.-19.10.82 г) выезд я не поехала, так как дорога моя лежала в Оренбург. Но почти все потом со мной поделились впечатлениями от поездки.

Во-первых, встретили барханного кота на песчаном участке пустыни. Ну это такой красавец, что трудно им не любоваться. Однако встреча случилась ночью. И два сияющих глаза в отблесках фар машины, напомнили привидение. Кот от слепящего света был ошарашен и обездвижен. Так что вся толпа, вывалившись из кузова ГАЗ-66, хорошо рассмотрела его и даже сумели обмерять. Но как только фары выключили, барханный кот бесследно исчез в придорожных кустах пустынной растительности. Возможно у ребят и остались снимки, но не та была фототехника раньше...

Во-вторых, всю дорогу Таня Иванова ждала встречи со страшной пустынной скотоцеркой. Володя прям напугал таким именем всех. Вот что делает незнание фактического материала. А это просто была маленькая птичка из славковых, которая в изобилии гнездилась весной на нашем стационаре Бурчлибурун. Гнёзда у неё, как варешки, с узким входом и хорошо теплоизолированные.

Обязательные встречи с верблюдами безусловно тоже были. И встретили даже следы лесного браконьерства: площадки выкорчеванного чёрного саксаула. Ребята побывали тогда и на озере Сарыкамыш, где присмотрели себе место для стационара. Это урочище Мергенашан – бывшее древнее русло реки Амударьи.

Урочище Мергенашан недалеко от озера Сарыкамыш, северная Туркмения

А вот в ноябре я всё же тоже съездила в поле. На этот раз мы с Володиёй и Черновыми, тоже Леной и Володиёй, побывали на территории Сарыкамышского заказника. Выезжали с целью описания его границ и дальнейшего составления Положения для утверждения в Областном лесном управлении. Этот заказник на берегу озера Сарыкамыш предполагался для реакклиматизации кулана. Давным-давно куланы водились в этих краях, но были истреблены. А в Кушке, в Бадхызском заповеднике, в 80-е годы восстановили поголовье кулана настолько, что могли расселять его в другие заповедники и заказники.

Контора Сарыкамьшского заказника и начальник его (второй слева) Аннамед Шануров

Мне эта поездка запомнилась не только изрезанными берегами озера и бескрайними полынными пастбищами, но и уникальным посёлком Казанлы. Где не было электричества, газа, воды. Посёлок жил и зарабатывал на разведении овец и верблюдов. Домов из глины было совсем мало, в основном юрты. И мы даже в одной юрте обедали и отдыхали.

Мы с Леной Черновой (справа) около гостеприимной юрты. Обратите внимание на мальчика справа: он босиком

Несмотря на бедность жуткую, нас накормили пловом с бараниной и напоили вкусным чаем с кристаллическим сахаром.

И ещё мы сделали авиаучет осенью 1982 года. Самолёт АН-2 стал на десять с лишним лет нашим верным помощником. А лётчики местного авиапредприятия – хорошими знакомыми и друзьями. Мы и жили с ними в соседних домах и кварталах.

Наш крылатый сосед Жорка

Полевые сезоны – неотъемлемая часть работы научных сотрудников заповедника. Самый первый был необыкновенным, потому что был первым, и я о нем много уже написала. А потом пошла череда ежегодных выездов в пустыню. Но всё равно каждый год чем-то запоминался.

Во второй сезон в 1983 году наш вагончик перевезли подальше от дороги, спрятали немного в овраге. Ещё выгрузили емкость для воды несколько кубов. Это позволило нормально существовать: умываться, стирать и устраивать банные дни. Но готовить всё равно приходилось на открытом огне: печке. В холодное время она стояла в вагончике, а когда потеплело, вынесли ее на улицу, как и обеденный стол со стульями. Заповедник выдал ребятам мопеды "Верховина", на которых теперь можно было проще передвигаться в окрестностях стационара. Ну а девочки могли оседлать велосипед. Но я как обычно ходила пешком. И мне это было необходимо.

Будучи несколько месяцев на стационаре, мы буквально растворялись в природе. Наши объекты наблюдений становились добрыми знакомыми, с которыми мысленно здоровались и прощались до новой встречи. С нетерпением я ждала начала вегетации и цветения черного саксаула, основного дерева нашей пустыни и объекта моей будущей диссертации. Но милее не было нежных эфемероидов: тюльпана согдийского, роголепестника горбатого и ириса сетчатого.

Цветут согдийские тюльпаны. Фото автора

Так же и у орнитологов. Птиц интересных было много: и хищники, и разные воробьиные, и кулики. Но все мы души не чаяли в милой малюсенькой птичке с вертявым хвостиком: скотоцерке, самой выносливой и каждый год встречавшей нас на точке.

Но попадались в пустыне выдающиеся экземпляры животных. Таким был хохлатый жаворонок Жорка. В 1983 году он прожил с нами на стационаре весь сезон, дважды вывел птенцов со своей женой и стал нашим соседом и сотрапезником.

В этот год наш вагончик стоял в овраге, системе размытого карста. Дно и склоны уже заросли черным саксаулом и кустарниковыми солянками. И вот в основании старого саксаула один необыкновенный хохлатый жаворонок и свил своё первое гнездо. В тридцати метрах от вагончика. Обнаружить жилище жаворонка опытному орнитологу было не трудно: куда постоянно таскает птица строительный материал, там и её дом. Сидя на улице за обедом мы как раз

и увидели процесс строительства гнезда. Жаворонок не боялся людей, а даже с любопытством смотрел, что это мы едим, и нет ли крошек. Когда стол на улице опустел, птица внимательно обследовала пространство вокруг него.

Хохлатый жаворонок

В следующий раз мы решили подкормить жаворонка. И он охотно принял угощение. Чуть ли не с руки. Так и повелось, едим мы, ест и Жорка. Так мы назвали птичку.

Гнездо Жорки было не только близко к вагону, но совсем близко от тропинки, по которой 4 человека каждый день не по разу выходили на свои маршруты. Этот фактор беспокойства совсем не смутил жаворонка, и они с самкой продолжали насиживать кладку.

Вылупилось пятеро птенчиков. Володя пошёл их взвесить и обмерить. И совсем не ожидал, что Жорка будет крутиться рядом, да ещё и продолжать таскать еду птенцам. Он даже пытался засунуть термита в глотку птенца, который находился в ладони человека. Потом мы иногда приносили угощение Жорке: термитов горстку. Их не так сложно было нам откопать с помощью лопаты. А вот птице лапками надо было много грунта перерыть, чтобы добыть хоть одного. Жорка брал с руки термитов и тут же кормил свою ненасытную ораву. Так вот мы и выкормили и подняли на крыло совместными усилиями всех пятерых.

Хохлатый жаворонок угощается термитами

Но у молодёжи мозги были нормальные. Никто не прилетал потом столоваться к нам. А Жорка прилетал. Второе гнездо он построил уже на горке. Ходить туда было тяжело по жаре, и мы не вмешивались больше в его личную жизнь. А просто угощали, когда он прилетал к вагону.

На следующий год я уже не жила на стационаре. Но Володя рассказывал, что Жорка снова прилетел столоваться. Гнездо сделал на горке. Часто прилетал купаться в поилке для индийских воробьёв, которую соорудили из сковородки. Сидел не боясь людей под рукойником и ловил капли воды, падающие с носика. А в 1985 году вагончик стоял за пять км до оврага. Поэтому следы Жорки затерялись...

Сейчас бы Жорка стал звездой интернета. А тогда мы просто дивились его смелости и сохранили в своей памяти как самого ручного жаворонка.

Письмо от 8 марта 1983 г.

"Приветствую тебя, моя родная Вакуоля!

Вот уже два месяца от тебя ни слуху ни духу. Как впрочем и от остальных, исключая бандероль от Натальи и записочку. 20 февраля мы убыли в пустыню в 4-х-месячную "ссылку". Да этого в пятницу звонили мама с папой, сказали, что ты 19-го уезжаешь... У меня нет твоего омского адреса. С 15 по 20 я перерыла все свои бумаги и письма – не нашла. С ума сойти! Поэтому, сама понимаешь, перебои в связи. Пишу это письмо в надежде, с первой машиной придёт твоё письмо с адресом. Да, сидим тут уже почти месяц, а машины ещё не было. Обычное дело.

Зато уехали сюда мы весьма оперативно. На 15 февраля был намечен выезд. Но все настраивались на 20-25. Тут ведь всегда тянут резину. Но помогла опять же случайность (а по-моему, это хитрый маневр нашего непосредственного руководства в Ашхабаде). 11 февраля самому главному шишке в лесхозе позвонили из Министерства и сказали, что 21-го из Москвы приезжает кино группа во главе с Дроздовым снимать фильм о Капланкыре (!?).

Вот тут и началось. Шишка вызвал директора и сурово сказал, чтобы все н.с. были на местах до 20-го. Во вторник со сменой лесников уехали Вовка с Серегой. А вся остальная компания (кроме Людбы) выбыла с субботы на воскресенье. Люда, временная хранительница очага, придет в марте-апреле. К нам. Теперь мы будем четвером обитать в нашем старом добром вагоне. А пока нас трое тут, старый состав. Правда теперь в новом качестве. Но хуже от этого не стало.

Вагон в этот год поставили в новое место, в овраге, подальше с глаз, а вернее, с дороги. Ведь раньше его было отлично видно. И кому не лень, все заезжали. нынче ещё лучше с водой. Привезли 3-х-тонный куб, воды прорва, хватит на всё время. Поэтому не жёсткой экономии, как раньше (немного теряется в романтике, но жить стало лучше). Вот именно, жить.

Овраг, в котором поставили вагон в 1983 году

Можно уехать в поле на месяц, два. Но когда здесь уже почти 5 месяцев, надо капитально обжиться. Вагон как дом. Половину времени за год проводим тут, хотим оставить его здесь. Чтобы был постоянный стационар. Тем самым снизится и напряжённость в общаге. Скоро появятся дети. Затоки так об этом и заявили. Но они видимо съедут. Родители нашли им обмен. Галка Антипова видимо приедет сюда. Она опять была здесь в отпуске, проводила мужа в поле и уехала в Свердловск.

...Ну вот что ещё писать: живём-не тужим. Мы сегодня с Вовой дежурные, я сварила гороховый суп, вспомянув тебя в очередной раз. (не бойся, добрым словом). Однообразие здесь изнурительное. Каждый день банка ланченмита в суп и +вермишель, рис, овёс. Ребятам это по боку. У них сейчас много работы. Да и я помнится в том году не замечала этой моно-

тонности. Было много интересных дел. А сейчас я приехала, хоть и не рано, но – рановато всё же. Сейчас ещё холодно, часто сижу в вагоне на приколе (мне нельзя простывать), т.к. к холоду добавляется ветер, пронизывающий до костей. Во сне видится тёплый сортир, особенно после ночных пробежек.

Но местная флора преподносит маленькие радости. Уже набрали бутоны тюльпаны и роголепестник (помнишь рисунок?). Есть даже такие, которые зацвели в такую холодрыгу, это рогоглав и серпоносик (забавные названия, правда?). Видимо они откликнулись на тепло, которое у нас стояло тут три дня. Днём было до +26.

Роголепестник горбатый

Хотя ночью плюсовой температуры не бывает ещё. У саксаула набухли почки, вегетируют уже и другие виды. Идёшь, а кругом такие зелёные пятна на серой глине. В этот год

меньше грызунов. Зато много зайцев. Надеюсь, что не всё съедят, что-нибудь и для гербария останется.

Волки обнаглели, ходят около самого лагеря. Похожи на крупных овчарок пепельно-рыжего цвета, только уши маленькие и глаза, как бусинки. В этот год меньше хищных птиц. Беркут всего один, тот, что загнезвился в 1 км от вагона. Филин летает, но гнезда не можем пока найти. Зато гнёзд скотоцеров Вова нашёл уже 20. Они уже отложили яйца. Но у них такие "варезки", – никакой мороз не страшен. (Помнишь наверно гнездо синицы ремеза. Вот что-то похожее, только без горлышка).

Незадолго до поля мы с Вовой купили "лисает на свободном ходу". (На "кровать со блестящими шишками" пока не хватило денег). Вова выучил меня кататься. Правда тут он лежит пока без дела, холодноватенько. Ещё у нас тут стоит мопед, называется "Верховина" (наверно от слова "ездить верхом"). Только у него сломался мотор и теперь на нём не поездишь никак, вообще. Ждём Люду с мотором. (У нас на лоджии живёт ещё одна "Верховина", без колеса, без цепи и ещё много чего. Это заповедник снабдил нас "лёгким транспортом").

А ещё у вагона прикорнул ярко оранжевый трактор, на нём привезли сюда вагончик. Но солярки хватило только на дорогу туда. А когда обратно – неизвестно. Со стороны посмотришь на наш лагерь, будто не биологи тут живут, а строители.

Передо мной лежит гора поздравительных открыток с 8 марта, которые я приготовила к 5 числу (обещали приехать!). Теперь придётся действовать по принципу: лучше поздно...

Оль! Как ты там? В родных пенатах? По тебе уже соскучилась. Всё таки в письмах ты была рядом, а сейчас – вдалеке. Что ты, как ты – неизвестно; плохо тебе, хорошо? В общем, пиши, я неизменно буду тебе отвечать. Только почту жди лишь раз в месяц (тут уж ничего не поделаешь, чаще их не заставит сюда добираться).

Ну всё, пока. Крепко тебя лобызая Надеюсь на лучшее. Твой до гроба, Пух!"

Самолетные истории

Капланкырский заповедник был самый большой в Туркмении, площадью 570 тысяч гектаров. Территория огромная, а расстояние до города, где была контора, около 300 км. На стационар в пустыню мы как правило забрасывались грузовыми автомашинами. Но вот авиаучеты в заповеднике, выезды по срочным делам в город, переезды на другие точки на короткое время, – для этого мы заказывали самолёт. Бюджет заповедника позволял планировать в год 7-10 вылетов. В Ташаузском аэропорту кукурузников было много. Ведь север Туркмении – сельскохозяйственный район. Тут выращивали и хлопок, и пшеницу, и рис. И всё это надо было опылять сверху химикатами. Кроме сельхозмашин имелись и специальные пассажирские АН-2. Не только со скамейками вдоль бортов, но и с несколькими рядами кресел в салоне.

Первое знакомство с лётчиками местной авиации и самим АН-2 произошло у нас в 1982 году. Первый стационар, первый год в пустыне, мы, ещё неопытные исследователи... Как-то утром слышим звук мотора в небесах. Летит самолёт, к нам летит. И садится на дорогу около старинного кладбища. Лётчики местной авиации были конечно асы, им и очень короткой полосы было достаточно, чтобы приземлиться. Но полоса эта должна быть твёрдой. А дорога-то была разбитой. Так что первое приземление на наш стационар было неудачным. Самолёт зарылся в пыли.

Пока начальство знакомило нас с прилетевшими учеными из Алма-Аты, выяснилось, без лопаты не выволить самолёт для взлёта. Ребята побежали в лагерь за инструментом. Потом вместе с лётчиками по очереди откопали колёса и подыскали подходящее место для взлёта, уже не на дороге, а вдоль оврага. Оставалось только срыть бугры термитников и норы песчанок. Сергей ловко всё это сделал и уставший, воткнул лопату в землю.

Самолёт стал выруливать на новую полосу и крылом напоролся на черенок лопаты. И вы думаете, что АН-2 "железная птица"? Крыло порвалось, потому что было из ткани! Лётчики ругаясь вылезли из кабины и потом как-то заклеили дырку. Все мы выдохнули, когда самолёт улетел. А нам было дано задание найти и оборудовать подходящее место для взлётно-посадочной полосы.

Одна полоса уже была, но в 6 км от лагеря, это далеко. Володя нашёл ближе, примерно в 2 км. Там пришлось вырубить редкий кустарник, но зато почти не было нор, почва была твёрдая, покрытая плоским щебнем. Это место получило в обиходе название "аэропорт". И все последующие взлеты и посадки с 1983 по 1992 годы были там.

Авиаучеты проводили 3-4 раза в год, чтобы посчитать джейранов, сайгаков, куланов, архаров, волков. С малой высоты можно было обнаружить также гнёзда хищных птиц на обрывах. АН-2 очень помогал в учётах численности животных.

Остановка в пустыне на одном из зимних авиаучетов

Когда у нас появилось несколько стационаров, то мы раз или два за сезон планировали перелеты с места на место, ведь специалистов для всех точек не хватало.

Выгрузились в Сарыкамышской впадине. 1988 год

Были также вылеты в Ташауз. В город стремились подкормить детишек свежими овощами и фруктами. В начале мая уже поспевала клубника, а уж свежих овощей было навалом. Надо было пополнить запас аптечных товаров, купить прессу, и в конце концов отмыть детей в ванной дома. А потом через 3-4 дня мы снова летели в пустыню. Часто с нами улетали и ученые из Ашхабада, Москвы, Уфы, Свердловска. Вот на этом фото, где "табор уходит в небо", известный орнитолог Эльдар Рустамов.

*май 1989. Грузимся в аэропорту Ташауза. Телегу держат Володя и академик Рустамов
(справа без фуражки)*

Лично у меня случилось такое приключение с Ан-2, после которого я без пакетиков в этот транспорт не садилась. В 1984 году я сидела в городе с шестимесячной дочкой. Но приехала в гости мама и согласилась побыть недельку, пока я слетаю в заповедник к мужу и своим растительным объектам. Туда я добралась замечательно, на самолёте и быстро. Привезла всем радостным почту, свежие продукты. А вот обратно самолёт по безалаберности директора заповедника не прилетел. И Вова повёз меня к противочумникам на мотоцикле. Их лагерь был тогда в песках в 70 км от нас. На следующее утро я всё же погрузилась в Ан-2. Но он оказался после химобработки полей. Стойкий запах химии сопровождал нас всю дорогу. Всё содержимое желудка и желчного пузыря, всё оказалось вне меня. Домой я приехала вся зелёная. Но не заставила маму волноваться, так как срок возвращения оговаривали $\pm$ 2 дня. С тех пор меня укачивает в автотранспорте. Но на кукурузниках я к счастью больше не летаю.

Но кроме Ан-2 почти каждый год ребята летали на вертолёте. Это уж когда прилетало высокое начальство или такой замечательный гость как Николай Николаевич Дроздов. Но об этом – отдельный рассказ.

Письмо от 18 марта 1983 г.

"Здравствуй, родная моя Вакуоля!

Вчера приехала машина. Привезла письма и зарплату. А также Люду с продуктами.

Здравствуй, родная
приехала мамаша
Люду с продуктами
и уехали на авто
время еще от
есть сладкое.
еще читаю
судно / хотя, что

Фото моего письма. На рисунке: машина привезла Люду с продуктами

Вчера они уехали на автомарирут. Хоть есть время отписать так сказать по свежим следам. Была счастлива пообщаться с тобой! С упоением читала повествование о днях предотъездных. Завидую (хотя, чего там), что были вы на Серге, Шунуте. Мне теперь долго туда не выбраться. Даже в отпуске. Разве что на следующий год только. А вот в оперу обязательно сходим. Кстати, фильм "Трюкач" мы смотрели у нас в Ташаузе ещё в ноябре (или окт). Рада, что наши оценки его совпадают.

Теперича о свидании. Мы будем видимо в Свердловске в июле. Но точнее – потом. Попробую тебе звонить, у нас ведь в квартире телефон. Но чаще всего этодохлый номер. Звони лучше ты. Как показала практика, из большого города в маленький (как Ташауз) дозвониться легче, раз в 12. Вова отвезёт меня в Ташауз где-то в конце мая – начале июня. так что мне светит не очень приятная перспектива куковать одной месяц в квартире...

У нас же особых новостей с прошлого письма не случилось. Погода всё ещё не очень. Ночью заморозки. Днём +15 (не выше), северный ветер. Одна радость – Людмила привезла "рекомендации" и книги, которые мне прислали мои Алма-Атинские и Ташкентские знакомые (всё же эти сумасшедшие командировки что-то дают!). На днях займусь. А то стала киснуть. С приездом Людмы ... становлюсь опекуном. Она ведь ничего тут не знает. Заодно поможет мне закончить работу по геоморфологии: заснять карст.

Получила массу поздравлений от мюмзиков и знакомых. Сама же отправляю всё сейчас. Вот долгожданные "стихи":

1. На кладбище ветер свищет,
кости белые бренчат.

По оврагу волки рыщут,
в небе вороны кричат.

2. Что же ждуют в овраге черти?

Воронье над чем кружит?
День последней нашей смерти
эта нечисть сторожит!

3. То-то будет пир горою!
(кости свежие нежны...)

И никто нас не зароет,
никому мы не нужны.

Сейчас эти стихи не актуальны. Полтонны еды и три куба воды, думаю, не доведут нас до истощения. Хотя Вова уже немного сбросил. Я же – наоборот. Неудивительно: сижу как клуша в вагоне: холодно ещё бродить весь день. А у ребят – сезон, запарка.

Ну всё пока. До следующих новостей и писем! Правильно делаешь, что не вешаешь носа. Всего тебе! Удачи! Крепко тебя обнимаю и целую. Твой Пух!

18 марта 1983"

Решила сделать кое-какие пояснения к стишкам. Будучи студентами мы увлекались "чёрными стихами", у нас на филологическом факультете Университета даже была знакомая девочка, которая делала курсовую на эту тему. Я давно обещала прислать этотopus подружке для коллекции. Ну так вот этот стишок был придуман в 1982 году на фоне безводья и дефицита еды. Тогда мы за первое поле скинули от 20 до 30 (Серёжа) кг. И всё, что в сочинении, имеет место быть около нашего стационара.

Кладбище 13-14 веков на чинке Карагуш, над пещерой, где Сергей встретил волка

Кладбище 13-14 вв., которое хорошо сохранилось. В этих местах, когда Амударья текла в Каспийское море, было поселение. На дне котловины между чинками сохранилась даже система снабжения водой. А в отвалах этой системы мы раскопали даже мумифицированные стебли винограда. (Думаю, что повесть Платонова "Джан" как раз про это племя, которое обитало между Южным чинком Устюрта и озером Сарыкамьш.)

След волка рядом со следом ботинка Вовы 42 размера

Волки и волчи следы встречались часто. А пара воронов свила гнездо недалеко от лагеря на скальном обрыве. Белые кости верблюдов мы в большом количестве находили по дну оврага. А в одной воронке нашли даже человеческий череп.

Сильный ветер в феврале-марте – обычное явление для пустыни. "Никому мы не нужны" – наше мнение о руководстве заповедника, так как машины заповедника с письмами и хлебом нас навещали от силы раз в месяц. Хотя лесная охрана должна была меняться на кордоне (в 70 км от нас) еженедельно (могли бы и нас проведать).

Корабли пустыни и наши встречи с ними

Есть одна версия, почему именно корабли. Потому что верблюды – иноходцы. То есть сначала шагают двумя левыми, а потом двумя правыми ногами. При этом наездника на горбах верблюда качает резко в разные стороны, подобно морской качке. Поэтому покатавшись на верблюде, можно почувствовать, какова она, морская болезнь.

В нашей Туркменской пустыне обитали одногорбые верблюды, дромадеры. К слову сказать, в Казахстане, где мы как-то проезжали по степям, бродили двугорбые, бактрианы. Но несмотря на то, что граница нашего заповедника упиралась в казахский Устюрт, двугорбые к нам не приходили в гости.

Длинноногие дромадеры были в каждом ауле. Животное это полезное и неприхотливое, даёт шерсть, мясо, молоко, а взамен ничего не требует кроме воды. Потому что верблюды на севере Туркмении были на самовыгуле. Каждый верблюд имел на шее метку: ошейник с цветными нитками, по которому верблюдовладельцы различали животных. Никому чужого не надо было, а своего привечали.

Посёлок Казанлы и его верблюды. Север Туркмении. Фото автора

А когда приходила пора размножения, то держали около дома. Маленькие верблюжата подрастали в загоне: яме, огороженной стволами саксаула. А верблюдицы кормили молоком не только детёныша, но и семью хозяина.

Наш стационар был глубоко в пустыне, до города 300 км. Но вот до ближайших аулов с содержанием верблюдов примерно 200 км. И корабли пустыни каждый год, да не по разу приходили к нам. Как правило это было стадо из 7-10 голов. Один самец и самки, иногда с молодыми. Шли конечно же на голоса, но к вагончикам подходить опасались: да, люди, но чужие.

Как-то к нам в гости приехали брат мужа с женой. Первый раз в пустыне, мало что видели. Сидим на закате на улице, чай пьём. И тут из-за холма показывается голова верблюда на длинной шее. Алёна даже дар речи потеряла, указывая на внезапно появившийся живой объект. И неудивительно: издали в сумерках верхнюю часть верблюда реально можно было принять за

лохнесское чудовище, которые изображают на картинках. И лишь когда пара верблюдов полностью поднялись на холм, страх сменился безудержным весельем.

Но пугаться верблюдов действительно нужно в период гона: зима и ранняя весна. За свой гарем они и затоптать могут. Хорошо, что к нам они забредали уже после, в мае-июне. У нас у каждого были учётные площадки, где мы на протяжении сезона снимали показатели: продуктивность биомассы, плотность гнездования, численность грызунов... И вот однажды Володя проезжал мимо своей площадки на велосипеде, а там пасётся стадо верблюдов. Чтобы спасти чистоту эксперимента, пришлось прогонять незваных гостей, которые не только жевали ветки кустарников, но и топтали гнёзда жаворонков под ними. После криков и размахивания руками верблюдицы и молодёжь убежали, а вот крупный самец, предводитель, решил побороться и защитить стадо. Он стоял и грозно раздувал своё мягкое нёбо, которое становилось всё ярче. Пришлось научному сотруднику пустить в ход технику. Блестящий и брякающий велосипед всё же победил, самец побежал догонять своих дамочек. Мягкое нёбо дромадера не все видели, а это признак мощи и красоты самца верблюда. Он его раздувает, чтобы показать свою силу и превосходство, а также чтобы привлечь самку.

Одногорбые верблюды мощные животные, и мы всегда предупреждали своих детей на стационаре, что если увидят верблюда, сразу прятались в вагончике. Но запах от стада верблюдов всегда стоял такой, что мы уже за километр чуяли гостей и выходили им навстречу, чтобы прогнать подальше от лагеря.

Одногорбые верблюды на нашем стационаре Бурчлибурун, глинистая пустыня

Однако несмотря на противный запах однажды Лена Чернова всё же собрала верблюжью шерсть. Недалеко от их стационара на озере Сарыкамьш нашлидохлого молодого верблюда. Шерсть у него была ещё не жёсткая, нежная. Невозможно было пройти мимо такого сокровища. Как смогли, собрали мешок шерсти. Но потом долго пришлось её стирать и проветривать. Потом шерсть спряли, а Лена связала свитер и носки.

Когда мы выезжали в пустыню, то частенько проезжали мимо посёлков, где жили верблюдицы с верблюжатами. Как-то раз с нами была молодая филиппинка из Корпуса Мира. Увидев

маленького верблюжонка, она была настолько потрясена, что потом часа полтора высказывая свой восторг повторяла: "литл кэмэл, литл кэмэл! О! О!"

Вот он: литл кэмэл

А на дорогах, которые окружают пустынные посёлки стада верблюдов любят разместиться в пыли разбитой колеи. И полёживают, пока громкое гудение автомобиля всё же не подымет их с места.

Верблюды на дороге. Прогоняем, чтобы проехать

Одомашненные верблюды на севере Туркмении мало привязаны к дому, покрывают большие расстояния под палящим солнцем, пьют солёную воду, питаются кустарниками. Конечно же они уже давно приспособлены к такому существованию.

"Резервуарами для питья все ошибочно считают верблюжьи горбы. Но на деле в них сплошной жир, правда «многофункциональный». Он одновременно исполняет роль холодильника, из которого верблюд достаёт пищу, и кондиционера: за ночь жир охлаждается и днём остужает своего хозяина. Кроме того, из него действительно выделяется жидкость, правда в незначительных количествах – вдоволь напиться не получится. Однако верблюд бодро шагает по пустыне и на обезвоживание не жалуется. А чем, собственно, так опасно обезвоживание? Сгущением крови, которое человека, например, приводит к гибели. Но верблюжья кровь не густеет даже во время длительных переходов, за которые он теряет до 20% своей массы. Все потому, что она у него особая – не такая, как у остальных млекопитающих. Во-первых, в ней

очень много эритроцитов – красных кровяных телец: в 1 куб. мм содержится от 14 до 19 миллионов эритроцитов. Во-вторых, верблюжьи эритроциты овальные, а не круглые. Поэтому кровь этого животного сохраняет нормальную текучесть даже при сильном сгущении: узкие эритроциты беспрепятственно проходят через капилляры, а значит, организм верблюда исправно снабжается кислородом. И наконец, в-третьих, эритроциты этого животного обладают уникальной способностью накапливать жидкость. При этом они увеличиваются в объёме почти в три раза. Но стремительно «худеют», едва их владелец начинает испытывать жажду." (Цитата)

Вот на этих интересных фактах об организме верблюда и закончу. Надеюсь, вам было интересно узнать какие они, верблюды Туркмении.

Письмо от 13 апреля 1983 г.

со стационара заповедника "Бурчлибурун", на границе глинистой пустыни Южного Устюрта и песчаных Каракумов. Наши второй год. Машины ходят редко. Поэтому письма бывают двухсерийными. Вторая серия как правило короче, так как пишется быстро: во время либо отдыха водителя, либо во время автоучета, на который ездили как правило мальчики.

"Здравствуй, мой драгоценный мюмзик!

...Наша пустынная жизнь идёт своим чередом. Без особых неожиданностей. Только нынешняя весна более тёплая и влажная. У меня определяется много новых видов (в том году эти эфемеры не выросли). День назад кончила определять прирост в основных ассоциациях. Чуть не чокнулась. Целую неделю занималась этим "важным и необходимым делом". Сейчас передых. Но начинается лето. Дня через 3-4 опять нужно будет делать то же самое. За две недели-то столькоросло... УУуу-у-у-. Особенно на песках. А потом через 2 недели все эти эфемеры засохнут. Скорей бы май!

В конце мая видимо я отсюда слиняю. Сейчас у нас днём 27-28 тепла. Пока не жарко. Гуляем до часу, до двух. Вова частенько садится на велосипед и едет подальше, куда пешком топтать – жуть. Серёжа осваивает мопед... сперва весь день его ремонтирует, а потом раз прокатится, – и снова ремонтирует. Люда каждый день трижды снимает метеоданные...

У нас тут печальные для всего научного отдела новости. Таню и Чернову Лену уложили в больницу всё с той же желтухой. Было это 20-25 марта. А сегодня уже 13-е, значит Татьяну (а она попала туда первая) на днях выпишут

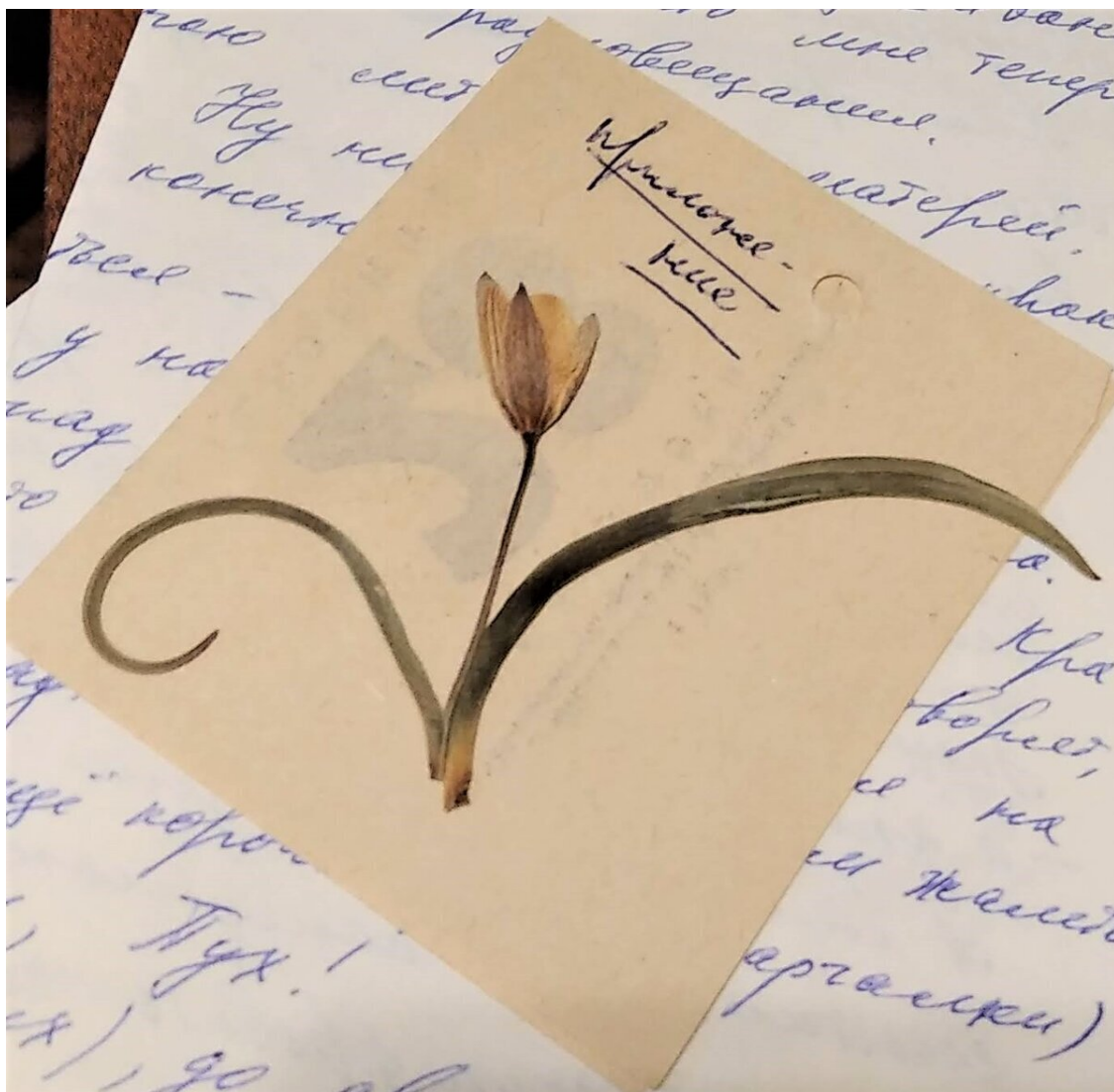
К нам два раза прилетали противочумники. Привозили кефир и зелёный лук. Исключительно по собственной инициативе. Обставили наш лагерь 25 давилками и чуть-чуть не обсыпали всё дустом. Хорошо, что в давилки попала всего одна краснохвостая песчанка. Они выскивают чуму, без этого им не дают премий.

До обеда скакала, как архар, по воронкам, описывая карст. Заодно смотрела флору. Нашла сегодня два новых вида. Один из бурачниковых, второй из норичниковых. У меня нет томов этих определителей. Кусаю локти и зарисовываю цветки и плоды. Один вид нашла так прям у местного туалета. Что главное для ботаника? Это не спешить уйти...

Ну, ещё новости из птичьей жизни: вылупились птенцы у беркута и один – у филина. У другого филина, что жил поблизости, гнездо разорено. Вова говорит, что это сделал скорее всего медвед

У нас заползали гады: я два раза уже видела стрелу-змею, у черепах пик активности.

А ещё у нас зацвели саксаулы, а недавно цвели и благоухали тюльпаны (см. приложение). Родоначальниками культурных были такие же (по цвету), только раза в 3 больше в размерах. Нам в Ташкенте об этом рассказывали.

Тюльпан согдийский. Минигербарий для подруги в письме. Апрель, 1983

18 апреля 1983, вторая серия.

"Драгоценный мой мюмзик! Умница. Столько писем!

...Прочитать ещё всё твоё не успела, только первое и последнее. Поняла, что ещё не работаешь. Но я думаю, что разморозжение всё же наступит. Ты-то ведь надеешься на это?

Я тебе напишу побольше, как только прочту всё твоё. Сейчас такая спешка, не хочется впопыхах...

В заключение сообщаю о 1)отличном здоровье 2)хорошем настроении 3)интересной (хотя и нелёгкой) работе. Пусть и у тебя всё налаживается поскорее. Я так этого хочу!

Поздравляю тебя ещё со всеми майскими праздниками. Желаю соответственно всего весеннего! Твой до гроба Пух!"

Как мы прославились в передаче "В мире животных"

или Дроздов Н.Н в Капланкырском заповеднике

Дело было в 1986 году в середине мая. Сезон на севере Туркмении выдался засушливым, мало какие эфемеры вообще проросли. Зелёной травы было чуток, соответственно: недостаток корма для птиц и грызунов. Численность как мелких, так и крупных пернатых резко сократилась. Такая ситуация случается в пустыне периодически в 10-11 лет. И вот именно в это время угораздило посетить наши стационары съёмочную группу центрально телевидения. И руководителем группы был никто иной как Николай Николаевич Дроздов.

Я, зная ведущего телепередачи "В мире животных" как зоолога в душе, вряд ли могла заинтересовать своими ботаническими находками. А вот птицы и гады для него – очень интересно. И как оказалось, группа прилетала в заповедник в тайной надежде отыскать следы гепарда.

Про гепардов с радостью рассказали наши лесники, любители приукрасить и напридумывать. Но этот сюжет как колоритный вошёл в фильм, снятый после поездки Дроздова по Средней Азии.

А в передаче в "Мире животных" засветился орнитолог нашего заповедника Владимир Шубенкин. На то время уже мой муж и отец семейства. Мы ездили в поле-1986 вместе, но я не попала в кадр. А вот что рассказал Володя:

"Прилёт Дроздова и телевизионной группы был для нас определённой неожиданностью. Мы не были готовы, да и готовить было нечего. Когда эта компания москвичей прилетела на вертолёт, Дроздов первым делом спросил: "Где здесь можно посмотреть каких-нибудь редких животных, желательно крупных?" Но этот год, восемьдесят шестой, был очень сухой, и я как орнитолог не мог найти много гнёзд. Так скажем, беркуты в этом году практически не гнездились. Недалеко от нашего стационара мне было известно одно гнездо, но в него никак не подобраться было. А издалека показывать – никакого интереса.

И тут я вспомнил про гнездо филина, которое нашёл недавно на чинке Южного Устюрта в 15 км от стационара, а если по дороге – то двадцать. Это была система карстовых оврагов, и в ней вполне доступное гнездо, куда можно было подойти близко. Когда я там был, в гнезде сидел один птенец, недавно вылупившийся. Вот когда я сказал об этом Дроздову, он загорелся туда полететь. Так как вся компания прилетела на вертолёт, то это было сделать не сложно. Но я боялся, что с высоты, с необычного ракурса, я не найду это гнездо. Но другого выхода не было. Я примерно знал ориентир: упавшая геофизическая вышка. Я попросил командира вертолёта сделать круг в районе этой вышки, и очень удачно заметил нужный нам овраг. Мы приземлились примерно в 200 метрах от оврага и пошли втроем к гнезду: я, Н.Н. Дроздов и кинооператор.

До этого особого разговора с Николаем Николаевичем у меня не было. И поговорить удалось как раз в этот момент, пока шли от вертолёта до гнезда. У гнезда филина мы провели 15-20 минут. Поговорили и на обратной дороге. Всего беседовали примерно полчаса.

Пока мы шли, Дроздов спрашивал у меня про редких птиц Капланкырского заповедника. Спрашивал как профессионал (он же тоже был орнитологом) и с большим интересом. Мне было интересно ему отвечать, а он активно и позитивно участвовал в разговоре, задавал постоянно какие-нибудь наводящие вопросы. В частности разговор шёл о редких птицах, занесённых в Красную Книгу.

Балобан, слётток, 1987 год. Бурчибурун

В районе стационара Бурчибурун у нас их было несколько, которые гнездились. Это Беркут, крупный орёл, и сокол Балобан. Оба эти вида – очень редкие, были тогда внесены в Красную Книгу СССР. И сейчас внесены во все Красные Книги бывшесоюзных государств. Николай Николаевич спрашивал, сколько я нашёл гнёзд, сколько гнездовых участков. И эти вопросы были мне очень интересны. Потому что я уже несколько лет активно занимался этими видами птиц, нашёл множество гнёзд и более 60 гнездовых участков Беркута и несколько десятков гнездовых участков Балобана. Это было необычайно много для всего Советского Союза. И они в заповеднике и охранялись. Вот как раз тот разговор был о том, где я собираюсь опубликовать эту информацию. Я сказал, что собираюсь написать серию статей на тему редких хищных птиц Капланкырского заповедника, но у меня есть некоторые сомнения. Особенно по поводу карт. Обычно принято рисовать карты мест обитания и гнездовых участков. И я как раз задал вопрос Николаю Николаевичу: "Как мне опубликовать эту интересную и важную информацию, но в то же время не навести на гнёзда этих редких птиц браконьеров?" А браконьеров очень много, ведь беркут и балобан являются ловчими птицами. Дельцы охотятся за птенцами и следят за научными публикациями. И наши беркуты могут оказаться под ударом. Мы обдумывали это, и Дроздов сказал, что конечно лучше опубликовать без карт. И ещё мы пришли к выводу, что нужно создавать всесоюзную базу совершенно секретных материалов о редких видах птиц, где можно хранить данные по гнёздам, карты местообитаний и гнездовых участков. Но чтобы доступ к этой базе имели только профессиональные орнитологи, которые занимаются охраной этих видов.

Потом мы подошли к гнезду, которое располагалось в глубокой нише. Там сидел уже довольно крупный птенец и щёлкал клювом. Николай Николаевич по-простому забрался в эту нишу (она была большая и гнездо занимало всего десятую часть пространства) и всё интервью брал у меня стоя там на четвереньках. Хотя и поза была неудобная, но это был деловой момент, и это нисколько не мешало общаться.

Птенец филина, готов к кольцеванию

Моё фото с экрана нашего телевизора передачи "В мире животных". 1986 год

Ну вот собственно и всё. Потом мы пошли к вертолёту, и по дороге я говорил о других редких птицах. На Сарыкамыше гнездились и пеликаны, встречали мы там и ибисов караваек. Но это уже была вотчина Володи Чернова. Их стационар как раз находился на берегу озера, и я рекомендовал слетать к нему тоже.

Потом мы сели в вертолёт, где шум винтов совершенно не давал разговаривать. Николаю Николаевичу было тогда примерно 45, он был старше меня лет на 15. Но разговор происходил у нас на равных, если учесть все регалии этого учёного. Это очень заинтересованный человек, когда он задаёт вопрос, на него хочется ответить очень подробно. Дроздова все знают. И в жизни он оказался такой же, как и на экране в передаче "В мире животных".

После того как вышла передача о нашем заповеднике с моим интервью в гнезде филина (где Дроздов пристроился на четвереньках), я стал известен. Друзья и знакомые сообщали, что видели меня в телевизоре. А как же: передача "В мире животных" была очень популярна в 80-е годы, да и выбора каналов тогда не было. Даже мой отец рассказывал, что на металлургическом заводе в Нижнем Тагиле, его спросили, не его ли сын был с Дроздовым?"

Это воспоминания моего мужа. Но Николай Николаевич пообщался и с другими научными сотрудниками заповедника. И надеюсь, что им тоже есть что вспомнить.

Приколы нашего городка: наш быт

Жили мы в Туркмении в городе областного значения Ташауз. Потом он много раз сменил своё название с 1992 года. Но сути это не меняет: "каменный город" в переводе на русский. И это верно: расположен не в песках, а среди глинистых равнин и высоких каменных останцов.

А вспомнить хочу некоторые моменты, которые удивляли и даже поражали нас, а потом наших гостей, приезжавших с Урала.

С водой в Ташаузе было плохо: не только мало, но ещё она была солёная. А в те годы никаких пластиковых бутылок с питьевой водой и в помине не было. Поэтому приходилось привыкать к такому химическому составу, какой был. У меня желудок адаптировался примерно неделю. И это было каждый раз, когда я уезжала, а потом приезжала. В наши командировки и отпуска мы промывали свои почки. Мочекаменная болезнь была в Ташаузе почти у всех пожилых людей. А вот в области было полегче. Там водопровода и скважин не было. Там собирали дождевую воду с глинистых такыров в весенний период и во время сильных дождей в сардобы (закрытые водохранилища) или каки (открытые водохранилища). Вода была мутная, как какао. Но после кипячения становилась прозрачной и вкусной. И то, что мы пили такую воду во время выездов в пустыню (а это в общей сложности около 4-6 месяцев в году), видимо и спасло нас от камней в почках.

Стирать водой из городского водопровода можно было только стиральным порошком. Мыло сразу же превращалось в хлопья. Да и стирку устраивать приходилось в такие часы, когда вода доходила на наши четвертые этажи. Обычно днём, когда основная часть хозяек были на работе. А в частном доме на наши постирушки в тазике вообще смотрели косо: экономия воды была страшная.

В первый год мы жили в частном доме. Не знаю, как мылись наши арендодатели, но мы ходили в баню. Благо, городская баня была рядом с первой конторой нашего заповедника и конторой лесхоза на улице Ильязинской. Что такое баня, я представляла, так как до 3 класса наша семья жила в коммуналке без ванной комнаты и центрального отопления. Но в Ташаузской бане я узнала некоторые интересные моменты местной жизни. В моечное помещение для женщин ходили только молодые девушки. Для семейных пар в бане были отдельные номера: рубль за час. А молодухи приносили с собой в баню зубные пасту и щётки и бутылки с кислым молоком. Всё это шло в дело. Кислым молоком мыли волосы, что мне было весьма странно.

Спустя пару лет, когда ко мне приезжала подруга в гости и очень активно изучала город, она спрашивала: а почему так противно пахнет в общественном транспорте? Кислое молоко в качестве моющего средства тоже повергло её в шок.

Происхождение молока меня тоже удивляло. Я не могла понять, как худые и лохматые коровушки вообще могли доиться. У них и вымени-то не было видно. Питались они свежей травой только весной. В остальное время их кормили хлопковым жмыхом. Поэтому молоко от частников было раза в два дороже магазинного.

Но и за магазинным была всегда очередь. Его привозили в наш микрорайон в тридцатилитровых флягах, по 2-3 штуки, и разливали литровым длинным ковшиком. За молоком очередь выстраивалась в основном из славян. А местные ребятишки прибегали к раздаче молока с эмалированными чайниками. Мне было это странно: неужели в чайнике кипятят молоко? А оказалось, что в чайнике на всю семью варили кара-чай. Кроме зелёного чая, который пили повсеместно в Ташаузе, иногда делали и черный. Но очень своеобразно. В большом чайнике кипятили молоко, воду и листья черного чая. На вид это было похоже на кофе с молоком.

Пока дети наши были маленькими, молочная тема имела место. Порой молока в очереди не доставалось. Но зато в Ташаузе, в отличие от Свердловска в те голодные годы, всегда было сухое молоко и детские молочные смеси: не только отечественная "Малютка", но очень при-

личные финские смеси. У местных жителей эта продукция не пользовалась спросом. Импортное сухое молоко растворялось без комков и осадка, и мы его очень уважали. В поле всегда брали десятки пачек. Из него даже можно было сделать приличный кефир. Потому что местный кефир был настолько кислый, что дети его не пили. Им можно было только заправлять салат из свежих огурцов.

Как продукты первой необходимости хлеб и молоко стоили дешево. А вот свежее мясо можно было купить только на рынке. И русских всегда норовили обмишурить. У меня не было знакомых мясников, поэтому половину дорогого мяса приходилось отдавать местным собакам, потому что это был жир и жилы. Продавали говядину, один килограмм стоил 5 рублей. Не уступала по дороговизне и картошка. Если на Урале её цена была 5-10 копеек за кг, то в Ташаузе за килограмм надо было отдать один рубль. Мои мама и папа высылали нам картошку посылками. Они её вообще сами выращивали в своем огороде.

Но зато другие овощи и фрукты с мая по ноябрь были супер дешевые. Однажды к нам приехали Вовин брат с женой. Алёна, очень эмоциональный человек, увидев томаты в местном ларьке по 15 копеек, аж закричала на всю ивановскую, извещая мужа о таких ценах. А были томаты и по три копейки. Уже помятые, но не испорченные. Их хозяйки разбирали мигом и варили томатную пасту. В Ташаузе в те времена работал консервный завод. Там перерабатывали помидоры, тыкву, яблоки, абрикосы, выращенные в области. И консервы эти были вкусные и дешевые.

Письмо от 6 мая 1983 г.

Это письмо – последнее из пустыни – 1983. Примерно через месяц мы с мужем уехали в город на моём сроке в 5 месяцев. А пока вот такое послание из майской пустыни.

"Здравствуй, моя разлюбезная Вакуоля! В очередной раз получила от тебя вагон писем и маленькую тележку конфет. Зубы уже летят. Но думаю, до дому не все вылетят. Но что делать, если это единственное здесь едейное развлечение.

Спасибо тебе, дружок, за стихи! Получила огромное удовольствие, особенно от "застольного", вернее заздравного. Что-то мне напомнило Пушкина. Я тут почитываю в редкие часы передышек "Лирику" (из КС).

Хорошо, что ты не вешаешь носа. Молодец! ... У меня же всё в порядке. Живу ожиданиями. Хотя время летит. Летит быстро. Особенно за работой. Работы – куча!

А сегодня заявила делегация. Директор привёз профессора из Москвы с группой студентов. Значит, придут теперь снова в начале июня, а может, в конце мая. Зарплату-то надо выдавать...

Девочки благополучно вышли из больницы. Хотя относительно благополучно. Лена Чернова – с ангиной, а Таня – с желанием уехать отсюда. Кстати, Чернов тоже пожелтел, жена его сама лечит, медик никак. И вот седьмого мая они снова собираются в поле. В Ташаузе сейчас мерзко. Воды нет, всё дорого, духота. Как я там буду?... А ехать надо. На самолёт надежды мало. В машине же потряхивает изрядно. Так что пора убираться. А дел ещё по горло.

У нас тут уже +35. Жарко. Трава засыхает. Но я на это уже не ропщу. В этом году у меня около 40 новых видов, что весьма неплохо. Тихо радуюсь, что биомассы будет меньше. Временами развлекаюсь поисками гнёзд. Мне на них везёт. В этот год я нашла гнездо саксаульной сойки. То-то радости было!

Жорка, птенцы и руки мужа. Фото автора

У вагона поселился хохлатый жаворонок. Какой-то ненормальный. Нас не боится совсем. Вова как этолог проделывает над ним эксперименты. В гнезде у Жорки (так я его обозвала) было 5 (!небывалый случай) яиц. Это они раздобрили на наших харчах. Думали, один болтун, но вылупились все пять птенцов. Вова решил сделать сенсационный кадр: кормить Жорку у гнезда, чтобы он в свою очередь кормил детей. Удивительно, но особых усилий не понадобилось. Всё вышло без подготовки с первого раза. Даже когда Вова взял птенцов в ладошку, Жорка и там их кормил. Я истратила на это уйму плёнки. Надо бы обо всём этом написать в н/п журнал (например, "Юный натуралист").

Жёлтый суслик около вагончика

Ещё у вагона живёт сусличиха. Толстая, как купчиха. Скоро у неё будут дети. Недавно Вова прочитал в определителе, что у жёлтого суслика ценный мех. Стали присматриваться. Ничего: красивый...

В этом году два раза видела щитомордника. Даже сфотографировала. Сейчас у нас уже цветут каперсы. Никак, лето. Считаю дни до "дембеля". Работать интересно, но и домой к нормальной пище тоже интересно. В кино охота! Особенно на "Вокзал для двоих" (спасибо за культпросвет работу!). Друзья на Сарыкамыше замылили все реф.журналы. Так что сидим без пищи для мозгов. А охота почитать что-то умное. Я тут уже прочла и законспектировала 2 сборника статей по пустыням.

Спасибо за вырезки из "Н и Ж". Прочла их, валяясь больной в сырую и ветреную погоду. Было у нас дней 5 сырых и облачных, как осенью.

*Ну вот и всё пока, дружок. Не осуждай, коли чего. За сим остаюсь, твой Пух.
6 мая, 83"*

Приколы нашего городка: наземный транспорт

Первый год мы узнавали Туркмению и город Ташауз всесторонне. Ведь нам тут предстояло работать, как долго, никто не гадал. Кто ж знал тогда, в октябре 1981-го, что пустыня, Каракумы и Южный Устюрт, привяжут нас к себе своей неповторимостью и постоянными открытиями. И придется её покинуть лишь по политическим причинам...

Передвигаться по городу как-то надо было. И он не был настолько маленьким, что его можно было легко пересечь пешком даже в нашем молодом возрасте. Общественный транспорт имелся: автобус. Это были старые машины, не помню марку, в которых между двумя рядами сидений продвинуться можно было только боком. А для высоких людей нужно было наклонять голову. График движения так и остался мне непонятен. На остановке можно было простоять очень долго, так и не дождавшись. Поэтому поездка на автобусе была всегда удачей. Увидели автобус – сели и поехали. Но если этого автобуса не было около часа, то можно было и не поместиться в нём. Потому что в первую очередь заходили старые люди, потом ребяташки, а потом уж мы, молодёжь. Исправно ходили только два маршрута, один из них помню: номер 2. Он подвозил нас почти до конторы на Ильяхинской улице.

Я уже писала, что в местных автобусах стоял своеобразный запах. Особенно он ощущался в жаркую погоду, когда к запаху немытого тела примешивался "аромат" кислого молока от недавно помытых волос. В первый год мы ездили на автобусе, но потом контору перенесли за город и выделили нам, городским, служебный автобус.

Грузовое такси в Ташаузе представляло из себя ослика, запряженного в арбу: ишак-арба. И животное тянуло на себе мебель, бытовую технику и даже транспортные средства. В первую осень я с изумлением смотрела, как осёл перевозит новый мотоцикл в деревянной обрешётке. Видно в село, чабанам...

Ишак-арба

Такси в Ташаузе имелось. Старые "Волги" с шашечками были доступны. Проезд по городу – 1 рубль. За город – 3 рубля. В начале нашей трудовой деятельности экономия была строжайшая, поэтому такси было не для нас. Чаще проблему передвижения решали ногами. Но когда появились детки и надо было в жару куда-то съездить: поликлиника, рынок чаще всего, то на обратном пути садились на такси. Потому что в нашем микрорайоне поймать машину на дороге было практически невозможно. Поэтому в одну сторону чаще была пешая прогулка по утренней прохладе. Автопарк был так себе и автомобили всегда нуждались в ремонте. Однажды мы с сыном возвращались домой и на крутом повороте он чуть не выпал у меня из машины. Просто на скорости под уклоном открылась дверь, еле успела его удержать. Про ремни безопасности и детские кресла естественно в те годы никто не слыхивал.

Когда муж уволился из заповедника и стал работать в частной структуре, у нас появилась возможность купить автомобиль. И это был Запорожец. Детям было уже по 9 и 10 лет, и мы часто выезжали с ними за город: на канал, на крепости, да и просто в окрестные пески.

Если кто помнит, была такая машинка ЛуАЗ. С крейсерской скоростью 80 км/час, но с двумя приводами. Муж тоже её приобрёл по бартеру и несколько раз мы успели прокатиться на ней в пустыню. Заповедник в начале девяностых испытывал трудности с финансированием. Работы на стационарах приходилось сокращать, а то и вовсе отменять. В это время у нас уволились многие сотрудники. Так что выезжали мы в пустыню индивидуально. И это были самые запоминающиеся поездки, потому что при свободе передвижения мы увидели много. И даже архаров весной с приплодом.

На втором плане ЛуАЗ

А заповедник до экономического кризиса предоставлял нам исправно ГАЗ-66. Машины ремонтировались и всегда были на ходу.

Грузимся на ГАЗ-66

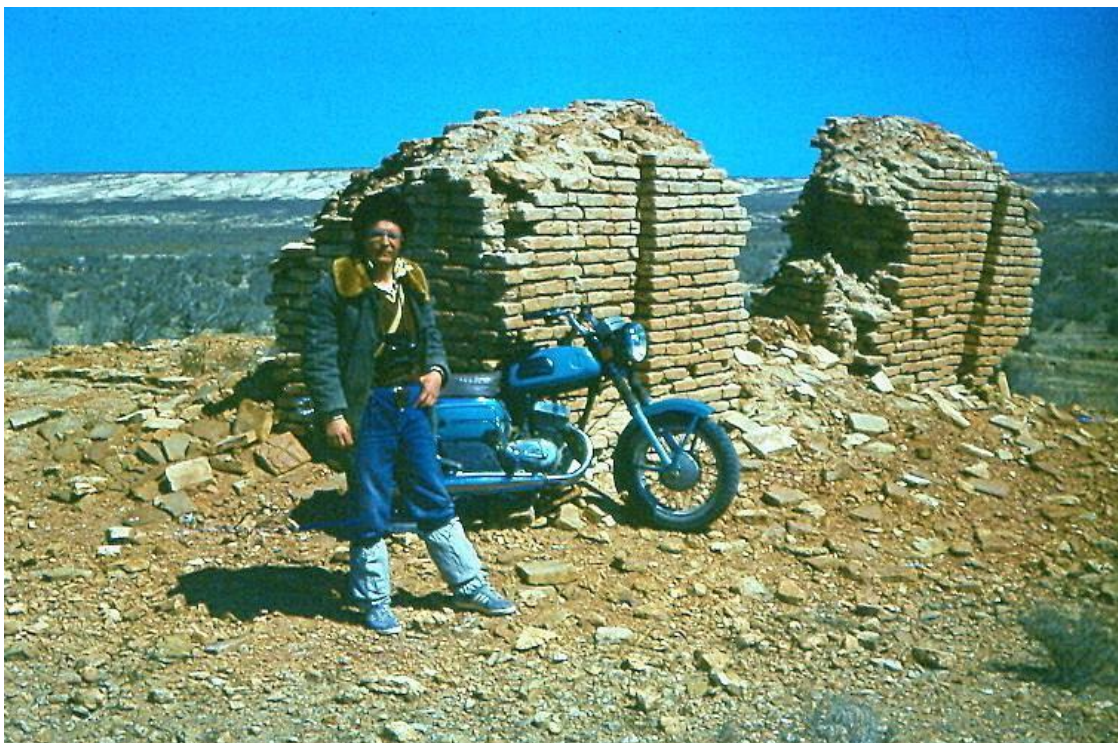
Наш зам.директора по науке раз в сезон навещал нас на своём личном (но конечно-же в собственности заповедника) грузовом УАЗике с кузовком. В селе, где он жил, эта машина всегда была при деле.

УАЗик с кузовком

Но самыми первыми передвижными средствами были в нашем научном отделе мопед "Верховина" и мотоциклы "Восход М". Мопедов заповедник купил ребятам два, но один сразу же ушёл на запчасти для другого, постоянно ломающегося.

Поэтому на следующий год на скопленные средства Сергей и Володя купили по мотоциклу. И этот "Восход М" прослужил нам почти десять лет. И в исправном состоянии был подарен леснику, хорошему человеку, когда мы уезжали на Урал. С мотоциклом наши наблюдения в заповеднике стали интереснее. Мы теперь не сидели на месте, а могли обследовать территорию более обширную. И это открывало горизонты для новых стационарных точек.

На мотоцикле можно было уехать далеко на Устюрт

Но случился 1992 год, – все работы пришлось сворачивать.

Письмо от 18 июня 1983 г.

Из пустыни мы уже уехали в жаркий Ташауз. И ждали начала отпуска, чтобы улететь на Урал. У Володи он был очередной, а у меня уже декретный.

"Здравствуй, моя драгоценная Вакуоля! На это письмо можешь отвечать в Свердловск. 28-го улетаем. Ты знаешь, предотъездное состояние таково, что уже наострился всех увидеть, и обо всём уже поговорить. Поэтому письма не пишутся. Ну никак! А с тобой-то мы не увидимся... Не верится, что тебя там нет.

Ну ладно, после вступления опишу тебе новости... Работа наша в пустыне благополучно завершилась. Сделано в этом году значительно больше, чем в прошлом. Вот сейчас уже, в Ташаузе, только что кончила взвешивать биомассу на прирост: эта работа по годичной динамике основных фитоценозов. До родов надо бы всё сделать, а не то потом будет не до научной работы. А времени совсем мало, недели три. Сейчас вот неделька до отъезда, и потом ещё 2-3 недели после Вовино отъезда. А во время отпуска заниматься делами не хочется. Поросянок мой явится на свет где-то в конце августа (но это по заявлениям местных эскулапов). А вообще – неизвестно, остаётся только ждать.

Куковать в городе одной мне не пришлось. Да это и к лучшему, так как вода до нашего 4-го этажа не доходит хронически. Приехали вместе с Вовой. На водовозке. Нам вообще-то повезло. Шофёр только что переболел желтухой, так что ехал медленно и осторожно. Хотя мы добирались почти сутки, но всё обошлось...

Сегодня прослушала твоё звуковое послание. Спасибо тебе огромное! Обещаю записать тебе свой гнусавый голос тоже, слушай, если не надоест. А то, что он гнусавый, это я убедилась, прослушав радиопередачу "О Капланкырском заповеднике". До поля нас тут всё терзала одна дама с местного радио. Приходила в гости аж три раза. Ну, короче, вымучила часовую передачу. Её транслировали по ашхабадскому радио 2 июня. В преддверии дня защиты окружающей среды. Передача забавная, там есть и "суровые законы растительного мира",

и "производство мясных джеков", и масса других биологических плюшек. Сразу скажу, не с нашей стороны, а с голоса ведущего. Передачу записал на магнитофон (на свой) Затока, он в этот день был в городе. Тщетно пытался улететь в Свердловск. У него умер отец. Но он так и не улетел...

Милая Вакуоля, ты видимо ждёшь ещё моих отзывов и размышлений о книгах, фильмах, спектаклях. Ну не могу я сейчас со вкусом, с искренним желанием рассуждать на эти темы... На всё это надо настроиться. А у меня сейчас аврал. Помнишь, в провожальном стихе: "работа скоро засосёт"? Так вот, – засосала. Никогда нельзя сказать: ну всё, теперь-то всё сделано. Вечно выплывают новые и новые мелочи, порой важные, и даже очень.

Ну ладно дружок, закругляюсь. Под завязку хочу тебе написать песню. Нет, не свою. Это мы переделали. В пустыне слушали Визбора. Помнишь, про Виталий Палыча?

***

Вагончик наш -последняя квартира,
Другой не будет видно нам дано.
И синие проклятые мундиры
Не едут к нам уже давным-давно.
А солнце жарит, чтоб оно пропало,
И нет уже судьбы у нас другой.
И я шепчу: давай, Владимир Палыч,
Давай по кружке чая, дорогой!

***

Мои года как поезда проходят,
Но прибываю тут хоть раз в году.
Где сильные машины-скотовозы
Объедут известковую плиту.
И солнце жарит, чтоб оно пропало,
И нет его уже с тобой и мной.
И шепчем мы, прости, Сергей Михалыч,
Прости, но что же делать, дорогой.

***

Степная Агама вышла нас проводить

Вот этот опус. Да, синие мундиры – это лесники, у них униформа синего цвета. Ну всё, а сейчас мы пойдём в кино. У нас тут показывают серию "Брак и любовь". Сначала мы смотрели "Берегите мужчин", потом "Женатый холостяк", потом "Давай поженимся". А сегодня на экране "Последняя свадьба. Ну что ж, остаётся ждать "Последнего поцелуя".

Такова тут "культурная программа". Завтра поутру идём в библиотеку.

Жарко тебя целую! Твой Пух!

18 июня, 83"

Новая жизнь

Нет, мы не переехали на Урал. Но после полевых выяснилось, что в двух семьях нашего научного отдела появится потомство. Мы с Володей ждали нашего первенца в сентябре, а Черновы к Новому году. Где рожать, вопросов не стояло. Только на Урале. Смертность у новорождённых в Туркмении тогда была одной из самых высоких в СССР. Да и женские доктора были так себе. Мне они ошиблись в сроке аж на полтора месяца. Но благодаря этому я получила очень длинный больничный и жила у родителей почти полгода. Так как после рождения дочери не рискнула сразу же уезжать в Туркмению. Муж приехал нас забирать в начале декабря, когда нашей Ане исполнилось два месяца.

К тому времени я уже как-то была подкована в плане ухода за ребёнком и борьбы с болезнями малышей. Ничего хорошего от местных педиатров я не ждала. Но случилось чудо. На нашем участке приехала работать Зоя Матьякубова, выпускница Ленинградского медицинского института и соответствующей ординатуры. Три месяца, пока мы жили в первой нашей общаге (четырёхкомнатная квартира) она навещала нас часто и очень помогла в организации искусственного вскармливания. Да и мы были неординарными пациентами у неё. Мы ещё в Свердловске начали учить дочку плаванию. Были тогда популярными книжки семьи Никитиных и одна (другого автора) с таким названием: "Плавать раньше, чем ходить". Так вот Зоя даже как-то попросилась, чтобы мы пустили её посмотреть на очередной урок плавания. Потом она стала заведующей детской поликлиникой, но мы всегда ходили на приём к ней, независимо от принадлежности к участку.

В Свердловске с водой проблем не было. И когда мы приехали в Ташауз, в декабре, вода тоже шла постоянно. Каждый день, когда в доме народу становилось поменьше, мы драили нашу ванную, набирали воды и учили Аню плавать. К пяти месяцам она уже самостоятельно держалась на воде и ей это доставляло удовольствие.

Наше первое семейное официальное фото для родни из ташаузского фотоателье. И конечно покаляканное дочерью

И вот тут нам как раз выпала удача. Хотя конечно не всё с неба упало. Володя в очередной раз (спустя чуть больше года) пошёл к нашему доброму гению, руководителю Облисполкома с хорошей фамилией Папин. И Папин по-отечески выдал нам ордер на трёхкомнатную квартиру в новом микрорайоне. Стройки тогда в Ташаузе шли одна за другой. Мы конечно не претендовали на такую площадь, но других свободных квартир не было. Их просто не строили. В нашем доме, как выяснилось позже были ещё только четырёхкомнатные. И всё.

Так что в феврале мы стали жить отдельно и постепенно обустраивать свой дом. В первые полгода одна комната у нас просто пустовала за закрытой дверью. Потому что с мебелью пришлось обождать. Мы решили, что к новым полевым лучше купить мотоцикл Володе. Эта необходимость назревала уже два года. Вот они с Сергеем Антиповым на скопленные пустынные командировочные и обзавелись мотоциклами "Восход М". И по вечерам, после возвращения из конторы мужа частенько не было дома: обкатывалась техника. На права тогда и не было мысли сдавать. Ведь пользоваться мотоциклами предполагалось только в пустыне.

После полевых потом двухколёсная машина стояла у нас в подвале. Вместе с коляской. А коляску мы сразу определили в подвал под первым лестничным пролётом. Потому что жили на четвёртом этаже без лифта. Накрывали покрывалом от пыли и всё было в порядке. Сейчас вспоминаю, что проблем с котами подвальными не было. Коты просто отсутствовали в доме. Домашних питомцев местные не держали.

Письмо от 9 января 1984 г.

Мы уже вернулись в Ташауз с новорождённой дочерью в наше перенаселённое общежитие., где тараканы поедали драгоценные книги. Тогда в стране Рождество не отмечали официально, не было длинных новогодних каникул, работать начинали сразу после 1 января. Подруга моя сменила место жительства и работы.

"Здравствуй, наша Вакуоля! Ну вот, наконец-то выяснилось, отчего подарочек пришёл из Дивногорска. А мы-то уже думали, что ты укатила в заповедник "Столбы". А потом получили предновогодние и новогодние послания. Спасибо, друг!!!

Я только редко теперь могу сесть за письмо. И только вечером, когда вымотаюсь, как собачка. Анка спит сейчас, сопит себе в две дырочки. Она подросла. Последние её параметры: 5,5 кг и 57 см росту. Благополучно привились и теперь продолжаем плавать. Осваиваем водную стихию с азартом. Только плеск и визг стоит, когда Анку опустят в ванну. Сегодня она пробыла в воде 24 минуты. Сама пока не плавает, не держится. Мне приходится поддерживать её за кумпол, а руками и ногами она барахтает сама, и с превеликим удовольствием.

Вообще, растём здоровыми (тьфу три раза). Пытаемся уже ползти, лёжа на брюхе, и разговариваем с мамой и папой, да и с другими, кому не лень сказать "агу" и улыбнуться.

Фото, сделанное на "Зенит-Е"

На фото Анне 2 месяца. Сейчас она стала другой, повзрослела: отрастила щёки и приобрела несколько дурных привычек, как-то: какать без предупреждения, выплёвывать пустышку и клянить, чтобы покачали. Мы напечатали немного (за неимением времени и бумаги). Поэтому высылаю тебе только одну фотомордочку.

Сегодня Вова получил ордер на 3-х комнатную квартиру. Там написано: общежитие. Правда мы туда заезжаем пока одни. Но нервотрёпки это стоило. Сперва в горисполкоме. Потом на работе, где долго пришлось разъяснять разъярённым претендентам сложившуюся ситуацию. Ну вот, это главная новость последних дней.

Ещё у нас продают японские магнитофонные кассеты по 8 и 9 рублей. А ORWO – только в Аишабаде. Вова собирается туда съездить в феврале в командировку.

Работа моя благополучно стоит на месте (и скоро совсем прирастёт к нему...) Первый порыв оформления гербария прошёл. Когда зародится второй, неизвестно. Ведь квартиру ещё долго доводить до ума, прежде чем туда переселяться. А желание уехать отсюда, из этой обители, – огромное: тараканы кишат.

Чтобы не свихнуться от конвейера повседневности читаю по 2-3 рассказа О, Генри в день. (Вова недавно купил, завоз в книжном был недавно). Ещё под новый год я выиграла подписку на Лермонтова в 4 томах. У нас тут в книжном время от времени устраивают. Вообще-то я пошла туда за Чеховым... НО самый шарм: свободная (!!!) подписка на "Жизнь животных" в 7 томах. Мы подписались.

Ну вот и всё пока. Не обижайся, что мало. Жду от тебя писем с нетерпением. Крепко тебя лобызаю, твой всегда, Пух! 09.01.84"

Водные проблемы Средней Азии и наша жизнь

Вода – это жизнь. И на севере Туркмении в течение 14 лет мы очень хорошо это усвоили. Жили мы в областном центре, городе Ташаузе. И вода там была дефицитом. В наши квартиры её подавали по часам. По 1-2 часа три раза в день. С середины сентября примерно и по март мы справлялись и привыкали к такому распорядку. Даже дочку и сына учили плавать в ванной.

Однако летом на наш четвёртый этаж вода просто не доходила по утрам и вечерам. Поэтому стирка и мойка у меня перекладывались на обеденное время. И счастье было, если я успевала постирать бельё и помыть посуду под краном, и ещё набрать полную ванну воды на вечер и на следующее утро. Над нашим умывальником висел на стенке обычный железный рукомойник с носиком, а рядом на ванной лежал ковшик. Мылись из таза, специально купила большой. Сначала дети там помещались, а потом уж как и мы, из таза поливались.

Поэтому летом мы не задерживались в Ташаузе. Либо были в пустыне до середины июня, либо уезжали в отпуск на Урал. И там старались пожить до сентября.

Вода разумеется была солёная из-под крана. А иной и не было. Бутилированной воды в СССР не продавали. Чайник периодически отмывала с кислотой, так как за три дня он уже покрывался толстой коркой извести изнутри. Мало того, что вода была с солями кальция, в ней ещё было много чего, что поступало в водозаборы с хлопковых полей после обработки растений. И дуст в Туркмении использовали не стесняясь. В те времена было можно. Так что народ медленно и верно травился и накапливал камни в почках. И этот диагноз был в Ташаузе очень распространённым у жителей не только преклонного возраста, но и средних лет.

Мы как биологи отлично знали и понимали риски для здоровья. Поэтому для питья старались использовать несколько раз кипячёную воду и замороженный лёд. В морозилке солёная вода не замерзала, её сливали, а лёд растаявший использовали для пищи. Андрей Затока раздобыл где-то самогонный аппарат и выгонял дистиллят. Потом немного разводил его водой из-под крана для получения нормальной солёности.

Но самым щедрым подарком была для всех вода из пустыни. Туркменские чабаны на стоянках отар строили сардобы. Это вырытые в земле и бетонированные водохранилища на такыре, куда стекала по уклону дождевая и талая вода. Ведь зимой в северных Каракумах осадков было немало. Да и такыров, огромных глиняных площадей без растительности, тоже было достаточно. На стоянке овцеводов Едихауз с двумя огромными сардобами лесники нашего заповедника устроили кордон. Очень удобно: не так уж далеко от города, и вода всегда есть, не надо с собой возить. А вода была пресная, хоть и очень мутная, похожая на какао с молоком. Но как мы ей радовались! Прозрачность достигалась отстаиванием и кипячением.

Такыр на Едихаузе. В центре крышка сардобы

В пустыне мы пили только такую воду. И с собой в город забирали несколько тридцатилитровых фляг пресной воды. До отпуска хватало на еду. А в сентябре мы снова старались выехать в пустыню. Конечно по работе на учёты. Но и воды хорошей тоже привозили.

Рассаливали свой организм мы и на Урале. В нашем саду под Екатеринбургом вода была из скважины 90-метров. Так что и родители, и мы не пили хлорированную и ржавую воду из свердловского водопровода.

Вода на наших стационарах в пустыне доставлялась на водовозке, которая имела в автопарке заповедника. В первый год нам троим научным сотрудникам выделили под воду трёхкубовую бочку. По-моему, два раза тогда приезжала водовозка к нам. Воды было мало. Даже собирали дождевую с крыши вагона и на полиэтилен, который расстелили в яме, когда был ливень.

Потом четыре года у нас стоял десяти-кубовый бак. Его регулярно заполняли. Научный отдел уже вырос и имел административный вес, поэтому доставка продуктов, корреспонденции и воды была регулярной. Дефицита в эти годы мы не испытывали.

А когда стационар на Бурчибуруне разросся до трёх бытовок, а научный коллектив до 10 человек, нам построили маленькую сардобу, примерно на 30 кубов. Из этого запаса воды мы должны были ещё и заполнять водопой для архаров. При наличии транспорта. Увы, машину грузовую для нашего стационара так и не выделили. А на мотоцикле много ли увезёшь... Перед началом полевого сезона водовоз сделал несколько рейсов на Едихауз за пресной водой и заполнил наш "водопой" основательно. Это была для нас и техническая вода, и питьевая. А вы стирали бельё в дождевой воде? Мыло не сворачивалось белыми хлопьями, даже стиральный порошок можно было не использовать.

В самую жару мы в теньке устраивали нашим детям даже мини-бассейн в большом железном ящике...

Минибассейн. Наши дети

А где-то на озере Сарыкамыш купались вдоволь ребяташки семьи Черновых. И мы туда тоже в июне заезжали на пару недель. Мужчины-орнитологи делали облёты озера для учётов численности птиц и колоний водных видов. На лодке ездили кольцевать пеликанов.

Кольцевание пеликана на Сарыкамышье

Мы с Леной Черновой исследовали черносаксаульники вблизи воды. Это была совсем другая и особенная растительность, не то что в пустыне. Вода озера создавала условия для образования солидной биомассы и соответственно хорошего корма для копытных, а именно, куланов. Куланы, выпущенные усилиями Капланкырского заповедника хорошо жили и размножались в те годы. Зарубежные экологи говорят, что это теперь единственная сохранившаяся группировка в Туркмении.

А дети конечно же резвились в огромном озере. Плавали, играли, ныряли. Правда после водных процедур приходилось их обливать пресной водой. Ведь вода в озере Сарыкамыш солёная. Были такие моменты, когда на стационаре Сарыкамыш собирались все семейные одновременно. И вот такие фото на память остались.

Все дети научного отдела Капланкырского заповедника в лодке. Приехал рыбак с гостинцами

Ещё одно место с обилием воды стало стационаром заповедника. Это впадина Акча-кая. Там в основном стояли Андрей и Женя Затоки. К ним ежегодно приезжали на практику студенты, которых загружали работой по учёту численности грызунов и рептилий. Мы пару раз тоже приезжали на этот стационар дополнить его описание в ботаническом и орнитологическом плане.

А интересным был фонтан горячей воды, который извергался на дне впадины. Это была скважина, которую в середине прошлого века пробурили геологи. Но заткнуть не могли. Так и изливалась вода с температурой около 40 градусов, заполняя такыры впадины. Во влажное время года, когда добавлялись и атмосферные осадки, на дорогах во впадине на машине можно было основательно застрять, так как всё заболачивалось.

Фонтан во впадине Акча-кая. 1990 г. Видны разливы воды.

В полевой сезон студенты ходили на скважину, как в баню. Но смыть там можно было только жир и пыль. После купания надо было обливаться пресной водой, потому что скважина был солёная.

В Туркмении вода делится на каналы и коллекторы. По каналу течёт вода великой Амударьи. В коллекторы сливается вода с хлопковых и иных полей после орошения и рассаливания. Так что это солёные водотоки. Огромный коллектор Дарьялык впадает в Сарыкамышское озеро. В наше время в Северных Каракумах было ещё два коллекторных озера: Кой-Кырлан и Зенги-Баба. Они располагались около небольших возвышенностей с такими же именами. Сейчас ситуация с водными стоками поменялась и точно описать я её не могу. Знаю только, что воды в пустыне стало больше. Но это скорей плохо, чем хорошо. Природные комплексы нарушились.

А по городу Ташауз протекал канал с названием Шават. Мутная такая неширокая речка с обрывистыми берегами. И летом там то и дело можно было заметить купающихся ребятишек.

Письмо от 17 февраля 1984 г.

"Здравствуй, моя милая Вакуоля! Последние твои послания получила. Всё дошло в полном порядке. Огромное тебе спасибо за подарок. Очень понравился сборник стихов (правда частично, но это – обычное дело). Прочла про Антона Сорокина. Замечательно! Про себя подумала: Вакуоля – потомок Антона Сорокина. Не обижаешься? Ещё вспомнила как ты говорила про нас: несколько маленьких букашечек катят перед собой огромный щит, который их прикрывает, а на щите написано большими буквами "РЕКЛАМА".

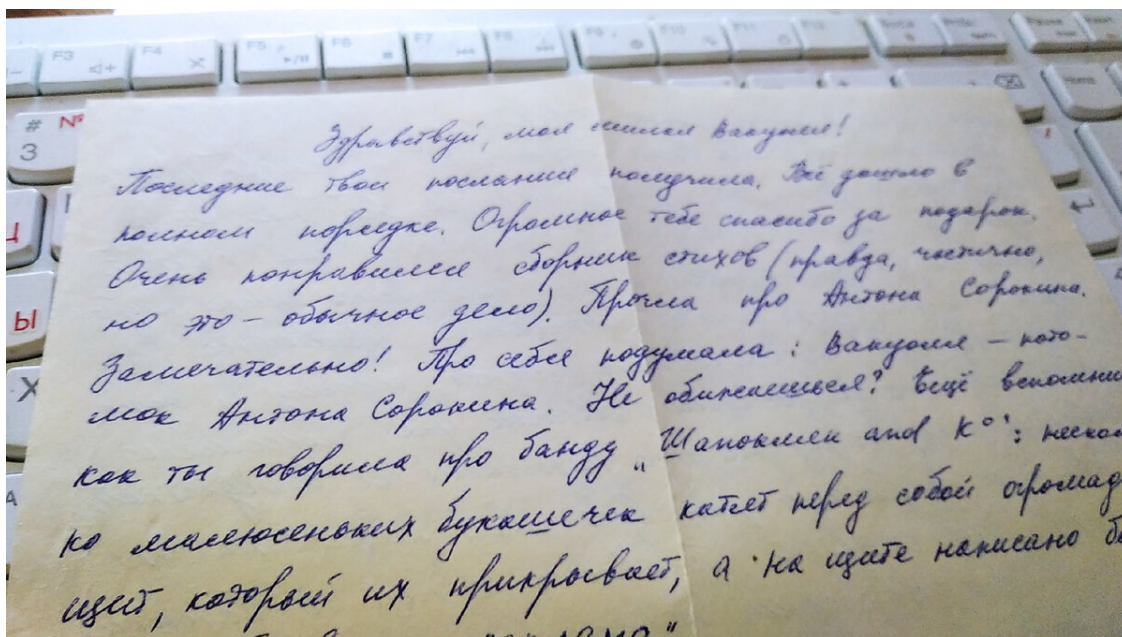

Фото моего письма

Мы переехали на новую квартиру, собственную. И ещё я сменила паспорт. Так что на почте я опять долго объясняла, почему я – не я, и живу не там... Вот, обрати внимание на обратный адрес на конверте. Теперь жду писем по сему адресу. Жду писем...

Переехали мы почти три недели назад. Отпраздновали новоселье. Теперь вкушаем, много чего. В том числе и сюрпризы ташаузских строителей. С потолков потихоньку съезжает побелка, вываливаются рамы из лоджии, в самых неожиданных местах проявляются щели на улицу. У нас сейчас стоят холода, так что щели эти мы обнаружили все. Вообще наша квартира напоминает картинку из журнала "Крокодил", всё сделано криво-косо и тяп-ляп.

Приезжал мой папа (его отпустили на пенсию по инвалидности), ходил, смотрел и долго говорил: "да-а-а...". Взлся было исправлять недоделки, но скоро у него опустились руки (от их обилия). Я же на всё это обращаю мало внимания, так как забот и так хватает. Анна растёт не по дням.. Щёки спустились ниже подбородка и видны из-за спины. Растолстела прилично. Любит общество, но спокойная, может подолгу и одна забавляться с игрушками. Многие уже поломала. Вова, да и я, не раз на дню называем её бандиткой. В хорошем настроении распевает свои "песни" на всю квартиру. Уже смеётся. Плаваем с ней в ванной. На воде всё ещё сама не держится, но очень любит эти занятия. Колотит по воде руками и ногами со страшной силой.

Мы сейчас печатаем Летопись природы. По 2-3 листа в день. Тем паче, что я получаю зарплату. Хоть и бываю на работе раз в неделю. Но совесть моя чиста, материал обработан. Да и напечатаю я его в конце-то концов.

Володя всё ещё не уехал в Ашхабад, болеет. Неизвестно, когда всё уладится. Так что с плёнками пока что глухо. Женька уже уехала в Свердловск. А Чернов приехал один. Галя Антипова собирается в августе переезжать сюда жить. Ну вот, это все новости.

Сегодня укачивала Анку, за окном был яркий лунный свет (дом-то на окраине города!). Знаешь, вспомнила зимнюю Сергу, снег, ночь, звёзды, все наши с тобой вылазки. Соскучилась по лесу, по зимнему. Когда-то теперь?!...

Ну всё. Жду от тебя вестей. Лобызаю нежно, всегда твой ПУХ!

17 февраля, 84"

PS: Про уехавших и приехавших. Все эти перемещения связаны с пополнением семейств. У Черновых в декабре родился первый сын. Но Лена Чернова осталась на Урале. А Женя Затока поехала рожать в Свердловск. В марте у них родилась девочка.

Про землетрясение, которое спасло жизнь мужу

В марте 1984 года наш научный отдел как обычно собирался на полевые в пустыню. Это был уже третий сезон, всё было обыденно, привычно. Разве что я не ехала. Мы решили не брать на полевые пятимесячную дочь, так как надежного транспортного сообщения с городом всё же не было. Мотоцикл был ещё не обкатан, с малой мощностью, и мог проходить только глинистые участки. Пески бы не одолел. Поэтому я оставалась дома с надеждой, что с дочкой недельку посидит мама, когда приедет в мае. В мае я как раз смогу снять самые важные показатели своих объектов наблюдения.

Ташауз, май 1984. На нашем балконе я с дочкой

А вот в марте приехала свекровь. И с внучкой пообщаться, и мне помочь вместо Володи. Выезд был назначен на 21 марта. А в ночь на 20 марта как раз и случилось.

Я проснулась от бряканья стёкол на лоджии. Подумала, что ветер очень сильный и возможно забыли закрыть окно. Рамы-то в на наших лоджиях были деревянные, однослойные, южный вариант. Соскочила и побежала закрывать. Но окна все были закрыты. Удивилась, ещё раз всё проверила. Потом поднялись свекровь с мужем. Они проснулись уже от звяканья посуды. А включив свет мы все обалденно смотрели на раскачивающуюся люстру.

Вова первый понял, что происходит. Выхватил дочь из кровати и встал с ней в проём в коридоре. Я пошла в окно посмотреть, что творится во дворе. Были ещё сумерки, но двор был полон народу. Повыскакивали на улицу большинство. Кто в чём. Но для местных ходить летом в ночнушках у подъезда – обычное дело. Я же категорически отказалась идти на улицу раздетой. Пока собиралась, ревушую дочь одевала, всё поутихло. Так мы из дома и не вышли.

Представьте, каковы были чувства мужа, оставившего своих женщин. Но мы уже знали, что сильные толчки были в Газли, в Узбекистане. Это очень далеко от нас. А Ташауз расположен на древней плите, где землетрясение само по себе не может произойти, это не горы. И до нас могут прийти только отголоски толчков, не сильные. Четыре с небольшим балла, это всё, что возможно. Даже ничего не разбилось.

А потом я всё же посмотрела в литературе (интернета тогда не было и в помине) про землетрясения в Туркмении. И самым опасным районом там называли Ашхабад. Страшные разрушения и жертвы после толчков 1948 года тогда помнили ещё многие жители республики, да и всего СССР.

Уже позже, когда муж ушёл из заповедника работать в облисполком в сельхоз отдел в сектор по экологии, я припомнила всё это. Тогда ему настоятельно предлагали перебраться в Ашхабад в Министерство по охране природы, чтобы возглавить отдел заповедников. Я категорически отказалась ехать в город, который трясёт.

И как правильно мы поступили, оставшись на периферии! Потому что с приходом Ниязова к власти, многих чиновников из столичных министерств не просто уволили, но и посадили по тюрьмам. Были среди них и наши знакомые, которые перебрались в Ашхабад на повышение. Никто не был застрахован... А мы не поехали, потому что я боялась землетрясений.

Письмо от 23 марта 1984 г.

Приветствую тебя, мой драгоценный мюмзик!

И отвечаю залпом (с запалом) на два твоих письма. Спасибо за фото! Я сперва не прочла подпись, подумала: это на Серге. А это оказывается – у тебя! Завидую. А я теперь очень долго ещё не увижу весеннего леса... Право, соседство с такой красотой должно затмить все негативные стороны твоих метаморфоз. Что ещё сказать, это всё естественно, друг. Остановиться в жизни – умереть. Поэтому все мы наверно смутно, подсознательно жаждем перемен, приключений, авантюры и пр.. А везучих людей на свете не так уж и много. Так что всегда что-нибудь да выходит у нас боком. А вообще я рада очень, что с работой у тебя всё окей. И с коллективом (это совсем замечательно!).

Я однако, как выразилась ты, а ещё раньше А.С. Пушкин, снова брюхата. В ноябре свет увидит ещё один наш ребёнок. Авантюристы, что ни говори. Но Вера Петровна, что с противочумки, утверждает, что всё правильно. Для полевиков, говорит, это самый подходящий вариант. Хорошо, что хоть один человек есть, вселяющий веру. Родители же не одобрили, ужаснулись, мол очень трудно. Ну, их понять можно, им жаль своих детей.

20 марта Вова уехал в пустыню. Грустно, печально. Живу теперь с его мамой. По хозяйству конечно же – великая помощь. Дочь растёт, щёки ниже подбородка спускаются. Представляешь себе такого хомяка? Научилась переворачиваться со спины на пузо. И теперь тренируется при любой возможности, даже когда укладываем её спать. Пытается ползать, но ещё не сообразила, как это делать.

Продолжаем плавать. Она хорошо ныряет и плавает на спине по полчаса в чепчике, обшитом по краю пенопластом. Всё моей спине легче... Времени на уход за Анной стало меньше уходить, приоровилась таки. Есть теперь возможность работать: печатаю Летопись.

Автор в 1984 году.

Пришли материалы от Ивановой. И ещё мне оставили все свои недоделки, уехавшие в на полевые и на Урал. Придётся расхлёбывать, хотя кое-чего я и не понимаю (от почерка до смысла). От Женьки вестей нет, по-видимому ещё не родила.

7 апреля приезжают мои родители. Смогу уехать в пустыню на пару дней. Очень жду сего события. Скупаю: и по Вове, и по пустыне. Весна в этом году поздняя, с задержкой на 2-2,5 недели, влажная. Должно быть, интересно будет.

Ночью 20 марта было в Ташаузе землетрясение 5-6 баллов. Звенели стёкла и качало прилично. Это отголоски стихии в Газли (читай газеты). Меня больше всего ошарашил звон стёкол. А качки я не почувствовала сперва, так как бегала и закрывала окна на лоджии на шпингалеты, думая, что это сильный ветер. Вова же сообразил, в чем дело и сразу схватил спящую дочь в охапку. Заставил собираться на улицу. Полдома уже выбежали из квартир. Это в два часа ночи. Но мы подождали и стали спать дальше. Слава аллаху, что в Ташаузе не будет эпицентра трясок. Отголоски – это терпимо, хоть и жутко для новичка.

Что касается культурной жизни, то она у нас, сама понимаешь, – не шибко разнообразна. Книги. И кино по случаю приезда мамы (есть кому посидеть с дитём). Накануне Вовинного отъезда посмотрели два жутких боевика, американский и советский: "Похищение по-американски" и "Пираты XX века"....

Милый мюмзик, не будь в обиде, что кончаю писать. У меня, понимаешь, хронический недосып с отъездом Вовы. Анка ведь просыпается ночью. Сейчас её накормила, лелею надежду поспать хоть пару часов. Сейчас одиннадцать, она дрыхнет, не мешает писать. Но глазоньки слипаются. По сему прощаюсь с тобой до следующего послания. И жду вестей от тебя. Крепись!

Цалую накрепко, твой Пух. Всегда с тобой!

Эх! Хорошо бы увидеться!

23 марта, 84. Ночь..."

Как мы спасались от жары

Обычно жара приходила в Ташауз в середине июня. Город прогревался уже настолько, что и ночи становились жаркими и душными. Любой ветерок был как спасение. Потому что на ветру можно было открыть все окна и остудить квартиру. Остужали простым способом: развешивали мокрые полотенца и простыни по комнатам. А если удавалось устроить стирку (вода была летом периодически), то вообще – красота. Правда бельё высыхало за три часа. И снова надо было смачивать "дежурный" текстиль.

В частном секторе дома были из камня или саманного кирпича с высокими потолками. В таких постройках было прохладней, чем на улице. А чтобы жара не заходила в дом, местные девчонки периодически разбрызгивали ловко воду перед крыльцом жилища. Иногда так усердно, что можно было вляпаться в лужу или грязь проходя мимо.

Мы жили в четырехэтажном панельном доме, стенки тонкие, прогревались быстро. Так что в борьбе с солнцем мы проигрывали. И в конце июня или в начале июля уезжали на Урал в отпуск. Возвращались обычно в конце августа, взяв без содержания ещё 2-3 недели.

Не знаю, как работали бюджетные учреждения Ташауза в эпоху СССР, но всё местное население после двенадцати утра уходило на сиесту. Дворы пустели и заполнялись народом только с заходом солнца. Выгуливание детей длилось допоздна, и в 11 вечера всё ещё раздавался детский гомон за окнами, когда мы пытались своих уложить спать.

У моста через коллектор

Канал Шават летом пользовался популярностью у местной детворы. Где можно было залезть в него, залезали. Да и коллекторы на окраине тоже были местом купания.

Конечно, общественный транспорт работал, магазины не закрывались, работали аптеки и поликлиники, но посетителей почти не было, хотя там имелись кондиционеры. Когда у нас появился собственный автомобиль, то мы пользовались этими часами, чтобы попасть на приём без очереди. В этот же период мы наконец-то купили в квартиру и кондиционер. Жаль, что

радовались мы этому приобретению всего два лета... Потому что пришлось уезжать из независимой страны.

Особенно прижилась сиеста в пустыне, где мы работали на территории заповедника. Уже с конца мая жара не давала трудиться весь световой день. Вставали рано, и в 12 надо было быть в лагере. Потому что перегрев на открытом пространстве после этого момента был обеспечен. Второй выход на учетные маршруты и площадки делали уже вечером перед заходом солнца, в полшестого или в шесть.

Днём в вагончике и около него мы, как и туркмены разбрызгивали воду, и пили горячий зелёный чай. Была даже мысль напялить на себя телогрейку, как делали местные чабаны. Они всё лето ходили в ватных халатах, конечно подлиннее телогреек, и в теплых зимних шапках. Такая амуниция защищала не только от холода, но и от жгучего солнца и горячего ветра.

А горячий чай действительно намного эффективнее утоляет жажду и помогает справиться с перегревом, чем вода со льдом. Этот опыт мы пронесли через года. И здесь в Крыму, летом на Раскаленной Набережной не покупаем напитки из холодильника, а всегда берём в кафе горячий чай, и только зелёный.

Двое в пустыне не считая мотоцикла

Работа научных сотрудников в полевых условиях должна отвечать технике безопасности, как и всякий труд на производстве. Потому что дикая природа она и есть дикая, очень далеко от населенных пунктов и со всеми неожиданностями, от погодных условий до встречи с опасными животными. Конечно, нас должны были обеспечить и рацией, и проходимым транспортом, чтобы в случае беды, мы могли получить первую помощь. Но работали-то мы в беднейшей республике СССР, где бедность тесно переплеталась с феодальными замашками. И если на заповедник выделялась из бюджета какая-то техника, то она перво-наперво оседала в хозяйстве башлыка. А уж что оставалось, или приходило в негодность, доставалось научному отделу. Так и жили.

Надеялись лишь на собственные силы. Ребята, Володя и Сергей, после двух полевых сезонов купили на свои деньги мотоциклы "Восход-3М". И вот весной 1984 года эта техника уехала с ними в пустыню. Брали запас бензина. Но лётчики, которые прилетали на заказных самолётах (на учёты животных), всегда щедро делились топливом из бензобаков своих АН-2.

Муж рядом с мотоциклом. В руках у него лопатка для работы.: в пустыне много птиц с гнездами в норах

Я в этот сезон оставалась в городе с полугодовалой дочкой. И только в апреле, когда приехала моя мама, смогла улететь на несколько дней на стационар на самолёте. А вот обратно по плану самолёт не прибыл. То ли погода (а был дождь) была виновата, то ли безалаберность нашего руководства, которое не проконтролировало отправку самолёта. А ведь он должен был прибыть с почтой, хлебом и со свежими продуктами. В общем, сложилась непредвиденная ситуация. Мне надо быть в городе, потому что у мамы билет на самолёт в Свердловск, а я – в

пустыне. Ничего не оставалось, как ехать через пески на базу к противочумникам. У них-то самолёты курсировали каждый день.

Мы дружили с сотрудниками Ташаузской противочумной станции. Созданная в незапамятные времена, организация эта имела очень хорошую техническую базу и щедро финансировалась из бюджета. Чума не должна была существовать в СССР. И каждый год зоологи с противочумки отлавливали грызунов по всей области в поисках заразы. Ставили прививки чабанам. И даже мы как-то в первый год знакомства сделали себе прививки против чумы. Но тогда прогнозировалась вспышка численности грызунов, и нам просто настоятельно посоветовали.

Письмо от 19 мая 1984 г.

"Здравствуй, моя милая Вакуоля!

Страшно обрадовалась твоему известию погостить у нас. И подумала: вот поговорим! И дала телеграмму, поскольку времени на письмо практически нет. Но за радостным известием пришло ещё одно, весьма печальное, связанное с врачами. От тебя – никаких известий, может случилось что? И упекли тебя... Если эдак, то думаю по возможности ты известишь меня, дабы мне не волноваться за твоё шаткое здоровье. Никак подлечат. (Прости, но мне сейчас вспомнилась "Антилопа Гну" бедного Козлевича, вся её история на протяжении романа. И чего ей не хватало в конце концов – так это лишь подержанного маслопровода...).

А ежели ты на свободе, то непременно ждущу! Я сейчас одна управляюсь с Анкой и квартирой, коя несмотря на все усилия родителей, приложенные за время их отпуска, потихоньку рассыпается. Отклеиваются с жутким треском обои, протекает где-то канализация (слава богу, хоть в ванной!). Пыль из открытых окон оседает во всех трёх комнатах и кухне. А я хожу и мою. Честное слово, как робот.

Анка стала шустрой и вредной. Когда не спит, требует общества и развлечений: как-то потискать, поставить на ножки, походить с ней, поговорить. Ну, это неизбежные дополнения теперь к постирать и накормить. Раньше проще было. Но сейчас – интереснее!

Я потихоньку покрываюсь мхом и превращаюсь в домохозяйку. Мысли хиреют, силы воли никакой, на всё ищу оправдание. Противно. Поездка в пустыню всколыхнула. Но вот закончили с Летописью, навалились хозяйство и дети. А нужно в библиотеку, с МБА связаться. Или в Ашхабад ехать (прожект...)

Ну, ладно об этом. Съездила, вернее, слетала я в пустыню. На целую неделю. Пока мама с папой нянчились с Анкой. Тепла нынче нет. Всё запоздало. Но прибыла я в хорошие сроки. провернула массу работы. А Вова устроил мне ещё несколько обзорных экскурсий на мотоцикле. Так что впечатления от поездки – яркие и полные. Особенно запомнилась дорога до метеостанции Екедже (переводится: Одинокая). Там я должна была сесть на самолет (и села в конце концов).

Наша пустыня весной. Скан со слайда 1983 г.

Погода последние три дня моего пребывания на стационаре была, мягко сказать, нелётная (грубо: мерзкая, дождь, ветер). Самолёт по этой причине видимо у нас не сел. Оставалось одно: двигать до ближайшего аэродрома. Это получилось 150 км. Выехали мы во второй половине дня. Так что ночевали под саксаулом и звёздами. Дороги мы не знали. По этой причине уже в темноте не доехали двух километров до людей (смех!). Но зато мы видели запуск космического корабля. Потрясающе!!! И страшно. Я видела это впервые, долго не могла опомниться.

Сейчас мы коротаем время без мужей с Женькой. Совершаем набег в книжные магазины, поликлинику, горисполком и другие гос. учреждения. Женька таскает с собой дочь для убедительности. Помогает. Мою же дочь поднять уже трудно, она весит около 9 кг. Пока заносу её на 4 этаж, выдыхаюсь. Скорей бы Вова приехал... На следующей неделе должен, обещал. Тогда мы с тобой все магазины облазим. Я ведь давно так не развлекалась. На счёт обуви по моим данным (весьма неполным) сейчас туго. Но при наличии няньки мы сможем съездить на большой базар, куда вывозят товар из районов. Фруктов ещё нету. Холодно. Когда будут, не знаю. Может, в начале июня: алыча, абрикосы, вишня.

Когда ты собираешься в отпуск? Известно точно? Лучше, если свидимся. Ты же в Свердловск приедешь?

Все наши сейчас в поле. И собираются быть там весь июнь, а Чернов – даже июль. Я же в июне уже буду в интересном положении, так что таскать Анку будет тяжело. А то бы Вова и июнь бы пробыл в пустыне. Так как в этом году интересная весна. 1 мая выпал град. Многие птицы лишились гнёзд и начали гнездиться заново. Растения, написал Вова, все разбомбило. Представляешь, градины с фасоль размером.

Несмотря ни на что я продолжаю учить Анку плавать. Не могу лишить человека такой радости. Каждый день мы с ней плескаемся по полчаса. Дольше мои ноги и спина не выдерживают. Хотя стало сейчас легче: она самостоятельно плавает на спине. Но всё время надо смотреть, чтобы не перевернулась. На пузе пока не умеет.

....Оль, ты спрашиваешь что привезти. Если конечно поедешь. И если это тебя не смутит. очень нужна детская прогулочная коляска, которая складывается ВДОЛЬ, как зонтик с ручкой. Если они у вас есть, телеграфируй, вышлю монету.

Ну вот и всё пока. Сумбурно, да? Прости!

Остаюсь всегда твой, крепко лобызаю и тискаю, ПУХ!

19.05.84 Пиши, ладно?"

Коварство пустыни

Научные сотрудники уезжали в пустыню на несколько месяцев в весенний сезон. Но работали на голом энтузиазме без всякой подстраховки и соблюдения техники безопасности. Наверняка она существовала и была прописана в инструкциях Минприроды СССР. Но наш заповедник принадлежал Минприроды Туркмении. С вытекающими из этого обстоятельствами. Руководство заповедника совершенно не понимало, зачем мы едем в пустыню. Ведь зарплату можно получать, находясь на усадьбе в городе. И лесников, которые неделю раз в месяц проводили в пустыне на кордоне, "охраняя" границы заповедника, откровенно считали неудачниками. А те непременно ждали повышения статуса, чтобы прекратить поездки из дома в полевой домик. Хотя условия там были вполне приличные, вода всегда рядом (огромный сардоб Едихауз) и чабаны с мясом.

Черный саксаул на песках в Капланкырском заповеднике

Отсутствие средств связи чуть не вылилось в катастрофу. И случилось это в начале мая 1984 года. На озере Сарыкамыш тогда была организована ещё одна точка. Володя Чернов зани-

мался численностью животных, но в основном водной орнитофауной. А Лена Чернова, как ботаник, занималась фенологией, флористическим составом и продуктивностью растительных сообществ.

На стационаре Бурчлибурун в тот год было трое: Володя, Сергей и Людмила. Два орнитолога и энтомолог. И вот всем составом они поехали к озеру с целью учета воробьиных и хищных птиц и насекомых. Договорились, что к озеру пассажира везёт Володя, а обратно – Сергей. Выехали утром, днём поработали, переночевали у Черновых,. А следующим утром пустились в обратный путь. С этого момента я выложу рассказ от первого лица. Рассказ моего мужа, попавшего в нештучную переделку.

"В ту сторону мы дороги не знали, страховали друг друга, ожидали, проверяли, всё ли в порядке. Но путь прошёл гладко. 110 км пути проехали без приключений, если не считать падений на подъёмах через песчаные гряды. Но я уже знал это, пассажиру приходилось спешиваться и подниматься самому. Но часа через три мы всё же добрались до Черновых.

На следующее утро Серёга жаловался на свою спину. Но всё равно поехал обратно с пассажиром, как и договаривались. Он ехал впереди, я сзади. Но поскольку он посчитал, что дорога уже знакомая, то и не дожидался меня. А примерно в сорока километрах от озера у меня мотоцикл сломался. Я думал, что сейчас быстренько разберусь, отремонтирую и поеду дальше. На дорогу у меня была припасена пол-литровая фляжка воды, а еды не было никакой. Я провозился с мотоциклом до вечера. Было жарко, я пил воду. И когда понял, что с поломкой мне в полевых условиях не справиться, то обнаружил, что во фляжке всего 150-200 мл осталось. Но надо было выбирать. Местность пустынная, ждать проезжих машин бесполезно, надо идти. Я спрятал мотоцикл метрах в ста от дороги, закидал его ветками саксаула, привязал на кусты метки, чтобы потом на машине забрать.

Надо было решать, куда идти. До озера 40 км, до Бурчлибурун и нашего вагончика 70 км. Если Серёга со своей больной спиной поедет меня искать, то лучше пойти ему навстречу. И потом, если я уйду к Черновым, то застряну там недели на две, до приезда машины. Вся моя работа и учёты останутся, а прощ – пропадут. Решил идти на наш стационар. Начал свой путь уже в сумерках. И шёл всю ночь. Сначала светила луна и следы от мотоцикла, который проехал утром, было хорошо видно. Но потом стало темно. Да так, что приходилось подсвечивать дорогу фонариком. Был у меня в рюкзаке динамо-фонарик, чтобы он светил, надо всё время нажимать на металлический рычаг. Свет такой агрегат даёт слабый, поэтому рассмотреть следы можно было только наклонившись над землёй. Часть пути так и пришлось идти. Там, где дорога выходила на равнину и отсутствовали приметные колеи.

Шёл я до десяти утра не останавливаясь, даже не присел, чтобы отдохнуть. Иначе бы уснул. Но идти по пустыне можно было только ночью. Когда солнце поднялось, я нашёл хорошие заросли саксаула, накидал ещё сверху веток, чтобы была какая-то тень. А поскольку воды во фляжке было уже на несколько глотков, стал добывать воду, как читал в умных книжках. На случай дождя в рюкзаке был полиэтилен. Я большим ножом вырыл яму глубиной около 50 см и размерами метр на полтора. После слоя сухого песка внизу после примерно 20 см был влажный слой. Накидал ещё веток саксаула в яму, в центр поставил стаканчик пластиковый (крышку от фляжки), всё закрыл полиэтиленом. Придавил его по краям песком и в центр положил коряжку так, чтобы вода стекала в стакан. Ещё были у меня три полиэтиленовых пакета. Я надел их на густые ветки саксаула, завязал и наклонил так, чтобы вода скапливалась в пакете. После всего этого лёг спать. Примерно в два часа дня я проснулся от невероятной жары и жажды.

В стаканчик с полиэтилена накапало примерно 20 мл, столько же удалось слить с мешочков. Выпил эту воду и стал ждать, когда солнце спустится к горизонту. Около пяти вечера я всё же пошёл дальше. Уже хотелось не только пить, но и есть. По пути я нашёл гнездо саксаульной сойки. Там была свежая кладка. Но я оставил яйца. Не мог разорить гнездо. А потом

ещё раскопал и зарисовал гнездо каменки плясуньи. Хотя конечно силы надо было экономить. Но мозги пока работали, как у орнитолога-профессионала, а не как у зомби.

Может быть надежду в скорое окончание пути давал силуэт останца Бурчлибурун на горизонте. Его я увидел ещё засветло. После него – всего 6 км до вагончика. Но до этого поворота ещё надо добраться. Стемнело быстро, и началась вторая ночь моего пути. Последние километры проходили по глинистой местности, с глубокими колеями. Но я шёл не по ним, а по горбам между ними. Силы уже оставили, кружилась голова. Я думал, что если уж я упаду, то надо упасть сверху, а не в колее, потому что проезжающая машина в колее меня точно не увидит.

Взошла луна, я повернул уже на свой участок, где проводил учеты. Взлетали слева и справа авдотки. В мыслях промелькнуло: надо бы сюда вернуться, надо запомнить место... И тут мне показалось, что слева и справа от меня движутся по две тени. То ли это были отсветы луны, то ли уже галлюцинации. Я не ел уже двое суток. Да можно сказать, что и не пил. Стоит ли считать питьём 550 мл воды за двое суток при почти нулевой влажности. Добрался я до вагончика в два часа ночи. Получается что прошёл 70 км (по карте) за 25 ночных и сумеречных часов.

Потом я восстанавливался три дня. Совсем не было сил работать. "

Володя долго не рассказывал мне подробности этого путешествия. Только наверно спустя полгода, когда вспоминал тех птиц, которых видел по дороге. Но в каких обстоятельствах! До этого в апреле мы благополучно проехали с ним примерно 100 км до ближайшей метеостанции, чтобы посадить меня на самолёт и отправить в город. Но тогда и жары не было особой, и дожди были. А вот май в пустыне уже очень жаркий месяц. Только молодой организм и крепкое здоровье позволили преодолеть мужу дорогу в 70 км в это время.

Сокол балобан, арабские шейхи и мы меж ними

Проблема охраны видов растений и животных, которые традиционно используются в быту коренного населения и стремительно сокращаются в численности, стоит повсюду. В нашей местности таковыми были черный саксаул и хищные птицы.

Сокол балобан издревле был охотничьей птицей в Азии. Кто умел и знал, как использовать его на охоте, с любовью и бережно относились к поголовью балобана в Туркмении. Только соколиная охота в конце прошлого века переросла в престижное и коммерческое занятие. И птиц нещадно эксплуатировали, их требовалось всё больше и больше, чтобы удовлетворить амбиции арабских толстосумов. Дошло до того, что в пустынях Юго-западной и Передней Азии балобан почти исчез.

Балобан, слётки около нашего стационара, май 1987

У нас же в Северной Туркмении (Центральная Азия) балобан ещё гнезился. Так как было достаточно подходящих мест для гнёзд и пищи. А пищей служили чаще желтые суслики и птицы. Мой муж за годы работы (1981-1994) отыскал много гнезд и гнездовых участков

балобана. И это было интересным научным событием. Потому что в России все сокола давно уже были под охраной государства из-за снижения их численности и угрозы исчезновения. Эта ситуация послужила толчком к созданию нескольких питомников соколиных. Питомники должны были поддерживать численность балобана и сокола сапсана в регионах.

Муж держит в руках слётка балобана для кольцевания

Но несмотря на то, что материал по балобану был собран большой и интересный, он до сих пор лежит в архивах. Потому что публикация про находки редкой птицы без подтверждения картографическим материалом не считается научной. Но попробуй опубликовать карты! И в Туркмении, и в соседних республиках быстренько найдутся браконьеры, ловцы соколов. В те годы такой промысел был незаконный, но очень прибыльный. Поэтому муж до сих пор не опубликовал карты гнездовых участков балобана в Северной Туркмении, а статьи о птице писал лишь популярные.

Пока мы работали в заповеднике и выезжали на его территорию, браконьеры не осмеливались производить отлов балобана. Но в 1992 г. Туркменистан стал независимым, и мы были вынуждены покинуть страну в 1994, и тогда начался беспредел. Арабы ещё в восьмидесятые стали навещать соседний Узбекистан. Они там устраивали соколиные охоты на джека (дрофа) и на джейранов, давно уже внесенных в Красные Книги среднеазиатских республик. Всё это было с высокого разрешения руководства республики и Минприроды Узбекистана.

И в октябре 1994 года по приглашению Ниязова, президента Туркменистана, в страну из Эмиратов приехали три группы ловцов балобана. Одна численностью из трёх человек про-

мышляла в Ташаузской области, правда вне границ заповедника. Местные ведь тоже знают, где есть гнёзда хищных птиц. Хищные птицы – большие, их трудно не заметить. А чабаны постоянно наблюдают, что вокруг. А этим арабам ещё и помогал зам. директора нашего Капланкырского заповедника по научной работе Джабы Аразов. Он владел информацией о гнездовых участках, так как Летопись природы хранилась в библиотеке заповедника. А там были все отчеты по численности и распространению птиц.

Характерные места гнездования балобана в Северной Туркмении. Коллаж выполнен автором

В местах гнездования ловцы расставляли сети с приманкой из живых голубей. И сидели в засаде по 10 часов с перерывом на обед. Примерно за месяц были пойманы пять птиц. Одну выпустили как мелкую. Остальные уехали в Эмираты. Джабы заплатили 300 долларов США.

Как непроста была судьба балобанов в Средней Азии, Казахстане и Туве, можно посмотреть по тем подборкам периодической печати, которые муж собирал в девяностые. Речь идёт о десятках соколов. А сколько фактов не выявлено...

Задержаны пьяные соколы. Но не Жириновского

В омском аэропорту милиция задержала группу иностранцев, которые пытались вывезти в Объединенные Арабские Эмираты ящики с упрямыми в них соколами-балабанами.

Задержанные – граждане Сирии, Судана, Марокко. Похоже, это был не первый их визит в Россию за птицами. Соколов они ловили в Хакасии, Туве и продавали в своих жарких странах по 100 – 200 тысяч долларов. На этот раз милиция извлекла из ящика 47 птиц. Их сдали в зоопарк, а против контрабандистов возбудили уголовное дело. Как рассказывают блюстители порядка, в нынешний раз похитители обошлись с соколами еще по-божески. Бывали случаи, когда контрабандисты прятали птиц под одеждой. А чтобы балабаны помалкивали, преступники поили их в стельку.

Так выглядит
трезвый
балабан.

Эвелина АЗАЕВА.

Омск.

Фото газетной вырезки из семейного архива

Фото газетной вырезки из семейного архива

Такова периодика о соколином браконьерстве конца прошлого века.

В 1995 и в 1997 году мы ещё сделали по одному весеннему выезду в Заповедник. Уже в 1995 году балобанов в прежних местах гнездования отмечено не было.

Последний раз муж приезжал в Туркмению в 1998 году. Его не пустили даже на территорию заповедника. Несмотря на то, что вряд ли он мог чему-то навредить, ведь сколько лет был орнитологом заповедника и заместителем по науке. Видно было что скрывать...

Пещеры в пустыне: хранители жизни и истории

Для многих пустыня представляется бескрайним безжизненным пространством, заполненным песком. Но на самом деле пустыни не одинаковы. Их объединяет исключительно малое количество осадков, в результате чего жизнь ограничена и активизируется после сезонных дождей или таяния снега. А почвы – они хоть и бедные, но самые разнообразные.

Мы работали больше в глинистых пустынях Южного Устюрта. И этот район богат карстовыми образованиями. Периодически на Устюрт приезжают спелеологи, но до конца весь его карст до сих пор не изучен.

Карстовый район на Южном Устюрте. В 8 км от нашего лагеря

Для образования карстовых процессов нужны определенные условия. Но на Устюрте их нет. А есть в принципе некарстующиеся мягкие известняки, отсутствие водных потоков и очень сухой климат.

Да, Устюрт на всей его площади – пустыня. И очень сухая пустыня. Но весной и осенью на плато есть несколько часов, когда выпадают обильные грозовые осадки. Да, эта вода практически мгновенно проходит сквозь рыхлые породы неогена, не задерживаясь на поверхности, но плотность ее потока такова, что этих часов хватает, чтобы смыть результаты годовой работы ветровой и химической эрозии в полостях.

Такие выводы сделали спелеологи Казахстана, обследовавших карст на своём Устюрте (2012 г.). А мы работали пораньше и поужнее.

Район нашего стационара с 1981 по 1997 гг. Сверху темным цветом обозначено озеро Сарыкамьши. Скан сделан автором

И мы не раз были свидетелями этих страшных кратковременных ливней и бурных потоков. Вода стекала с огромных площадей плато в овраги и провалы и уходила под землю на глубину 30-40 метров.

Там, где был наш стационар, неподалёку имелось древнее кладбище 13-14 вв. н.э. А низина между чинками(обрывами) была тогда местом земледелия, о чём свидетельствовала сохранившаяся система орошения.

Так что нам до сих непонятно, образовались полости в известняках нашего района, когда там текла река Амударья (а она сменила несколько русел за свою историю). То ли это процессы выветривания и вымывания.

Тем не менее карстовые образования мы находили постоянно. И они часто преподносили нам сюрпризы в виде гнёзд хищных птиц на обрывах и островков интересной растительности на дне. Карст был у нас в виде пещер с входом на склоне обрыва или оврага и в виде провалов и воронок. По всей вероятности это были бывшие пещеры с обвалившейся "крышей".

Наши провалы

Одним из первых провалов была "Волчья яма", название получившая из-за логова волка, которое обнаружили там ребята. Провал глубиной чуть более 40 метров с водой на дне находился прямо у автомобильной дороги. Иногда сюда пригоняли на водопой овец и качали воду наверх, чтобы напоить отару. Но вода была солёная и горькая. Когда у нас были проблемы с пресной водой в первые годы работы, мы пытались этой водой помыться и постирать одежду. Мыло мгновенно сворачивалось в хлопья. И даже стиральный порошок плохо помогал сделать одежду чистой.

Но сюда приходили на водопой архары. Как-то мы нашли там парочку крякв. Видно заблудились на пролёте и плавали на водной глади размеров всего-то 20 на 30 метров.

Ещё у нас была "Беркутиная яма". Это глубокий провал, около 20 метров, но не широкий, почти круглый диаметром около 50 метров. Там на обрыве время от времени гнездилися беркут. А в его гнезде – индийские воробьи. И по стенкам провала сооружали свои гнёзда стрижи. На дне ямы рос тамарикс, что говорило о близком залегании грунтовых вод.

Беркутиная яма. На дне видны Тамарикс и ярко-зелёный мяскоплодник

И вода была! Она была в пещере неподалёку от провала, вход в которую ребята всё же нашли.

Под старинным кладбищем располагался провал, окончанием которого была пещера. Но и сам провал был замечателен тем, что был доступен для обследования. На обрывах карста длиной 400 метров, шириной 150 и глубиной 10-15 метров в нишах постоянно гнездилась пара филинов. И место было у них настолько удачное для наблюдений орнитологов, что этот провал назвали "Филинья яма". Гнёзда располагались как правило под верхними выступающими плитами. И к ним можно было забраться снизу и наблюдать за кладкой и вылупившимися птенцами.

Провал на Южном Устюрте

Когда у нас появился транспорт (мотоцикл, а потом автомобиль), мы отъезжали от стационара на 40-70 километров и нашли десятки карстовых провалов на южной оконечности плато Устюрт.

Провал с пологими стенками

Карстовый провал Южного Устюрта, в него невозможно спуститься без лестницы

Они были либо круглой либо овальной формы, глубиной от 20-40 метров и диаметром от 30 до 60. В какие-то можно было спуститься, а некоторые были недоступны из-за резких обрывов.

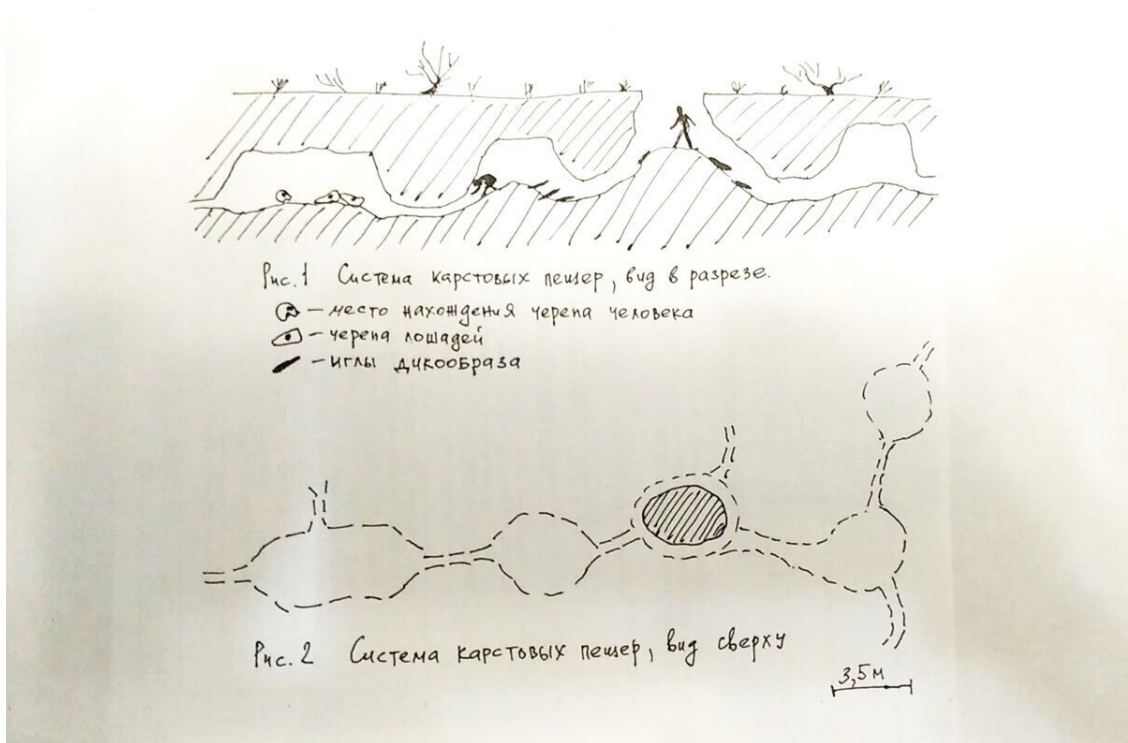
Часто наличие воды помогали распознать растения. Это тамарикс, тростник и редкий краснокнижный ягодный кустарник мягкоплодник критмолистный.

Мягкоплодник выделяется яркой зелёной листвой в провале

Провалов с таким набором видов на дне было немало. Недаром оконечность Южного Устюрта – убежище архаров из-за наличия водоемов. Следы их, да и самих баранов мы видели постоянно. То отдельные пары, а иногда и целые стада с приплодом. Для этого краснокнижного вида стадо в 20-30 голов – уже хорошо.

Карстовые образования находились не только на плато, но и под обрывами Устюрта. Это были галереи низких (до 3 метров высотой) полостей гораздо скромнее, чем наверху. Но они соединялись между собой проходами, образуя разветвлённую сеть мелких пещер. В некоторых пещерах крыша обвалилась. И это позволяло проникнуть вниз и обследовать лабиринты.

Рисунок Шубенкина Владимира, исследователя пещер под чинками Устюрта.

Мы нашли там иглы дикобраза, хотя ни разу не видели его живьём. А в дальнем зале Володя нашёл уже побелевший человеческий череп а рядом два черепа лошади. То ли пастух, то ли басмач, то ли путник, заблудившийся по дороге к Каспийскому морю или обратно в Ташаузский оазис. А может это кто-то из племени Джан, о котором писал в своей повести Андрей Платонов ("Джан", 1934)...

Наши пещеры

Под старинным кладбищем находилась самая настоящая пещера глубиной более 100 метров, шириной 30-50 метров и сводом выше 15 метров. В глубине и темноте имелось место отдыха волка.

Волчья пещера. Вход

Но видели его там всего раз. Это была вполне доступная пещера. Там было прохладно, и кто знал, вполне могли переждать дневную жару при переездах. Потому что и кладбище, и пещера находились рядом с автомобильной дорогой. Правда грузовики (с верблюдами или с бахчевыми) проходили по ней от силы раз в месяц.

Вторую пещеру в районе стационара ребята нашли по следам архаров. Горные бараны и другие животные спускались на водопой, хотя вход был достаточно узкий и мало заметный, а спуск – очень крутой. Освещенность в пещере была почти на нуле. Когда к нам приезжали спелеологи, то они помогли со своим оборудованием исследовать этот объект.

Вот рассказ мужа, который спускался в эту пещеру со спелеологами.

"Спуск был очень крутой. И когда мы с Сергеем нашли эту пещеру, то не рискнули спускаться. Но когда появились спелеологи, у них было специальное оборудование: верёвки. И по веревкам мы стали спускаться. Спуск был примерно метров 50 вниз под уклоном порядка 45-50 градусов. На камнях и глине были многочисленные следы от копыт и когтей диких животных. Примерно в 50-60 метрах от входа тоннель 5*5метров стал расширяться, спуск стал более пологим. Мы вошли в огромный зал высотой больше 20 метров и длиной около 100 метров.

По центру зала была осыпь камней, а по краям стояла вода. Вода была такая прозрачная, что мы не заметив вступили в неё. Примерно на половине зала осыпь закончилась, и дальше шла гладь озера. У спелеологов был надувной матрас. На нём один из них сплавал до конца галереи, метров 20-30. Вода была абсолютно прозрачная и в свете фонаря было видно, что дно уходит вниз в виде сифона далеко вглубь. Спелеологи сказали, что необходимо подводное оборудование, чтобы посмотреть, куда уходит сифон. Но такого не было у них. Поэтому куда ведёт сифон, осталось загадкой.

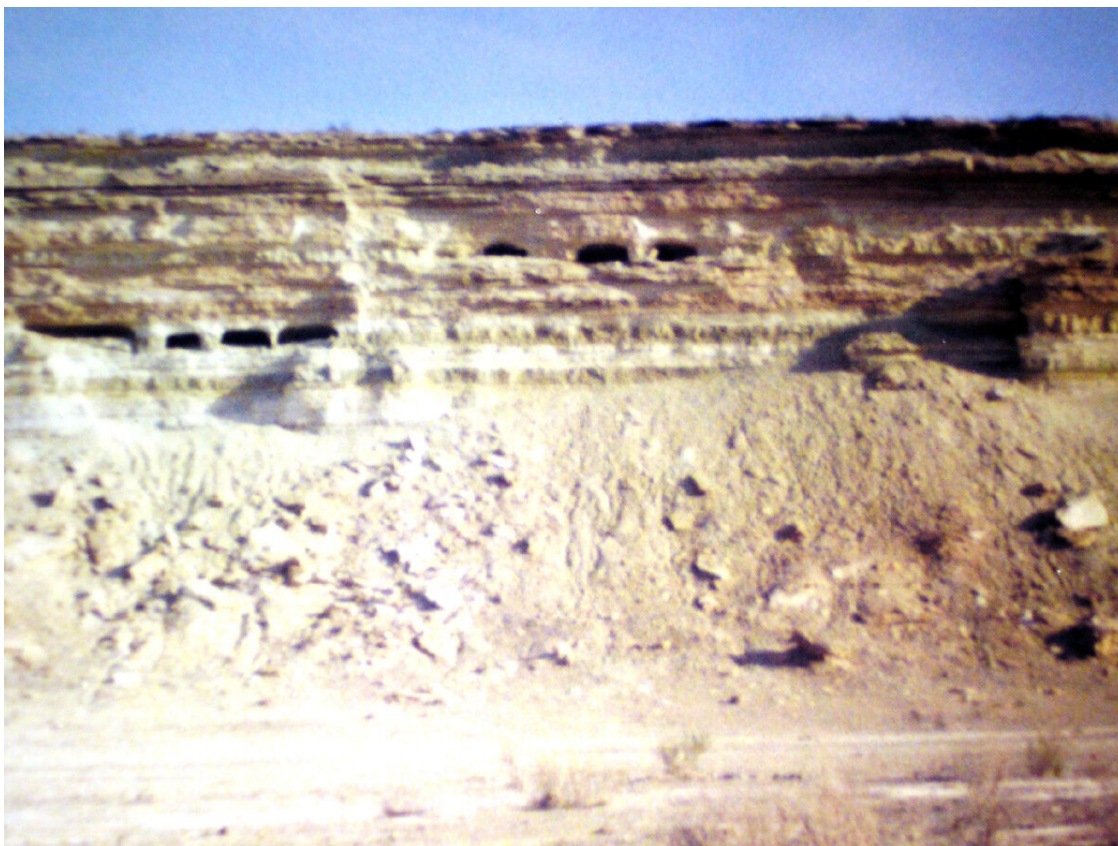
В завершении посещения этой пещеры мы как первооткрыватели оставили бутылку с запиской и перечислением фамилий всех спустившихся. Бутылку оставили в центре зала на вершине осыпи, соорудив там предварительно тур из камней"

Надо отметить, что камни над входом в эту пещеру были покрыты зелёным мхом. Видимо это и есть признак водоёма в пустыне. Точно такой же вход в пещеру ребята обнаружили в 70 км севернее нашего стационара. К входу вела натоптанная тропка. Но спуск опять был очень крутым, а они не обладали навыками и оборудованием спелеологов. Оставалось лишь констатировать факт, что места водоёмов в районе заповедника имеются, и доступны для архаров, которые тогда охранялись в Туркмении.

Вход в пещеру "Ёлкинскую". Небольшая сухая пещера около лагеря, которую заметил научный сотрудник из Алма-Аты с фамилией Ёлкин, прилетавший к нам в 1982 году

В осеннее время мы обследовали природу всей Ташаузской области, потому что нас конечно же интересовали чинки (обрывы), как места гнездования редких хищных птиц. Так мы попали на останец Бутентау в северо-восточной части исследуемого района. И там увидели уже рукотворные пещеры. Жилища древнего туркменского племени были выдолблены в 40 метровом чинке на высоте примерно 20-30 метров от земли.

Пещеры-жилища в чинке Бутентау

В настоящее время склоны кое-где осыпались, и в пещеры можно забраться. А вот в те давние времена скорее всего использовали лестницы. В южных регионах пещерные города – не редкость. Например, в Крыму их только девять. Интересен сам факт использования природных укреплений для жизни человека в таких далёких друг от друга местах.

Именно такие пещеры в историческом плане интересовали спелеологов-археологов из Подмосковья, которые приезжали к нам в далёком 1982 году. Больше на нашей памяти спелеологов в заповеднике не было. Поэтому такой интересный в геоморфологическом плане район остается очень малоизученным. Тем более, что карстовые процессы всё ещё продолжаются.

Наши дети – дети пустыни

И рассказывать и вспоминать об этом можно бесконечно. Потому что и страна, где они росли, – экзотическая, и родители не совсем обычные, а уж место работы, куда дети отправлялись с папами и мамами, – так вообще кошмар... Думаю, каждый первый так подумает. Ребятишки ездили в пустыню с нами.

В семье Черновых мальчиков было трое. И только первый, Юра, поехал на полевые с годовалого возраста. Остальные – ещё раньше.

Затоки тоже вывезли своего первенца в пустыню в годовалом возрасте. А мне – не случилось так рано начать прививать любовь к природе своим детям. Они у меня осенние погодки. Так что два весенних сезона я пропустила, это 1984 и 1985 гг. Но в 1986 году всё же наши родители согласились посидеть 2-3 месяца с внуками. Поэтому 1986 год я полноценно работала на стационаре весной. Но очень переживала и скучала по детям. На следующий, 1987 год мы с мужем решили взять с собой младшего сына, а дочку отвезти к бабушке на Урал.

Лёше было два с небольшим, он уже хорошо ходил и мы с ним могли выходить на мои площадки недалеко от лагеря. Жили мы в вагончике с печкой. А когда стало жарко, то переселились в более просторную палатку. Наш быт постепенно улучшался. Каждой семье заповедник выделил по газовой плите с духовкой и по паре газовых баллонов. Так что в жару уже не приходилось раскопчегаривать печку на дровах для варки пищи. И с пресной водой стало легче: в лагерь в тот год привезли кроме обычной трёхкубовой бочки на колёсах ещё и стальной бак на десять кубов.

В 1987 году на стационаре Бурчлибурун жили: семья Антиповых, Сергей с Галей, мы с мужем и сыном, и Людмила – наш энтомолог. Но вагончик был один, поэтому Антиповы поселились сразу в палатке метрах в пятидесяти от вагончика. А Люда занимала одну из комнат, пока было холодно, а потом полностью там была хозяйкой. Несмотря на тесноту, мы уживались хорошо. Людмила и Галя иногда присматривала за Лёшей, своих детей у них не было.

Тот год был удивительно влажный, порадовавший меня новыми видами растений. Ведь в пустыне семена могут находиться в спячке несколько лет. И только достаточное количество влаги побуждает эти однолетние растения, эфемеры, начать жизненный цикл длительностью всего-то 2-3 месяца. 5 апреля 1987 года выпал густой снег и лежал несколько дней. Это неординарное событие, за 15 лет жизни в Туркмении это случилось всего один раз.

Наш вагончик среди снегов. 1987 г, весна

Мы с Лёшей по-настоящему ходили по сугробам. Не сидеть же весь день в вагончике. Потом сушили вещи у печки. Так как сын не умел ходить по снегу и всё время падал. Но снеговика мы слепили.

В снежном плену в начале апреля 1987 г

Если у меня был оптимизм и вдохновение после снегопада, то у Володи было уныние и траур. Снегопад и понижение температуры всего за неделю уничтожили много птиц и их гнёзд с кладками. Выжившие стали строить новые гнёзда. Но зато в окрестностях поселились тоже новые виды, которые обычно селятся ближе к водоёмам. Ведь в низине перед чинком Бурчибурун у нас образовалось небольшое болото с обилием трав и насекомых, которые их

объедали. Насекомые привлекли новых птиц. Вероятно именно такой климатический эпизод стал основой для диссертации мужа по экологии пустынных птиц.

А мы с сыном собирали гербарий новых видов. В его обеденный сон я определяла растения, а рано утром, пока он спал, обрабатывала собранный материал. Если кто не знает, то гербарий надо постоянно переключать и держать под прессом, чтобы правильно высушить. Чтобы потом эти образцы помогли другим ботаникам в изучении либо конкретного вида, либо целого сообщества.

Поскольку Володя обследовал обширную территорию вокруг стационара и часто уезжал на мотоцикле, то мы с Лёшей как правило "работали" вдвоём.

Мы с сыном на моих площадках весной 1987 г.

Когда было уже тепло, к нам приехали Затоки с дочкой Катей, старше Лёши на восемь месяцев. Переезды сотрудников со стационара на стационар были обычной практикой, ведь у всех были разные специальности. Андрей занимался герпетологией, а Женя млекопитающими, в частности грызунами. Катюха то ли болела ветрянкой, то ли только что перенесла её. Но наш сын конечно же подхватил этот вирус. Удивительно, что от сестры, которая переболела ветряной оспой зимой, он не заразился. А тут – на тебе! Так что часть полевого сезона он у нас был под цвет травы. Чтобы сын не скучал и не печалился, Володя привёз ему из города велосипед. В город конечно летал после авиаучетов. Потом на машине вернулся с продуктами, почтой и зарплатой. Её ведь регулярно нам выдавали несмотря на наше отсутствие в городе.

Ветрянка и велосипед

Было у Алёши и любимое растение. Он никогда не проходил мимо высоких мясистых соцветий цистанхе (родственница заразики). Их в 1987-м году было очень много.

Сын и растение-паразит (на корнях саксаула черного). Весна 1987 г.

Мне же больше всего нравились роголепестники, которые в середине апреля покрывали песчаные наносы сплошным розовым ковром. Конечно же снялись на память.

Идём через полянку роголепестника, весна 1987 г.

В начале июня на нашем стационаре уже было не так интересно. И мы решили поработать в урочище Мергенашан, где в 1983 году был лагерь нашего свежего пополнения. Туда мы уехали с Людмилой, а Антиповы поехали на берег Сарыкамыша, непосредственно к воде, где располагался лагерь Черновых.

Мы планировали пробыть в интересном каньоне две недели. Но У Лёши поднялась температура и опухло горло. Он стал неохотно есть и вообще был вялый. А жара уже стояла под +35 днём. Мы с 10 утра и до шести вечера уходили с ним в полупещеры каньона, где было на несколько градусов прохладнее. Но когда стало понятно, что это не обычное ОРЗ, Володя поехал за помощью. Мергенашан располагался в 130 км от первой компрессорной газовой станции, где был телефон. Но путь лежал частично через пески. Но муж всё же преодолел его и, уехав утром, вернулся к вечеру. Мы стали собирать вещи. На следующее утро за нами приехали лесники заповедника и увезли нас в Ташауз. Там врач выписала антибиотики, через три дня Лёше стало лучше. Так закончился весенний сезон 1987.

А осенью мы снова были в пустыне. Тогда мы ездили всем научным отделом. И вроде бы даже на двух машинах. Эти выезды были не долгими, исключительно для маршрутных учётов и проверки состояния стационаров. Ночевали на лесных кордонах и в нашем, тогда единственном, вагончике. Ведь в сентябре ночи были уже холодными.

Дети воспринимали эту недельную поездку как весёлое приключение.

Наши старшенькие научного отдела: Аня, Катя и Юра

Осенний выезд в 1987 г.

Дети конечно же дружили. Пустынные встречи, дни рождения как детские, так и взрослые, просто посиделки, – всегда ребяташки были вместе. Юра и Катя ходили в один детский сад. Поскольку мы жили в другом микрорайоне, то садик у нас был другой. Но вот школа потом – одна.

На следующий 1988 год мы поехали на полевые всей семьёй. На стационар привезли дополнительно два вагона-бытовки. И поэтому у нас появился свой отдельный домик на колёсах.

Недетские истории в пустыне

Дети подрастали, становились умнее и самостоятельнее. Мы уже не боялись их возить с собой на полевые. Весной 1988-го старшим было уже по четыре года, а младшим по-разному. Нашему Алексею было три. В этот год на стационаре Бурчлибурун народу было уже шесть человек. К прошлому составу присоединилась недавняя выпускница биофака Лена Свиначук. Она занималась низшими растениями.

В связи с расширением коллектива, заповедник отдал нам ещё два вагончика. Не новых, а тех, которыми пользовались лесники, пока не построили себе кордон из самана. В результате у нас появился собственный домик на колёсах: наш первый вагончик перешёл к нам. Хотя он и был самый маленький, но там уже была оборудована печка-буржуйка. Володя обложил её камнями, обмазал глиной, и в холодные мартовские ночи у нас было тепло.

В конце марта в пустыне ещё ветрено и совсем не жарко. Ходили тепло одетые, далеко от лагеря невозможно было уйти, так как дул сильный ветер. Володя работал, именно в это время хищные птицы занимают свои гнездовые участки. Я чаще развлекала детей в нашем лагере. Но когда муж возвращался на мотоцикле, ребетня всегда просила прокатить. Катались...

На мотоцикле почетный круг вокруг вагончика Людмилы. Март, 1988

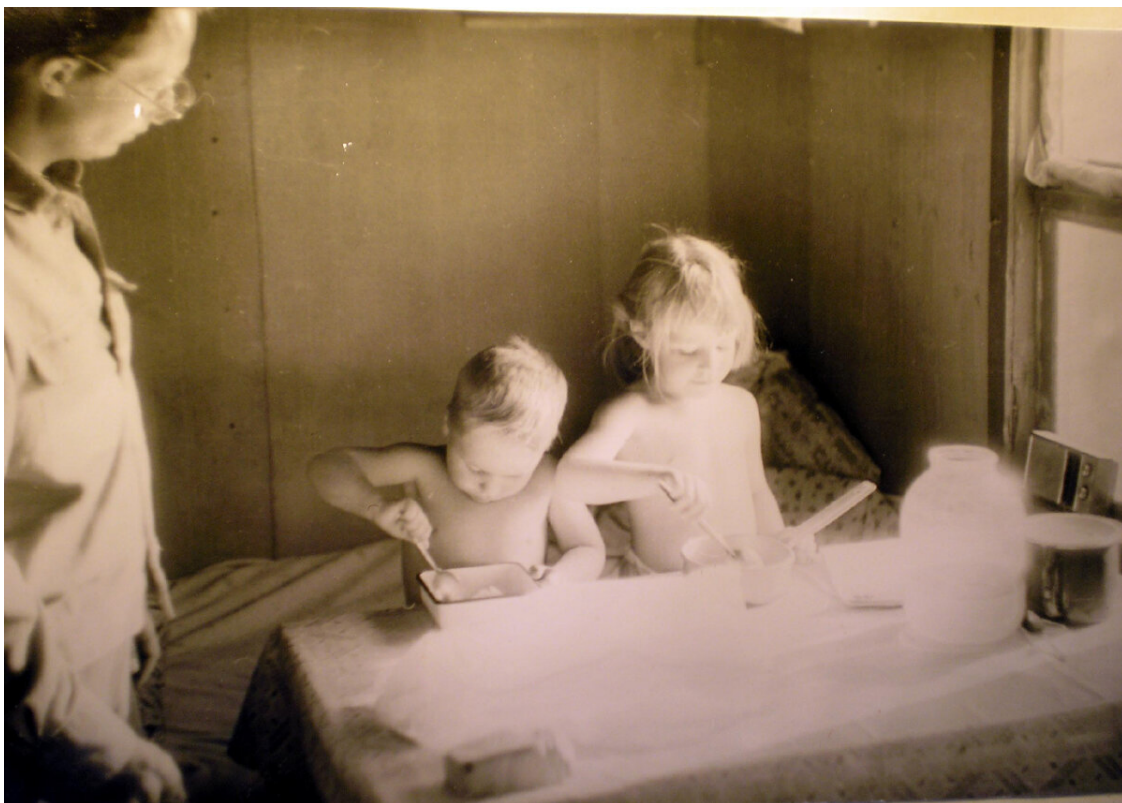
Стол мы перенесли в тамбур, где обустроили кухню с газовой плитой. А в комнате оборудовали спальню. Туда вошли и детские отдельные места, и наше двухместное ложе, которые Володя соорудил из бывших нар. Матрасы, подушки и всё остальное мы привезли с собой. С теплотой сейчас вспоминаю наше жилище, в котором мы провели пять весенних сезонов.

На пороге нашего пустынного дома. Май, 1988

Дети были на стационаре только в нашей семье. А няnek было аж три. Галя с Людмилой никогда не отказывались присмотреть за ребятами, когда мы уезжали на мотоцикле на дальние площадки на расстоянии 6-10 км. А такие были, так как там обитали редкие растения из Красной Книги. И за ними надо было вести наблюдения. Но дольше чем на три часа мы не уезжали, а чаще часика на два. Недавно пересмотрела свой полевой дневник за 1988 год. Работала много и собирала материал на диссертацию по структуре и динамике ценопопуляций пустынных видов растений, в том числе находящихся под охраной.

Как правило по работе мы с мужем менялись. Володя уходил рано утром, потому что это именно птичья пора. А я кормила детей завтраком, готовила обед и часов в 10-11 после возвращения мужа шла работать в пустыню. Была дома уже в 12 часов или чуть позже. Тогда Володя сам кормил детей обедом и укладывал на дневной сон.

Обед в вагончике, май 1988

А где-то в конце апреля приехала к нам родня из Свердловска: Володин младший брат с женой. Мы весело отметили Первомай. И в эти дни смогли с мужем съездить даже подальше: на Устюрт.

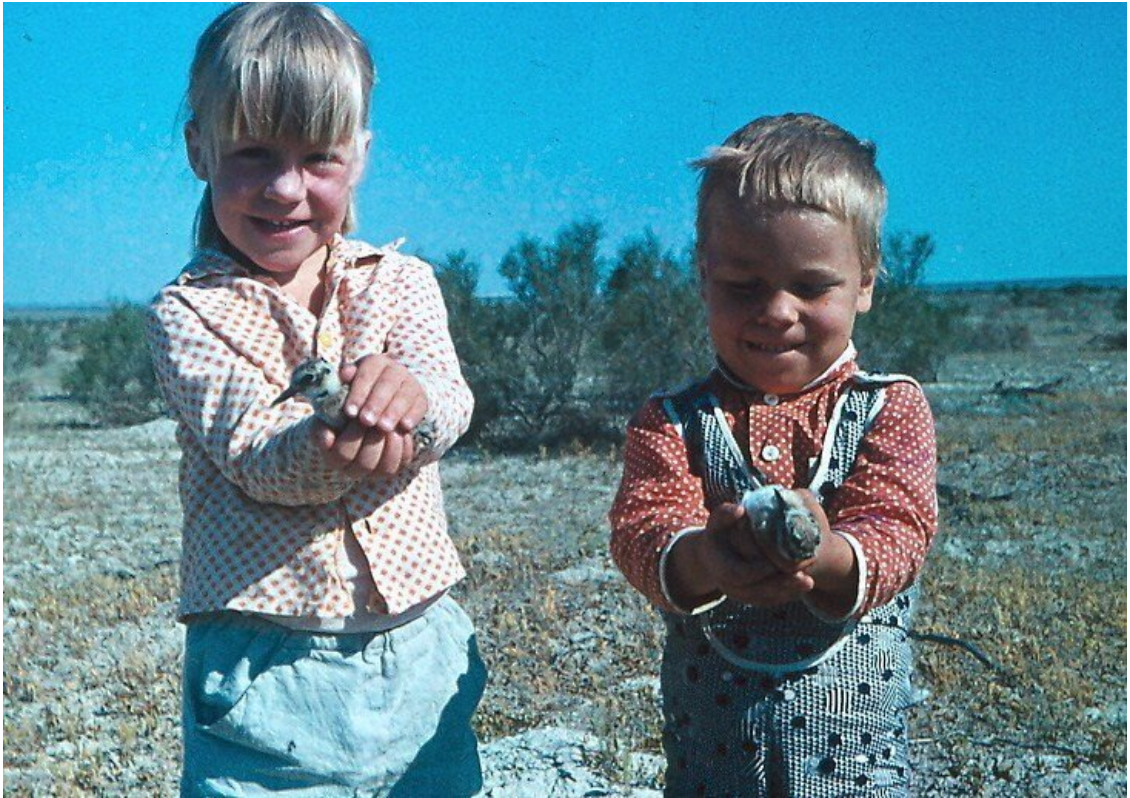

Наш коллектив на Первомае в пустыне

Дети, няньки и гости у вагончика Антиповых. Май, 1988

Аня с Алёшей подросли и теперь их можно было знакомить не только с растениями, но и с животными. Ведь бегающих и ползающих надо очень аккуратно брать, а лучше рассматривать не касаясь. Черепахи и агамы, скорпионы и фаланги, зайцы и суслики, птенцы всех птиц, за которыми наблюдал Володя. Если была возможность, дети их могли увидеть.

Аня и Алёша с птенцами толстоклювого зуйка. Май 1988 г.

Аня несёт нам черепаху для измерения

Зайчата

Поскольку воду нам в этот год подвозили регулярно, то в жару мы даже могли устраивать детям мини-бассейн. Большие железные ящики, которые подарили нам противочумники, пригодились для этого.

Мини-мини бассейн. 1988 г.

Но всё же мы мечтали доехать до озера Сарыкамыш. Чтобы действительно там покупаться. Учеты конечно тоже надо было сделать. Но мы всё равно рассматривали неделю на озере как заслуженный мини-отпуск. Как на море съездить.

И вот в начале июня мы решили переезжать, потому что всё уже высохло, а птицы отгнездились. На Бурчли приехали две машины (ГАЗ-66), одна для нас, вторая для Людмилы. Вот так мы грузились.

*Люда возится с детьми, я готовлю обед для всех, а Володя грузит вещи в обе машины.
Июнь 1988 г.*

На Сарыкамыш мы приехали вечером, и сразу поставили палатку, и натянули полог от комаров и мошки. У озера вечером и ночью спать без защиты было невозможно. Даже чтобы куда-то выбежать в сумерках, приходилось мазаться репеллентом. Поэтому часов в восемь вечера мы загоняли детей в полог, и ужин выдавали им тоже туда. Потом при свете фонарика до сна читали книжки, играли, пока не наступало время сна.

Вот в такой палатке красного цвета мы жили на всех стационарах кроме Бурчли с 1987 года

Но с рассветом гнус куда-то исчезал, и можно было спокойно жить. На озере обитали Черновы с двумя сыновьями. Юра с Аней родились в один год, а Паша – на год позже Алёши. Веселая была компания. Играми они увлекались с утра до вечера. Только конечно приглядывать за ними всё равно нужно было. Особенно, когда они в озере бултыхались. Без взрослого купаться не разрешалось.

Дети в озере Сарыкамьши. Июнь 1988 г.

В этот год мы пробыли на Сарыкамьше всего неделю. Так как кончались продукты, да и жара стояла невероятная.

Аня и Алёша на катере, июнь 1988 г.

Дети достойно выдержали полевой сезон, ни разу не болели, загорели, окрепли. Мы были благодарны нашему руководству, что вовремя снабжало нас пресной водой: не из городского водопровода, а дождевой водой из пустынных сардобов. Эта вода была не солёная, а главное – без букета агрономической химии с хлопковых полей. Ну, и каждый раз привозили свежие овощи и кефир в бутылках.

Этот кефир было невозможно пить, такой кислый он был. Но зато долго не портился. Мы приспособились использовать его в качестве закваски. Разводили детскую финскую молочную смесь, остужали, получалось отличное молоко. И вот на этом молоке делали новый кефир, который потом все с удовольствием пили. А первичный кефир отлично шёл на закваску теста. Да, пироги мы тоже в пустыне пекли. Ведь газовая плита была с духовкой.

Осенью мы как обычно тоже поехали в пустыню. Но в сентябре к нам приехали погостить мои родители, вдвоём. Мы смело оставили детей на их попечение на две недели, ездили без них. А ребята ходили в садик.

Мой папа с внуками около их детского сада. Сентябрь 1988

Наверно и дальше продолжу рассказывать про детей в пустыне. Может и не только. Потому что в Туркмении по-другому относились к детям, как в детсаду, так и в школе. Но пока что большую часть года они проводили с нами.

Вместе весело шагать по просторам

Капланкырский заповедник спустя семь лет после нашего приезда в Туркмению заметно расправил плечи. О нём уже знали и ценили работу и мнение научных сотрудников. Мы много ездили по профильным конференциям, общались не только с природными охранниками страны, но и иностранными специалистами пустынных территорий. Но самое замечательное было то, что наши полевые работы стали такими, какими и должны быть: охватывать все природные комплексы огромной территории заповедника в 570 тысяч га.

Министерство Охраны Природы Туркмении выделяло нам все необходимые средства. Мы могли планировать перелеты с точки на точку, заказывать машины и делать учёты не тогда, когда получится, а когда это необходимо. К весне 1989 года дети научного отдела, наши самые младшие научные сотрудники, подросли. Первенцам было по 5 лет, а самому младшему 3 года. Этот факт позволял нам не сидеть на одном месте, а передвигаться с точки на точку. Наша семья в составе геоботаника и орнитолога поработала в тот год не только на стационаре Бурчлибурун, но и в Северных Каракумах на заросшем уже днище Унгуза, во впадине Акча-Кая, на архипелаге озера Сарыкамыш и в окрестностях останца Бутентау на севере области.

По приезде на Бурчлибурун в конце марта нас ждал приятный сюрприз. Лесники оборудовали там небольшой бетонный сардоб (круглая емкость с крышкой) на 10 кубометров. Воду к нашему приезду подвезли хорошую, дождевую, из больших сардобов с такыров, расположенных восточнее. Кроме водохранилища в лагере лесники обустроили искусственный бетонный водопой для архаров примерно в пяти километрах. И воду из нашего сардоба можно было доставлять туда машиной.

Унгуз. После трёх недель работы на нашем стационаре Бурчлибурун на окраине Южного Устюрта мы перелетели на самолёте в Северные, или Заунгузские, Каракумы, в царство песков и такыров. Там уже стояли лагерем семья Заток и лаборантка Алла. У Жени и Андрея Заток тоже были девочка и мальчик, почти ровесники наших. И пока мы там работали, за этим детским садом пришлось присматривать Алле. Ведь мы прилетели всего на неделю, а обследовать надо было немало. Хорошо, что лётчики разрешили Володе загрузить в самолёт мотоцикл. Транспорт очень помог нам.

Палаточный лагерь в Заунгузских Каракумах. Катя и Аня. апрель, 1989

Дети были очень рады встрече, ведь в городе они виделись часто, играли вместе. И конечно в обновленной компании девочки устраивали свои домики, а пацаны дружно покоряли на игрушечных вездеходах препятствия пустыни. И ссор и размолвок не было вообще!

Перед отлётом с Унгуза. Дети и Алла.

Бурчибурун. Улетая на Бурчли мы не прощались надолго. Катя и Ваня Затоки скоро прилетели к нам на наш стационар, чтобы там поработали их родители. Ведь герпетолог и специалист по грызунам в научном отделе были единственными и неповторимыми. И пока Андрей картировал черепах и "охотился" за пресмыкающимися, а Женя определяла численность песчанок и тушканчиков, дети так же дружно проводили время в лагере.

В этот год Володя сделал у вагончика навес и соорудил небольшой спортивный уголок. Ребята конечно и на кольцах, и на качели развлекались, но окрестности лагеря их манили всё же больше.

Вагончик как тренажёр. На крыше – Аня, на перекладине Ваня и Лёша

Девчоночы игры: Катя Затока и Аня

Мальчишечьи игры: Алеша и Ваня Затока

На холме метрах в 30 от вагона поселилась семья сусликов. У них уже подросли детёныши, которые часто вылезали обозреть мир. Наши дети бегали туда смотреть на эту передачу "В мире животных". А когда приехали гости, Аня решила показать и им семейку сусликов. Но на холм они забирались шумной ватагой, переполненные эмоциями от встречи. Суслики конечно же нырнули в норку. Но Аня не долго думая, решила достать сусличенка из норы, ведь его хвост торчал наружу. И суслик её укусил.

Мы не сразу поняли, что произошло, когда ревущая дочь скатилась в лагерь с холма. Только остальные объяснили в чем дело. Укус был небольшой, эпидемий по заверениям противочумников в этом году не было. Помазали зелёнкой и забинтовали для красоты. Уже к вечеру бинт где-то потерялся, и про укус Аня забыла. Но эффект неожиданной самоотверженности суслика помнят до сих пор все.

Семейка жёлтых сусликов на Бурчли. Май, 1989

На полевые работы нам приходилось брать не только детей, но и домашних животных. Черновы возили с собой несколько лет кошку Кису. Мы в этот год взяли подаренную Володе в начале зимы кошечку Шипу. А Андрей Затока возил с собой повсюду своих кобр и других жителей его домашнего террариума. Наша Шипа была привезена котёнком из пустынного кишлака, у неё на ушах были большие кисточки, что свидетельствовало о родстве со степными котами. И предпочтения в еде она отдавала свежему мясу.

И вот Андрей как-то выпустил своих кобр прогуляться поутру. Ещё было не жарко, змеи не сильно согрелись. А Шипа усмотрела в двух кобрах опасность, видимо на генном уровне. И стала подкрадываться к ним. Андрей не стал дожидаться конца охоты и отпугнул Шипу кусками глины. Этот момент запечатлён на фото

*Андрей Затока защищает своих домашних животных от нашего домашнего животного.
Бурчли, весна 1989 года*

Хоть дети и непоседы, но иногда их удавалось собрать в кучку. И даже с интересным растением-паразитом на корнях черного саксаула: цистанхе.

Бурчли 1989: Катя Затока, Алёша, Ваня Затока, Аня

Когда я уходила недалеко на свои площадки, то брала ребятишек с собой. Так мы оказались недалеко от местного аэродрома под чинком Карагуш примерно в километре от лагеря. Володя возвращался в лагерь и в бинокль увидел нашу весёлую компанию. Её также можно было и услышать. А мы оказывается расположились как раз под гнездом домового сыча. Володя решил проверить гнездо, а там – птенцы уже на вылете. Очень удачно. Иначе бы и не узнал, сколько их там было. Ведь нора сыча глубоко расположена, яйца не посчитать. Вот так детям удалось подержать птенцов, помочь отцу. Потом все пушистики снова были помещены в нору.

Дети и птенцы домового сыча. Бурчли, 1989

Акча-Кая. В начале мая мы снова покинули наш основной стационар на недельку. Потому что ездили в удивительное место в Заунгузских Каракумах впадину Акча-Кая. Это бессточная впадина в северо-западной части пустыни Каракумы в Туркмении. Расположена южнее Сарыкамышской впадины. Длина впадины около 50 км, а ширина 6 км, относительная глубина около 200 метров, а абсолютная, относительно уровня мирового океана – минус 81 метр. Впадина впервые была исследована географом Э. М. Мурзаевым в 1935 году.

Там в отличие от наших мест пески были заселены белым саксаулом (у нас рос только чёрный), и травянистая растительность была совсем иная. Барханные пески, которые окружали впадину, были богаты новыми для меня видами растений, но не очень-то богаты птичьим населением. Всё из-за того, что местообитания не были разнообразны: сплошные пески по краям впадины и почти голые такыры на её дне. Но нам повезло приехать на цветение эремурусов. Это событие ещё более впечатляет, чем цветение тюльпанов и роголепестников.

На бархане недалеко от лагеря среди цветущих эремусов. На заднем плане – белые саксаулы.

Поскольку Акча-Кая впадина бессточная, в центре её каждую весну скапливается вода, образуя непроходимые пространства. Ведь почва на дне глинистая. Там уж сколько транспорта утонуло.

А в 70-е годы геологи пробурили на дне впадины скважину. Вода была горько-солёная, непригодная для водопоя овец. И вдобавок горячая, 43 градуса. Как ни пытались эту скважину забить, не получилось. Когда мы были там, вода изливалась бурным фонтаном, образуя вокруг бетонного столба-заглушки небольшое озерцо. Там можно было помыться или постираться. Но учитывая высокую температуру воды, всё это надо было делать быстро. Или на берегу в тазике.

Дети около скважины в Акча-Кая: Алёша, Аня и Катя Затока

Поскольку мы приехали на Акча-Кая на машине, а потом на самолёте собирались в город, то мотоцикл с собой не взяли. На маршруты брали детей с собой. Так как был май, и всякая нечисть типа скорпионов и сколопендр активизировалась. В целях безопасности держали детей всегда почти за руку. Но всё равно укусы были, но не у нас. Однажды ночью мы проснулись от детского крика. Это Катю укусил скорпион: ребёнок ночью сел на горшок в палатке. Этот случай мы тоже долго вспоминали. Кате в этом плане "везло", потому что это был не последний укус.

Самолетная площадка в Акча-Кая располагалась на сухом такыре в километре от лагеря. Чтобы не задерживать погрузку в самолёт, мы перетащили свои пожитки заранее и ожидали прилёта транспорта. В западинках на такыре с влажной почвой поднималась в мае шикарная зелёная трава. Ну почти как на Урале летом. Вот на этой полянке я и запечатлела детей для родственников, чтобы не думали, что у нас сплошная сушь. Только саксаул и белые склоны впадины выдавали место съёмки.

Дети в зарослях злака мортука на дне впадины Акча-Кая, май 1989

Пока летчики отдыхали, я построила детей у самолёта. Интересно, летают ли сейчас кукурузники по России?

Перед посадкой. Акча-Кая, май, 1989

Снова Бурчи. После небольшой (в 2 дня) побывки в городе мы снова вернулись в пустыню, уже на свой родной стационар, где пробыли до начала июня.

Во второй половине мая уже очень жарко. И работать даже после 11 утра тяжело. Поэтому мы стали уезжать на площадки все вместе либо рано утром, либо вечером к заходу солнца. Мотоцикл вынес четверых. Дороги были твердыми, как асфальт, а песков в округе было немного.

И вот как-то мы все вместе оказались у провала примерно в 7 км от лагеря. Там ещё в холода Володя отметил пару беркутов, которые строили гнездо. Муж рассчитывал увидеть взрослых уже птенцов в гнезде, на грани вылета. Но гнездо оказалось пустым. Мы погоревали, но вдруг кто-то из детей заметил движение внизу провала. В бинокль Володя рассмотрел беркута, который практически ползал по земле. Он подумал, что это взрослый сломал крыло. И найдя нормальный спуск, поспешил к птице. А оказалось, это птенец, который учится летать. Значит взрослые всё ещё где-то рядом или добывают ему пропитание.

Птенец беркута совсем не испугался человека. Володя взял его в руки, чтобы осмотреть сохранность. Всё было в порядке. А дети тоже попросили подержать "птичку". Но даже маленький беркут – всё же орёл с внушительным весом и острыми когтями. Так что разрешили только погладить.

Птенцы наши. Бурчи, 1989, май

И уже традиционно в начале июня мы поехали на Сарыкамыш. Там на своём обычном месте стоял лагерь Черновых. Перед отъездом попросили Люду сфотографировать нас у вагончика. Он уже семь лет служил домом в пустыне научному отделу заповедника.

Наша семья в июне 1989. Бурчилибурун

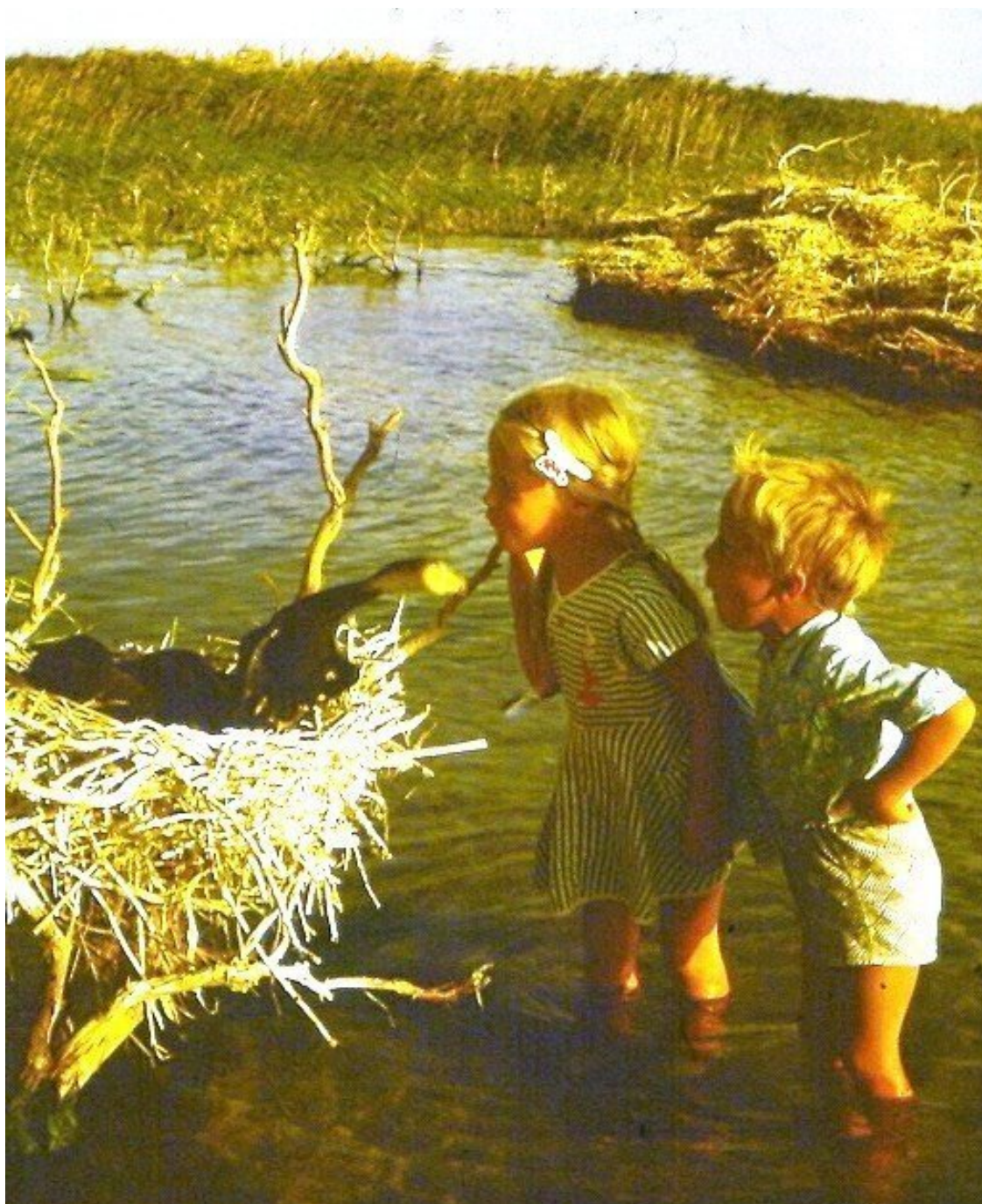
Сарыкамьш. 1989 году мы задержались на озере две недели. В ботаническом плане Лена Чернова уже очень хорошо поработала там, так что мне лишь пришлось кое-что уточнить. А черного саксаула было совсем мало, там в основном росли кандымы, солянка Рихтера да пустынная акация. Поэтому не было возможности выделить сообщество черносаксаульников. Именно этот вид меня интересовал. Так что я активно занялась поиском птичьих гнёзд. И это у меня получалось неплохо. Особенно часто попадались гнезда индийского воробья.

Володи (мой и Чернов) ездили на лодке на острова для учета водоплавающих, кольцевали пеликанов. И один раз мы поехали на острова всей семьёй. Я никогда раньше не видела ни бакланов, ни пеликанов. Очень хотелось посмотреть и на лебедей, но не случилось. А вот среди колоний бакланов и пеликанов мы побродили. Посчитали кладки, птенцов. И конечно сделали слайды и фотографии.

Аня в колонии пеликанов среди птенцов

Как жаль, что не было тогда той техники, которая доступна нам сейчас. Только мой заслуженный Зенит-Е выручал. Плёнка была в основном черно-белая. Но удавалось добыть и цветную, не только для слайдов, но и для печати. Это уже в двухтысячные муж занялся переводом в цифру слайдов и негативов. Но времени и сил хватило только на небольшую часть всего архива. А я публикую небольшую часть из цифрового хранилища.

Кто кого перекричит? Аня и Алеша у гнезда баклана

Бутентау. Останец Бутентау не входит в охраняемую зону заповедника. Но место это очень интересно в плане гнездования хищных птиц. А ещё это пещерное поселение 13-14 вв. Недалеко от останца находились довольно хорошо сохранившиеся развалины крепости Ак-Кала.

Крепость Ак-Кала

Выезжали мы в такие ознакомительные поездки по области как правило осенью и ненадолго. На Бутентау мы были три дня в конце сентября, но повидали немало. В том числе и пещеры.

Пещеры в остане Бутентау

В тот год мы не пытались залезть в пещеры на южном склоне. А вот останец объехали вокруг полностью. И Володя отметил там четыре места гнездования краснокнижного орла беркута на северной стороне останца.

Недалеко от Бутентау проходит древнее русло Аму-Дарьи Дарьялык. Ещё в те годы по нему спускали коллекторные (солёные) воды в озеро Сарыкамыш. И это была немаленькая "река" с обширными зарослями тамарикса и черного саксаула по берегам.

Дети под черным саксаулом около Дарьялька. 1989 г.

Шахсанем и Бурчли осенью. Осень в Туркмении длится долго. Ещё весь октябрь солнечно и сухо. Правда ночи холодноваты. Как впрочем и во всех континентальных районах. Последние десять дней октября мы выехали в заказник Шахсанем и потом на свой стационар Бурчлибурун. Целью поездки были осенний учёт животных, а у меня сбор осенне-цветущих видов флоры и оценка продуктивности растительных сообществ осенью.

Шахсанем – довольно приличное поселение овцеводов. Заповедник построил там кордон и даже установил ветряк для производства электричества. Недалеко от посёлка сохранилась крепость. На её валах гнезвился беркут.

Шахсенем, ветряк заповедника. Вдалеке видна крепость.

Герпетолог Андрей Затока любил этот кордон, потому что там обитало много его объектов. В том числе кобра. Как заядлый эколог, он пытался привить любовь к змеям и у местного населения. Даже добился каких-то результатов. Жители Шахсенема после просвещенческой деятельности Андрея знали и уважали заповедник. Поэтому на кордоне нас встречали гостеприимно. И даже позволяли пообщаться с местными пастушьими собаками: алабаями. Они хоть огромные, но совершенно доверчивые, особенно к детям.

Наши дети в Шахсенеме с алабаем ранним утром. Октябрь, 1989

Для учётов надо было вставать затемно. Детей будили рано, одевали потеплее и выезжали в путь. Зато на стационаре можно было поспать подольше, дожидаться, когда согреется воздух и песок, а потом уже идти на мои учетные площадки. Я осенью всегда брала детей с собой, так как мужчины были заняты учётами и уезжали далеко от лагеря почти на весь день. Пока я работала, Аня и Алёша в поле зрения проводили время либо в "большой песочнице", либо "сооружали дом" под чинком или в овраге.

"Песочница" на Бурчли. Октябрь, 1989.

Россыти камней под чинком – место игр.

К ноябрю мы заканчивали выезды в пустыню с детьми. Да и зимой учеты чаще проводились с самолета, чем на автомобильных маршрутах. С ноября по март собранный в природе материал обрабатывался нами. Научный отдел печатали очередной том Летописи Природы. А дети в эти месяцы ходили в садик, начиналась пора простуд, соплей и больничных. Правда больничные я никогда не оформляла, так как работать можно было и дома. Удалёнка, как сказали бы сейчас, у нас только приветствовалась. Новую контору заповедника построили за городом, а научные сотрудники все жили в Ташаузе. Водить каждый день на автобусе людей было накладно. Часто не было бензина, и ПАЗик старенький ломался... Так что основная часть отчётов печаталась в городе уже на трёх квартирах, в которых обитали мы и наши коллеги к 1989 году.

Как детские учреждения в Туркмении вмещают столько детей?!

Немного приземлюсь в город и напишу свои впечатления о детских учреждениях Ташауза, которые посещали наши дети.

Республики Средней Азии, и Туркмения тоже, всегда отличались высокой рождаемостью во времена СССР. Когда мы жили там с 1981 по 1995 г, обычная семья, узбекская или туркменская, имела не меньше пяти детишек. А в колхозах по области нормальным было 10 детей в семьях. В русских, татарских, украинских или корейских семьях обычно было 2-3 ребёнка. Но таких семей в Ташаузе, а тем более в области было мало.

Тем не менее места в детских садах всегда имелись. Таких проблем, как сегодня, не существовало. Детсад находился в 300 метрах от дома. Хоть и общались наши дети научного коллектива часто, но это был маленький кружок. Я считала, что детский садик даст больше простора для социализации и подготовки к школе. Детям необходимо было научиться строить отношения в большом коллективе и в конце концов как-то понимать местный язык.

Первая группа Алёши, он – блондин рядом с нянечкой

В нашем подъезде я знала три семьи с детьми: от 4 до 6 в количестве. Часть из них ходили в школу. От школы не отвертеться. А вот малышня оставалась дома. И причина была банальная для всех этих семей: в садик ребенка нужно прилично одеть, менять одежду почти каждый день. Нужна обувь как минимум три пары: уличная, для группы (тапочки) и для физкультуры и музыкальных занятий (чешки). Дома они бегали почти нагишом и босиком. Родители считали, что оставить ребенка дома выгоднее, чем его бесплатно будут кормить в садике. Так что детсад

посещали дети из более-менее обеспеченных семей, а таких в Ташаузе было немного. Группы были по 25-30 человек. Чем младше возраст, тем меньше группа.

Первая группа Ани. Самая бледная блондинка в верхнем ряду получилась плохо

За детьми присматривали воспитательница и две нянечки. С детишками разговаривали преимущественно на русском. Стихи и песни были из репертуара советских детских учреждений, а там национальный язык не учитывался. Да и директор, медсестра и музыкальный работник в нашем садике были русские женщины. Соответственно воспитателями старались устроить своих. Ведь система кумовства процветала в Туркмении.

Утренник у Ани к 8 марта

Утренники в детсаду побуждали детей учить стихи, готовить танцы и песни к выступлению перед родителями. Как сейчас помню: 7 ноября, Новый Год, 23 февраля, 8 марта, день рождения Ленина (правда мы не попадали на него, но стихи учили).

Новый год. Наши дети в первом ряду. Костюмы шила сама.

Мы всегда приходили на детские праздники с фотоаппаратом. Хотя и сам детсад приглашал профессионального фотографа, нашего соседа по первому общежитию. Он делал снимки цветные, но за деньги.

Последняя группа Алёши. Штаны с подтяжками были только у него

Конечно дети болели и вирусными, и кишечными инфекциями. К весне сопли и кашель так уже надоедали, что мы после восьмимартовских утренников спешили забрать детей из садика и готовились к отъезду в пустыню.

Детсад одарил Аню и Алёшу кроме ОРЗ ветрянкой, скарлатиной и желтухой-А. Ну, ветрянка и скарлатина – обычное дело, а вот болезнь Боткина, не такая и редкая вещь для Средней Азии, была воспринята родней на Урале как катастрофа. Но мы уже знали как лечить, и в инфекционку детей не отдали. Консультировались с заведующей поликлиникой, нашим первым и самым лучшим врачом.

Во дворе детсада зимой

Как-то раз забираю я сына из садика, а на лбу у него огромная синяя шишка. Молчит, чуть не плачет. Понимаю, что разговора не получится с ребёнком, спрашиваю нянечку про синяк. Молодая крепкая узбечка ответила мне задорно, что Алёша с Сердаром подрался. Ну конечно странно, даже если драка и была, то куда смотрели воспитательница и няньки, почему так получилось? Вечером уже не стала выяснять ситуацию с заведующей, решила заглянуть к ней с утра.

А дома, когда сын успокоился, стали с ним играть и разговаривать, то выяснилось, что это его Мавлюда тапочком пригрела по лбу. Спрашиваю: "Ты что, с девочками дрался?". Оказалось, что Мавлюда как раз и есть та узбечка нянька, примерно лет двадцати отроду. Утром

ребёнок в детсад не пошёл. Пошла я, к заведующей на разборки. Я конечно понимаю, что в семьях, где детей много, такие способы воспитания, как у Мавлюды, обычное дело. Но на работе в детсаду нельзя бить детей тапочком по голове. При всём том, что тапочек этот был увесистым сабо с деревянной подошвой. Няньку эту из Лёшиной группы убрали сразу, назначили пожилую улыбчивую туркменку. Но я и пригрозила, что пойду к врачу и дальше по всем инстанциям. К сожалению это было не последнее увечье сына. Другое было уже в школе.

Национальный вопрос и наши будни в Ташаузе

Средняя Азия в течение 14 лет.

Когда мы уезжали в Туркмению, наши родные беспокоились конечно о том, как мы будем жить среди людей с чужой верой, обычаями, которые и русский-то не знает, которые вряд ли нас поймут.

На самом деле в начале восьмидесятых социалистические республики по окраинам России снабжались неплохо. По-моему почти все они были на дотациях, ну а уж Туркмения – точно. И специалистов, которые обучались в российских вузах, принимали в республике с распростертыми объятиями. И даже направляли свою молодёжь учиться в русских ВУЗах. Так, у нас в Университете в Свердловске (ныне Екатеринбург) учились туркмены на журфаке.

Мы же ехали не просто в неизвестность. Нас пригласили работать в заповеднике и поднимать дело охраны природы выпускники МГУ, которые уже несколько лет работали в Сюнт-Хасардагском заповеднике на юге Туркмении. Отдел заповедников в Министерстве в 80-е годы возглавляли русские товарищи, грамотные и преданные делу. Так что поддержка у нас была в верхах. А вот приспособившись к жизни в отдалённом от столицы северном областном центре Ташаузе нам приходилось уже самим.

Спасибо школе и универу, толерантность они во мне воспитали. Да, моё сознание коробили некоторые факты и обычаи местных жителей, но всегда вспоминалась поговорка: "Со своим уставом в чужой монастырь не лезут". Ну принято так у них жить и работать, пусть так и будет. А мне придётся как-то объяснять, что есть и другие способы существования, которым я буду следовать не во вред остальным.

Наши первые соседи по новостройке.

Что касается работы, то я уже рассказывала, как мы добивались нормального рабочего процесса в научном отделе и уважения руководства заповедника и лесной охраны к нашей работе. Сейчас расскажу о наших соседях.

До переезда в нашу собственную квартиру мы жили в только что построенном доме, в четырёхкомнатной квартире-общежитии (до рождения дочери). На четвертом этаже напротив была трёхкомнатная квартира узбечки Зульфийи и двоих её детей. Удивительно, но Зульфийа была разведённой и прекрасно себя чувствовала при этом. Зарабатывала хорошо, детки её учились в русской школе. И она всё про всех знала. Часто приходила в гости в нашу густонаселённую общагу, по-компанейски пила чай и рассказывала свежие сплетни. От неё мы узнавали, в каком магазине "выбросили" в продажу тот или иной дефицит.

На втором этаже жила семья украинцев с двумя детьми. Их папа был известный в городе фотограф. Он работал в местной газете с названием "Ташаузская правда". Туда он делал черно-белые фото, а в детсады и школы – цветные, на чём в основном и зарабатывал.

И ещё соседи: на 10 лет.

Но когда мы переехали с маленькой дочкой в свой микрорайон Восточный, то в подъезде была только одна семья русская, на первом этаже. Детки там были большие, мальчишки-близнецы, которые уже ходили в школу. Так что интересов общих не было, и мы почти не общались. А вот в соседнем подъезде была семья с новорожденной девочкой. И мы иногда переговаривались с балконом с уже немолодой мамой. Хоть и проживали мы в квартире всего 4-6 месяцев в году, но с соседями по подъезду всё равно познакомились.

Надо напомнить, что Ташауз находится почти на границе с Узбекистаном. Там до Хивы – рукой подать. И в этом городе узбеков было не меньше, чем туркменов. Жили они дружно. В заповеднике и в конторе лесничества работали и те, и другие. При общении с нами туркмены рассказывали анекдоты про узбеков, а узбеки – про туркменов. Но последние – чаще. Узбеки лучше знали русский язык, с ними легче было объясниться, но всегда нужно было

ждать подвоха. Это они называли "среднеазиатская хитрость". А туркмены были выдержанными и покладистыми, их доброжелательность до сих пор вспоминаю с благодарностью.

Соседи. Двое блондинов справа – наши

На четвертом этаже напротив нас была квартира туркменов. В четырёх комнатах жили мама, папа и четверо детей. И родители, и дети всегда с нами здоровались и улыбались. Он говорили нам приветствие по-русски, а мы старались ответить по-туркменски. Сосед время от времени приглашал мужа на плов или чай, когда в семье у них был праздник и приходили гости. Женщин приглашать было не принято. Ну и я была этому только рада. Потому что сидеть на полу так и не научилась: неудобно ни сидеть, ни пить, ни есть. А потом как-то случайно выяснилось, что в Нижнем Тагиле, откуда муж родом, в доме его родителей в том же подъезде живёт родной брат соседа. Ну тесен же мир! Правда передавать дыни в подарок муж категорически отказался: своей поклажи в отпуск всегда много было. А письма и небольшие передачи возили конечно.

На третьем этаже под нами жила узбекская семья. Не зажиточная, но и не бедная, судя по тому, как одевалась хозяйка и трое детей. Мы конечно с ними поддерживали отношения, и здоровались, и улыбались. Но когда наша квартира осталась без присмотра на полгода после переезда в Свердловск, то подростки из этого семейства взломали нехитрый замок и вынесли всё ценное, что оставалось: телевизор, кожаную куртку, водку с лоджии (припасы для грузчиков на переезд). Сосед напротив поймал за руку воришек, вызвал милицию. По сути он шёл на конфликт с соседями, с которыми надо жить дальше, ради нас, которые уже уехали (правда муж оставался в Ташаузе ещё полтора года). Вот такие разные соседи у нас были. Как впрочем везде.

История с томатной пастой.

Ещё на третьем этаже жила узбекская семья с 6 или 7 детьми. Я так до конца и не посчитала детей, мне тогда и пять казалось много. Жили они очень бедно. Даже зимой мальчишки бегали по подъезду босиком. И муж, и жена были очень изможденные, невысокого роста. Но мать семейства каждый год беременела. На моей памяти двое детей её умерли. Я отдавала её детишкам всё, из чего повзрастали наши дети. Уже не помню имени, но пусть будет Зухра. Так вот Зухра так прониклась моей помощью, что однажды попросила меня помочь закатать томатную пасту впрок. У неё сломалась закаточная машинка. Я взяла свою и спустилась к ним в квартиру. На плохом русском Зухра объяснила, что у неё вся томатная паста портится и не доживает до холодов. А зимой очень нужна, ведь если помидоры летом продают по 3 копейки за кило, то зимой уже по 3 рубля. А с томатом и шурпу варят, и лагман.

На плите уже кипело в тазике томатное варево, литров десять. А рядом стояли трёхлитровые банки, грязные и мутные, из-под хлопкового масла с прилипшей пылью и песком. Говорю: "ты чего банки-то не помыла? Теперь мне ждать придётся, пока ты всю эту грязь отмоешь." Зухра стала уверять меня, что банки чистые, что всегда в такие томаты закатывала. Ну теперь мне стало понятно, почему томатная паста портилась... Ничего мне не оставалось делать, как идти домой и нести свои чистые трёхлитровки. Благо были лишние. Так что сделала, как себе. Потом зимой Зухра мне всё время напоминала про этот случай и благодарила. Вот так и жили.

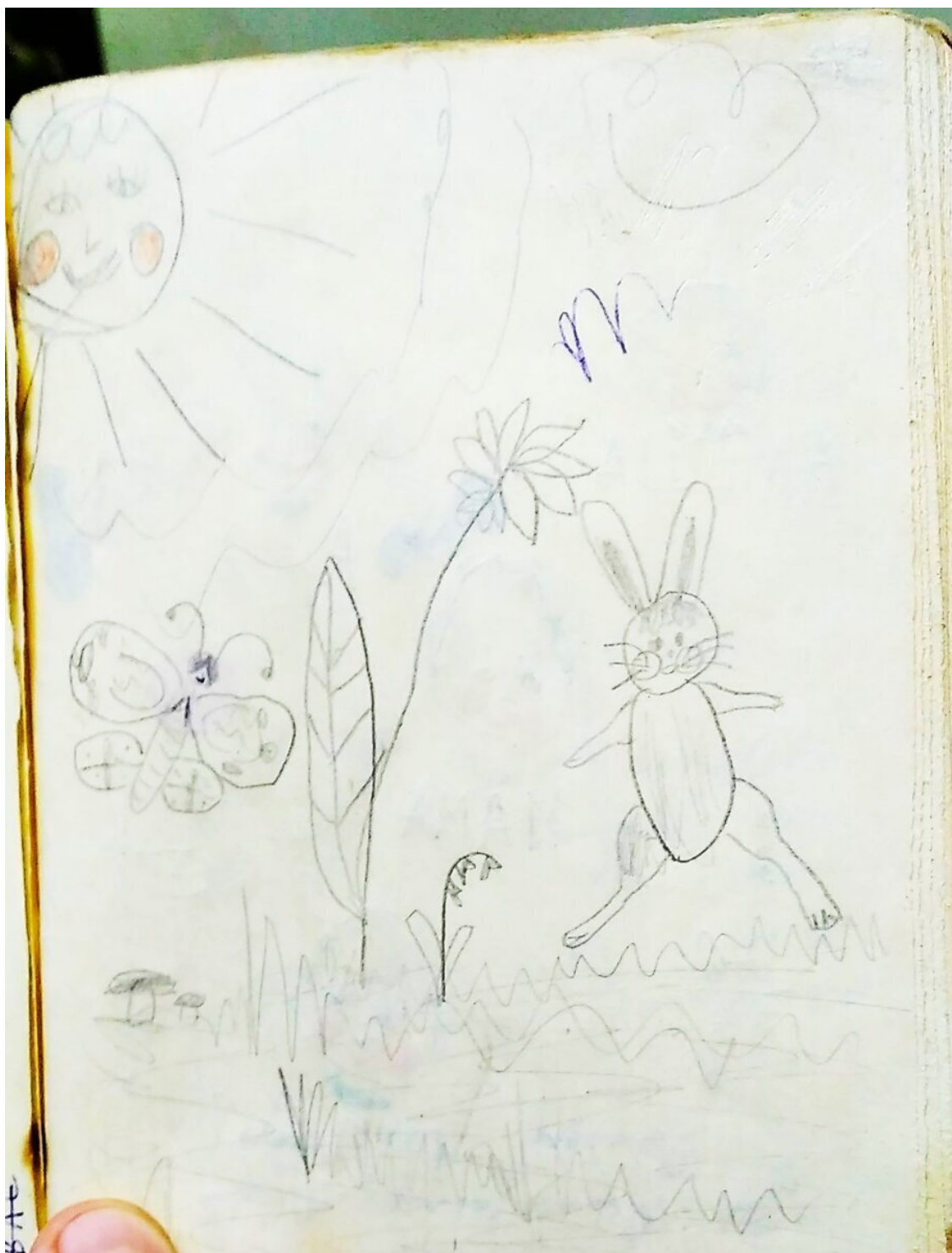
На пороге школы, последние полевые по правильному графику

Летит время! И вот пора дочке собираться в школу. 1990 год стал для нашей семьи знаменательным: муж защитил кандидатскую, а Аня пошла в первый класс. Но до школы мы отработали наш полевой сезон полноценно и продуктивно, несмотря на то, что Володя половину мая провёл в разъездах по поводу получения первой своей ученой степени.

Выехали мы как обычно на наш стационар Бурчлибурун в начале апреля. Весна не была поздней, но мы в срочном порядке допечатывали в городе диссертацию и автореферат. Если кто помнит, то компьютеры в 1990-м были только у немногих. Поэтому печатать (и перепечатывать) мужнину кандидатскую мне пришлось на пишущей машинке. А поскольку там было ещё и латыни много, то искать в Ташаузе пишущую машинку с латинским шрифтом. А вот автореферат удалось сделать на компе. Это был самый первый агрегат, который привёз Андрей Затока из Москвы. И это был прекрасный выход, ведь автореферат нужно было распечатать не в трёх экземплярах, как работу, а что-то порядка десяти. И это была настоящая палочка-выручалочка, так как компьютер Андрей привёз вместе с принтером.

Закончив оформление и разослав всё рецензентам, мы со спокойной совестью поехали работать в пустыню. Но примерно на две недели позже, чем обычно. Потом пришлось навёрстывать упущенное. Но опыт уже имелся, поэтому ход событий в развитии сезонных явлений удалось восстановить.

Дети поехали вместе с нами, радуясь весне и воле. В бытовом плане стало гораздо легче, так как ребяташки подросли. Но до отъезда они переболели гепатитом А. Поэтому мне пришлось запастись диетическим и детским питанием, а при готовке тратить больше времени на обработку продуктов. Так как белок был необходим, а из мяса у нас была тушенка, то из банки вынимались мясные волокна и вываривались. Только потом мясо отправлялось в детскую кашу или макароны. А ещё под вагончиком у нас хранились несколько ящичков с маленькими баночками соков, пюре и прочей вкусности для младенцев. По сути дети питались отдельно от нас. По себе знала, что только правильное питание восстановит печень после желтухи. И конечно чистый воздух и физическая активность помогали укрепить иммунитет сами по себе. А настрой был очень позитивный.

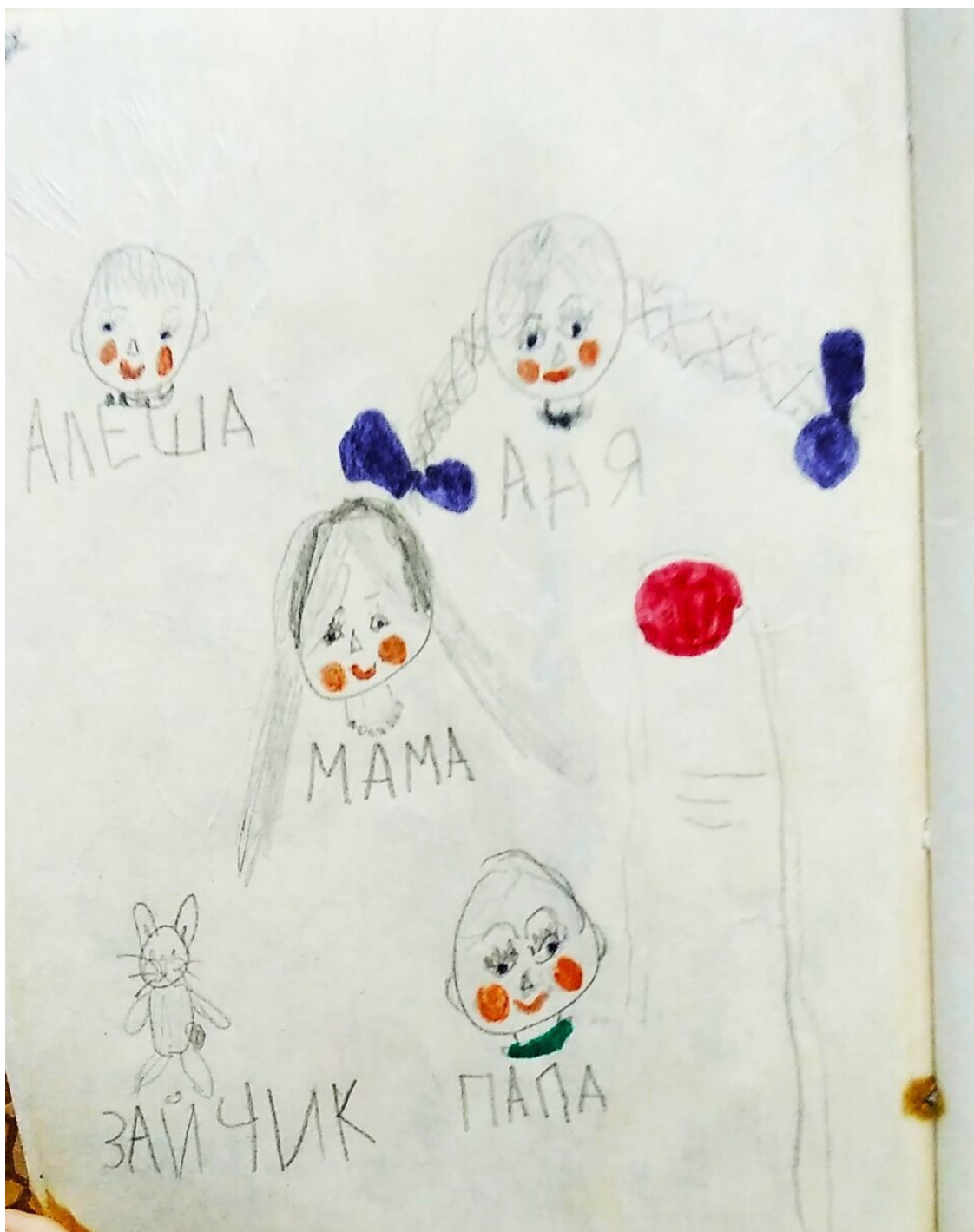
Вместо фоточки Анин рисунок из моего полевого блокнота 1990 года

Вот так мы и жили, выполняя уже привычную работу и маршруты весь апрель на Бурчли. Аня с Лёшей уже подросли настолько, что их выносливость не уступала моей. Они почти всегда ходили со мной недалеко от лагеря 2-3 км на мои площадки и маршруты. И даже помогали найти то новый распутившийся вид растения, то гнездо для папы. И Аня даже сама рисовала расположение гнезда, и вешала метку, и мы двигались дальше.

Дети на Бурчли в апреле 1990. Ящик из-под снарядов – отличная вещь для хранения продуктов и игр

Аня в свои шесть лет читала, писала печатными буквами и хорошо рисовала. Но в пустыню мы не взяли акварельные краски, только фломастеры и цветные карандаши.

Наша семья, 1990 год. Зайчик встретился недалеко от лагеря: под впечатлением. Из полевого блокнота

В конце апреля мы как и в прошлом году переместились на второй стационар, впадину Акча-Кая. Там стояли лагерем как обычно Затоки и группа студентов из Саратова. Мы там пробыли неделю и очень интенсивно работали. Даже не было времени до фонтана выбраться. А вот празднование Первомая запомнилось.

Парад 1 мая в Акча-Кае

Весёлые студенты надули воздушные шарики, сняли стенку красной платки и натянули её на длинный шест, нацепили на себя всё полевое оборудование: бинокли, фонари, мелкокалиберную винтовку, связки давилок и фляжки. Володя как зам. по науке принимал парад. Ане тоже захотелось влезть на бочку с водой. Момент я запечатлела, успела.

Алёша на первомайском параде с цветочком

Пробыли мы на Акча-Кая до 5 мая. Потом на пять дней улетели в город. С улучшением транспортной ситуации в заповеднике мы всегда планировали теперь побывки в Ташауз. К маю

в оазисе поспевала клубника, дети витаминизировались натуральными продуктами и отмывались в ванной. Потом мы проводили папу на защиту диссертации в Свердловск.

10 мая снова улетели на Бурчлибурун. Там мы пробыли до Володиного приезда почти три недели. Но в это время к нам прилетали гости ученые. Визит одного из них по фамилии Голуб запомнился хорошо. Это был геоботаник с Волги, который разрабатывал новые подходы к классификации растительных сообществ. И мы с детьми водили его по всем нашим пустынным площадкам. Возвращаясь как-то с равнины, заглянули в овраг к гнезду филина. Володя просил следить за ходом событий. И нашли там уже выбежавших из гнезда птенцов. Я хоть и боялась, но филиненка взяла, он не особо и брыкался, так как был худоват. И Валентин Борисович Голуб сфотографировался с ним, и дети.

Я держу филиненка, а научный работник из отделения РАН фотографирует. Май, 1990

Результаты наших совместных походов по моим площадкам дали результаты. Валентин Борисович скромно поставил наши с Леной Черновой фамилии впереди своей. Хотя конечно вклад его был куда серьёзнее.

В начале июня к нам вернулся наш папа, уже кандидат наук, потому что успешно защитился в Институте экологии растений и животных в Свердловске. После обследования всех его площадок и гнёзд решено было заканчивать работы на Бурчли. Июнь на Южном Устюрте – это уже период спячки. Влажность стремится к нулю, температуры к +40, наступает летний период покоя.

Поэтому уже после десятого июня мы стали собирать вещи и отправились поближе к воде. А именно на Сарыкамьшское озеро, на стационар, где стояли лагерем Черновы Володя и Лена. Возле озера и на островах жизнь кипела и в самые жаркие месяцы. Не только водоплавающие подращивали птенцов, но и много воробьиных начинали свои вторые и даже третьи

кладки в зарослях кустарников, пышно окружавших озеро. Там был по сути оазис в пустыне, только дикий.

Как и в прошлый год я в основном помогала мужу в поиске гнезд воробьёв и бормотушек. И свободного времени было гораздо больше, чем работы. Купались, занимались с детьми, вспоминая навыки плавания, больше времени проводили на совместных экскурсиях. В тот год на озеро приехали и Затоки с ребяташками. Правда пробыли недолго, но всё равно у детей был очередной общий сбор. Шуму и гаму было много. Удалось усадить всех на лодку и сделать исторический кадр.

Все дети научного отдела Капланкырского заповедника, июнь 1990

В этот момент подъехал к берегу рыбак. Рыбацкая бригада стояла в то время на Сарыкамыше, рыбы ловили много. Рыбаки приезжали к Черновым с гостинцами в обмен на какие-нибудь продукты, которые у них внезапно заканчивались. Обмен конечно был неравноценный: рыбы привозили столько, что от половины приходилось отказываться. Огромные сазаны были ещё живые. Дети сидели над ними, рассматривая, а Аня рыдала. Она потом не стала есть рыбу, даже в пироге. До сих пор у неё аллергия на речную рыбу, спустя десятилетия.

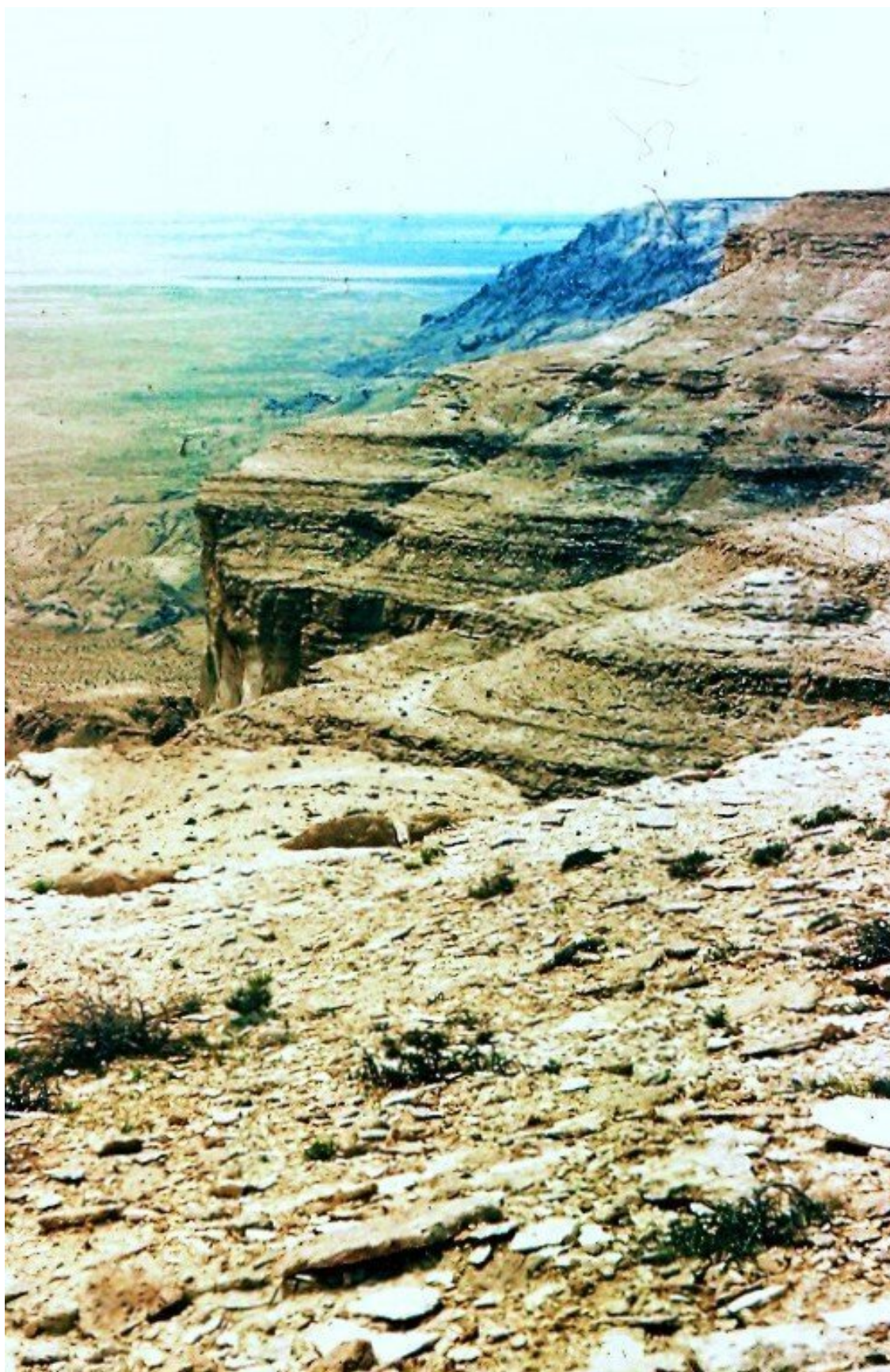

Рыбы. Июнь 1990, Сарыкамьши

На озере мы пробыли десять дней. А потом поехали в город. Всё же свежие продукты, овощи и фрукты культурного оазиса уже были просто необходимы, особенно детям. Да и в отпуск надо было собираться.

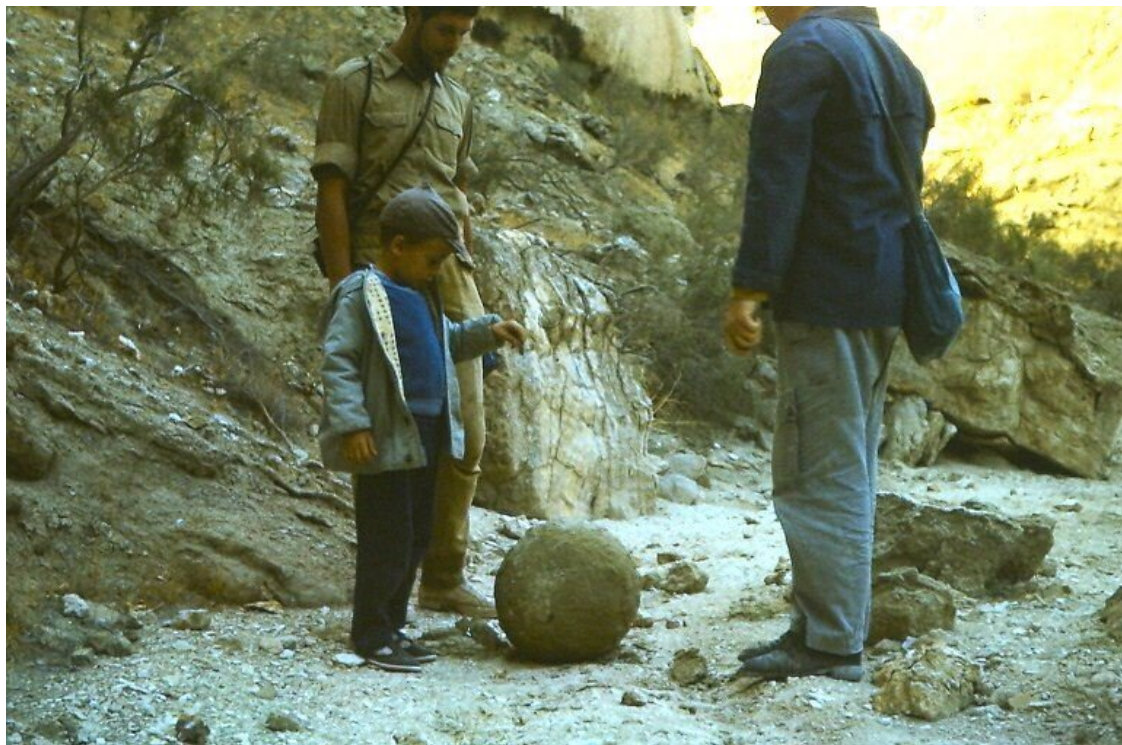
Осенний выезд в пустыню в 1990-м году был у нас в октябре. Аня уже не поехала, так как пошла в первый класс. И не хотелось с первых дней учёбы конфликтовать с первой учительницей, которая очень ответственно относилась к своему делу. Ведь поездка в пустыню – это развлечение, так считала она. За Аней присматривала неделю моя мама, которая приехала в гости после своей уральской уборки сада-огорода.

А Лёша поехал с нами. В этот год мы не только были на своем стационаре, а и добрались до самой западной границы заповедника, обрывов чинка Капланкыр.

Чик Капланкыра, высота 300 метров

Обрывы Капланкырской впадины впечатляли. Их высота была несравненно больше, чем на нашем стационаре. Самые высокие были до 300 метров. Более низкие были с промоинами и местами, где выходили на поверхность родники – места водопоя для животных. Мы по возможности спустились туда. А на дне этих промоин обнаружили интересные конкреции природного происхождения. Этакие "яйца динозавров". Одни были в диаметре небольшие 30-70 см, а другие просто огромные. Но огромные уже не такой правильной, шарообразной формы.

Вот такое образование

Лёша как-будто бы катит этот камушек. Но это постановка, "шарик" – неподъёмный

На плато мы надеялись увидеть стада краснокнижных копытных: архаров. Но нашли только древние ловчие загоны для них. Но и это тоже было интересно. По всей видимости в средние века архаров было на плато Капланкыр настолько много, что на них охотились. И вот таким интересным способом.

Древние ловушки на архаров на плато Капланкыр

Вот так завершился наш полевой сезон 1990.

О средней школе и высшем образовании

И всё же наступила пора, когда дочь пошла в школу. Это был сентябрь 1990 года. В это время русские школы в Туркмении ещё были, в Ташаузе имелись три таких. Ближайшая от нашего дома находилась в 15 минутах ходьбы неспешным шагом. Единственным серьёзным препятствием на пути к школе была оживленная дорога между нашим микрорайоном (Восточным) и Центральным. Катя и Юра, дети наших коллег тоже пошли в первый класс, и им было гораздо ближе добираться, и дорогу не надо переходить, так как жили они тоже в Центральном микрорайоне. Но что делать, в нашем околотке школы имелись только туркменские. В Ташаузе, областном центре, школ было много, не менее 25, и подавляющее большинство было с преподаванием на родном языке. По-моему, были даже узбекские школы (или классы).

Вот поэтому первенцы нашего научного отдела дружной компанией все поступили в один класс к замечательной учительнице начальных классов: Наталье Анатольевне. Женя Затока уже тогда подрабатывала в этой школе, преподавала биологию, диплом-то имелся! Именно она нашла всем нам первую учительницу, так как уже освоилась в педагогическом коллективе.

Аню, Катю и Юру ещё приняли в октябрюта. А вот после 1990 года все общественно-политические мероприятия отменили. На память сохранилось фото с этого праздника. Можно сказать, последний привет от КПСС.

Праздник в первом классе

Начальную школу Аня закончила хорошо, потом с успехом перешла в среднюю, только уже в Екатеринбурге. С благодарностью вспоминаем её первую учительницу.

Анин класс и первая учительница

А вот Алёше не очень повезло. В следующем году не было безусловного выбора. Его записали в класс к молодой туркменке. По отзывам это была способная девочка. Но в её классе Лёша был единственным ребёнком с родным русским языком. Волей неволей учительнице чаще приходилось объяснять детям материал на туркменском. Через пару недель мы всё же попросили перевести сына в класс, где хотя бы были несколько русскоговорящих учеников. К нам прислушались. Но учительница была не подарок. Так что сын скорее обучался дома, а не в школе.

А в начале второго класса пришёл домой со сломанным передним зубом. И зуб этот был уже не молочным, а постоянным. Пошла разбираться, что произошло. Оказывается на перемене дети носились по школьному двору без присмотра педагога. А двор устлан бетонными плитами. Толкнули, упал, лицом на бетон. Не найдя понимания в лице Лёшиной учительницы в вопросах охраны здоровья учеников, я перевела сына на домашнее обучение. Иногда мы ходили с ним на консультации к Аниной учительнице. Второй класс он закончил хорошо. На третий год я рискнула снова отправить его в школу. И очередной год прошёл без приключений. А потом мы уехали.

Лёшин класс, после трёх лет учёбы

Хоть дети наши в Туркмении обучались только в начальной школе, но мне пришлось поработать в средней и в высшей. Вот как это было.

Как-то Женя Затока, которая уже уволилась из заповедника и перешла окончательно работать в школу, предложила мне повести химию у старшеклассников. ГОРОНО попросил её, но ей было неудобно мотаться из школы в школу. Потому что образовательное учреждение, где пропал учитель химии среди учебного года, находилась далековато от наших домов. Я имела опыт преподавания в 5-7 классах ботаники и зоологии (это моя педпрактика в универе растянулась на целую четверть). Решила, что полторы четверти выдержу.

То ли учащиеся уже стали взрослее, то ли бывший учитель их построил, но на уроках была тишина. Я с удовольствием им объясняла свойства кислот и щелочей и основы химических производств. А тем, кто постарше – органическую химию, это было ещё интереснее. У химического кабинета была лабораторная комната с набором реактивов, и мне даже удалось провести лабораторные работы. В целом у меня остались приятные впечатления о старшеклассниках, хотя как и всюду были талантливые, а были совсем безразличные. Это относилось в основном к туркменским девочкам.

Эту закономерность я подметила, когда вела курс лесоведения в Ташаузском филиале Туркменского лесотехнического института. Представьте, был такой. В Ташаузе филиал существовал недолго, видимо из-за кадрового голода его всё же закрыли. Но мне, как прослушавшей курс лесоведения на моей родной кафедре биогеоценологии и охраны природы, прямо настоятельно порекомендовали впрячься в образовательный процесс. Хорошо, что это был октябрь-декабрь.

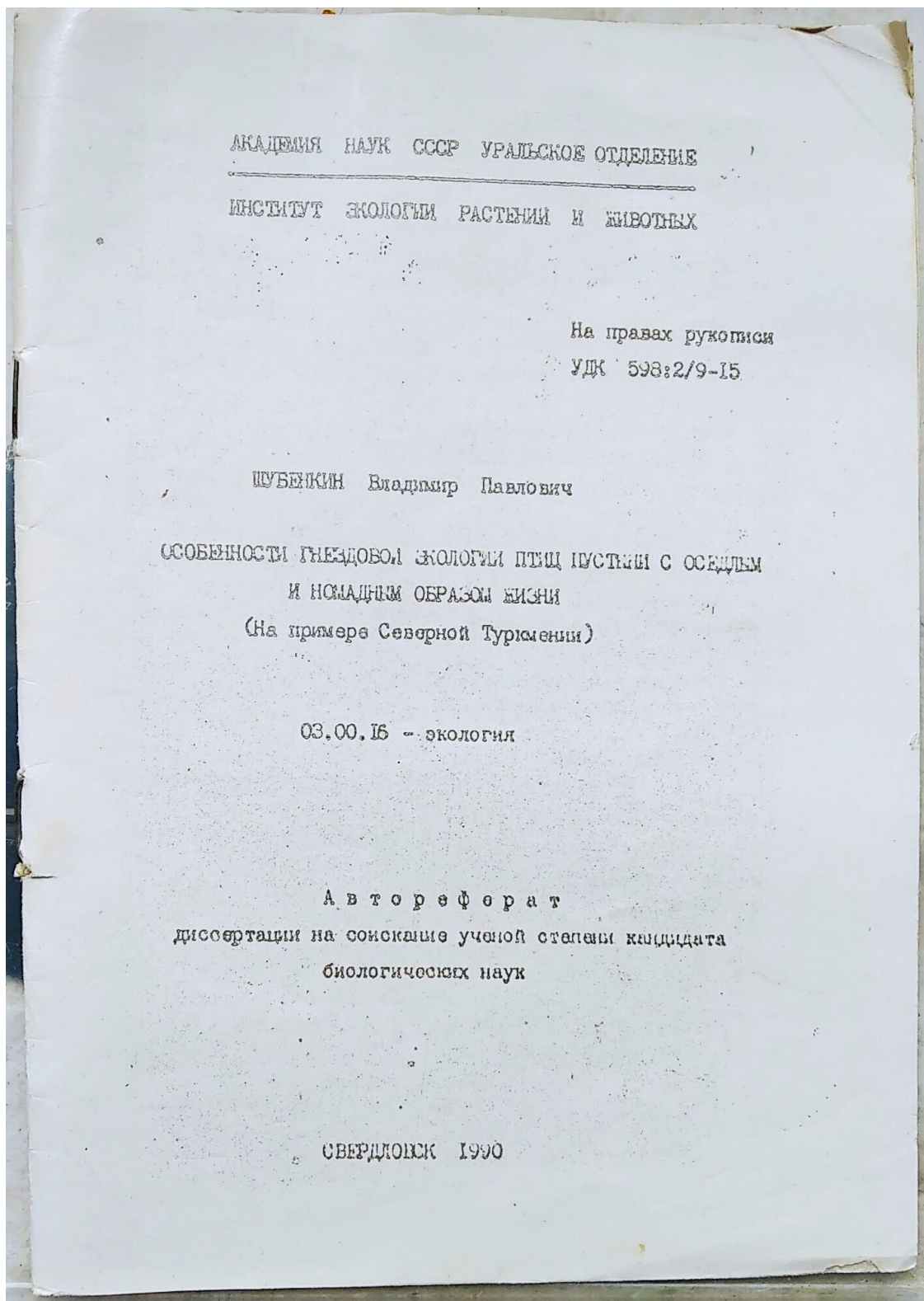
Учебник по лесоведению в Туркмении был в библиотеке один. Выпущенный для студентов ВУЗов средней полосы, с описанием хвойных и лиственных лесов, с методиками оценки и учета сосен и дубов. Так что мне приходилось адаптировать лекции к саксаульникам и тугаям. Но основные способы расчета объема древесины всё же надо было донести. Каково же было моё удивление, когда почти вся группа не смогла вспомнить как вычисляется не только объём цилиндра, но и даже площадь круга.

Потом мы беседовали со студентами на зачёте. Кто-то, кому реально нужно было выучиться и пойти по карьерной лестнице, отвечали мне на вопросы программы. А те, кому нужны были просто корочки, разговаривали за жизнь. Рассказывали, почему им нужен диплом. Девочкам, чтобы больше калым дали. У мальчиков были папы в начальниках, и чтобы получить кресло по наследству, нужны были корочки ВУЗа.

С приходом к власти Туркменбаши высшую школу вообще сократили до двух лет обучения. Ну чего бедным студентам мучиться! Так что за высшим образованием те, кому надо, поехали в Россию, а потом и в Турцию. И если среднее образование в девяностые в России увеличили до 11 лет, то в Туркмении сократили до 9. А русские школы вообще упразднили. Хотя туркменский язык там преподавали наряду с английским, даже учебники были.

Как меняется жизнь после получения учёной степени

В мае 1990 года мой муж защитил кандидатскую и получил свою первую учёную степень. Научный руководитель у него был тот же, что и на дипломе. А защита проходила в Институте экологии растений и животных в Свердловске. Я и не сомневалась, что у него всё получится. Материала было собрано за семь лет очень много. И факты были очень интересные, ведь в пустыне мало кто изучал экологию и биологию птиц, а уж в Туркмении – точно.

Сохранился в архиве автореферат кандидатской, сделала фото

Конечно мне пришлось побыть одной с детьми около двух недель в пустыне. Но я считаю, что это даже лучше, чем если бы я осталась с ними в душном Ташаузе. И потом, на стационаре были коллеги, готовые всегда прийти на помощь.

После полевого сезона и летних отпусков муж стал официально заместителем директора по научной работе, так как был долгие годы и.о. И в это же время Министерство уведомило нас, что финансирование на полевые работы резко сокращается. Что будет с полевым сезоном следующего года, стало совсем непонятно. Собственных средств у научного отдела на поездки в пустыни просто не было. Тогда муж предложил создать хозрасчётное предприятие, чтобы зарабатывать и окупать полевые. Но ученые его не поддержали.

В те же дни в местном облисполкоме озаботились созданием экологического отдела. А Володя всегда печатал интересные статьи о природе в местных газетах, поэтому был известен широкой публике. И ему предложили создать экологический отдел. И думал он недолго на фоне сложившейся ситуации. Стратегически конечно это было правильно: защищать интересы заповедника на более высоком уровне. Ведь именно этот отдел курировал охрану природы в области. Благодаря мужу, продлили срок существования Сарыкамышского заказника, где стараниями ребят заповедника всё же удалось реакклиматизировать кулана.

Интересный факт: муж долго оставался на руководящей должности в облисполкоме будучи не членом КПСС. Хотя его непосредственный руководитель раз пять предлагал ему вступить в ряды.

Научный коллектив Капланкырского заповедника начал потихоньку распадаться. Женя Затока, наш специалист по млекопитающим, стала преподавать в школе, сначала по часам, а потом уже совсем уволилась, чтобы стать педагогом. Семья Черновых решила переехать в северный заповедник, где Володе Чернову предложили должность зама по науке. И они уехали. Через год уехала на Урал семья Антиповых.

Благодаря усилиям Андрея Затоки научный коллектив всё же восполнил потерю кадров. Работать приехали выпускники из Саратова, семейная пара, которые раньше проходили практику студентами в нашем заповеднике. Но без полевых работ нет никакой научной работы. И работа научного отдела в конторе вообще теряет смысл.

Научные наблюдения в пустыне мы не бросали. Как могли, короткими наездами всё же проводили учеты. А я в 1991 году, после окончания Аниных занятий в школе даже уехала с детьми в пустыню на целый месяц. Но конечно не одна, с коллегами. Володя участвовал во всех авиаучетах заповедника, так как отпроситься на день с основной работы в исполкоме было не сложно. Я продолжала работать в заповеднике, собирала материал для кандидатской. Даже прошла предзащиту в Московском пединституте. Но грянул 1992 год. Вот тогда стало понятно, что с наукой придётся завязывать.

В начале девяностых все предприятия обязали иметь экологические паспорта. Да они бы и хотели, но специалистов в области не было, кто мог бы это сделать. Так мы создали свой первый семейный коммерческий проект Научно-производственный кооперативный Центр, который эти паспорта изготавливал. И наш кооператив просуществовал почти пять лет, пока мы не уехали на Урал.

Охрана природы перешла в Ташаузе в общественное русло. В те годы гранты Фонда Мира щедро рассыпались по бывшим советским республикам. На один такой грант мы научным коллективом заповедника даже написали и издали книгу о природе Туркменистана в качестве пособия для учителей средней школы.

В общем, начало девяностых и нас потрянуло. Хотя материально наша семья стала жить лучше. Появился компьютер с принтером, а потом и автомобили. На одном из них, ЛУАЗе, мы даже самостоятельно семьёй ездили в пустыню.

Но уже тогда стало понятно, что гайки будут закручивать. У нас дома осталось фото, где муж в компании министра и других республиканских чиновников. Двоих потом посадили в тюрьму. Таковы были реалии.

Муж (справа в светлом) сопровождает от Ташаузского облизполкома делегацию из Ашхабада в Куня-Ургенч. 1992 год

Эпилог

Дорогой читатель! У меня в запасе ещё есть рассказы. И не только мои, но и моих коллег по Капланкырскому заповеднику: Володи Чернова, Лены Черновой, Андрея Затоки, Шубенкина Владимира. Поэтому у этой книжки будет продолжение. Вы узнаете про куланов, про кобру, про шторма на озере Сарыкамыш. Поэтому не прощаюсь.

Елена, апрель, 2024